

ООО «Наука и образование»

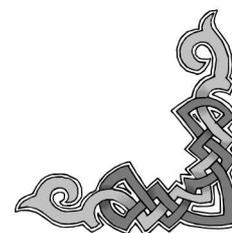
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

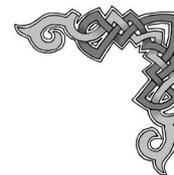

**№ 1
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

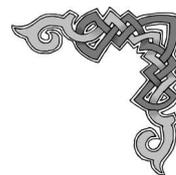
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

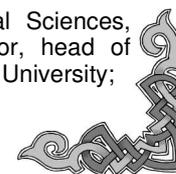
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimshikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

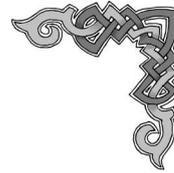
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,

Дятлов Александр Викторович,

Коновалов Станислав Иванович,

Нарбут Николай Петрович.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонович И.И.

Становление евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. Размышления читателя	13

Василенко И.В., Ткаченко О.В.

Риски потребления в социальных сетях интернет-магазинов	17

Газимагомедов Р.И.

Этническая идентичность и этнические ценности в массовом сознании городской молодежи Дагестана	22

Гафиатулина Н.Х., Латышева А.Т., Самыгин С.И.

Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска	27

Муха В.М., Можаяева Е.Ю., Лысенко А.И.

Динамика адаптированности иностранных студентов в российском вузе: на примере КубГТУ	31

Пономарев И.Е., Бутенко Т.В.

Механизмы популяризации физической культуры и спорта в сознании российской молодежи	35

Рамазанов Р.О., Акимова А.А., Нурилова А.З.

Проблема начального мусульманского образования в современном российском обществе	39

Стариков А.Г., Бакушев В.В., Перова М.В., Горяинов С.В.

Кто герой среди молодежи?	43

Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахтина Т.А., Абдуллаев С.С.

Анализ самочувствия студентов медицинского университета в период сессии	47

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богомолова Т.П., Шурус А.А.

Гражданское общество в современной России: этапы становления и ключевые институты	53

Вишневецкий К.В.

Роль внутриличностного конфликта в формировании мотивации совершения сексуального насилия	57

Волгин Ю.Г., Черненко Т.Г.

Уровни информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений	63

Гудима К.Н.

Формирование и развитие института наказания в Приднестровской Молдавской республике, пути его оптимизации	67

Ефремов Е.Н., Федякова Н.А.

К вопросу ответственности супруга наследодателя по его долгам	71

Завьялов В.А.

Тактические операции, проводимые по делам об экономических преступлениях	74

Зеленская Л.А.

К вопросу о соотношении понятий «тождество споров» и «тождество исков»	79

Зыков Д.А., Михайлов А.Е., Семенов С.А.

Классификация опознаний, проводимых в условиях повышенных тактических рисков	83

Искендерова Я.Ю., Левченко И.А., Сережникова Т.Л. Парадоксы правовой культуры в российском обществе	87
Косынкин А.А. К вопросу о банкротстве индивидуального предпринимателя	93
Кузнецова И.А. Историко-правовой аспект и перспективы развития авторских и смежных прав в Российской Федерации	97
Маховская А.А. Рассмотрение сообщения о незаконном лишении свободы: возможный алгоритм действий надлежащих субъектов в типичных его ситуациях	100
Овсянникова М.А., Тарыкин В.К., Тулиёва В.В. Предупреждение различных видов преступлений в местах лишения свободы: теория и практика	104
Савин А.А. Сущность принудительных мер медицинского характера	107
Смирнов А.М. К вопросу о фундаментально-теоретической модели изучения личности преступника	110
Смирнов А.М. Социально-демографическая характеристика личности, самостоятельно защищающей свои права и свободы в сфере уголовно-правовых отношений во внесудебном порядке посредством совершения преступных деяний	113
Смирнов А.М. Уголовно-правовая характеристика лица – субъекта криминального самосуда	115
Сорокина Ю.А. К вопросу об отказе кредитора от осуществления права в рамках процедуры банкротства	117
Юрпалова Д.Н. Состояние преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами	121
Ястребова О.И., Пономаренко В.А. Место правовой лингвистики в структуре правовой теории и практики	129
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аверин А.Н., Ляхов В.П., Колимбет П.С., Тихонов К.М. Социальная ориентация консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов	137
Боташева Ф.М., Казанский А.В. Интегрированный контроль как инструмент регулирования в социально-экономических связях	142
Коновалова Т.В., Надирян С.Л. Пути оптимизации транспортно-логистических затрат торгово-производственных предприятий	145
Таранов П.В., Диденко Н.П., Самыгин С.И. Детерминанты торможения в развитии мировой экономики (по итогам 2019 г.)	148
Федоренко Р.В., Тойменцева И.А., Цегледи Тамаш Современное состояние логистики внешнеторговых перевозок в России и странах Европейского Союза	152

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Ivan I. Antonovich Formation of the Eurasian economic Union: ideas, reality, potential. rader's thoughts	13
Inna V. Vasilenko, Olga V. Tkachenko Risks of consumption in social networks of online stores	17
Ramazan I. Gazimagomedov Ethnic identity and ethnic values in mass consciousness of city youth of daghestan	22
Natalya Kh. Gafiatulina, Anna T. Latysheva, Sergey I. Samygin Volunteer activity in the system of organization of social work with youth risk group	26
Viktoria N. Mukha, Elena Yu. Mozhaev, Artem I. Lysenko The dynamics of adaptability of foreign students in a Russian university: the example of KubSTU	31
Igor E. Ponomarev, Tatyana V. Butenko Mechanisms to popularize physical education and sports in the minds of Russian youth	35
Rashid O. Ramazanov, Aida A. Akimova, Albina Z. Nurilova Problem of elementary muslim education in modern Russian society	39
Alexander G. Starikov, Valery V. Bakushev, Marina V. Perova, Stanislav V. Goryainov What hero is a new?	43
Inna R. Shagina, Aliya S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina, Sardor S. Abdullayev Analysis of well-being of students of medical university during the session	47
JURISPRUDENCE	
Tatyana P. Bogomolova, Alexey A. Shulus Civil society in modern Russia: formation stages and key institutions	53
Kirill V. Vishnevetskiy The role of intrapersonal conflict in the formation of motivation for sexual violence	57
Yuri G. Volgin, Tamara G. Chernenko Levels of information provision activities of operative units to solve crimes	63
Kristina N. Gudima Formation and development of institute of punishment in transdnistria, ways of its optimization	67
Evgeny N. Efremov, Natalia A. Fedyakova On the issue of the testator's spouse's liability for his debts	71
Vladimir A. Zavyalov Tactical operations economic crime cases	74
Ludmila A. Zelenskaya To the question of the relationship between the identity «Identity of disputes» and «Identity of lawsuit»	79
Daniil A. Zykov, Alexey E. Mikhailov, Sergei A. Semenov Identification classification in the conditions of the increased tactical risk	83
Yana Y. Iskenderova, Irina A. Levchenko, Tatyana L. Serezhnikova Paradoxes of legal culture in Russian society	87
Alexander A. Kosynkin On the issue of bankruptcy of an individual entrepreneur	93

Inna A. Kuznetsova Historical and legal aspect and prospects of development of copyright and related rights in the Russian Federation	97
Anastasiya A. Makhovskya Consideration of a report of unlawful deprivation of liberty: a possible algorithm for appropriate actors to act in typical situations	100
Maria A. Ovsyannikova, Vladimir K. Tarykin, Victoria V. Tulyova Prevention of various types of crimes in places of deprivation of liberty: theory and practice	104
Andrei A. Savin Essence of forced measures of medical character	107
Alexander M. Smirnov To the question of a fundamental-theoretical model of studying the personality of the criminal	110
Alexander M. Smirnov Socio-demographic characteristics of persons, independently protecting its rights and freedoms in the field of criminal legal relations in an extraordinary order by criminal commission	113
Alexander M. Smirnov Criminal legal characteristic of face – subject of criminal vessel	115
Yulia A. Sorokina Concerning the creditor's refusal to exercise of right under the bankruptcy	117
Diana N. Yurpalova State of road safety crime committed by women	121
Oksana I. Yastrebova, Vera A. Ponomarenko The place of legal linguistics in the structure of legal theory and practice	129
ECONOMIC SCIENCES	
Alexander N. Averin, Victor P. Lyakhov, Pavel S. Kolimbet, Konstantin M. Tikhonov Social orientation of the consolidated budget of the Russian Federation and the budgets of state non-budget funds	137
Fatima M. Botasheva, Aleksandr V. Kazanskiy Integrated control as a regulating instrument in socio-economic relations	142
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan Ways to optimize transport and logistics costs of trade and production enterprises	145
Petr V. Taranov, Nadezhda P. Didenko, Sergei I. Samygin Determinants of braking in the development of the world economy (by the results of 2019)	148
Roman V. Fedorenko, Irina A. Toymentseva, Tsegledi Tamash Current state of logistics of foreign trade transport in Russia and European Union countries	152

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Антонович Иван Иванович
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки
Республики Беларусь,
доктор философских наук,
профессор,
действительный член
Российской Академии
социальных наук,
профессор Академии ФСБ РФ
sn0105@mail.ru

Ivan I. Antonovich
Honored Worker of Science
Russian Federation,
Honored Worker of Science
Republic of Belarus,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Full member of the Russian Academy
of Sciences Social Science,
Professor of the FSB Academy
of the Russian Federation
sn0105@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ИДЕИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПОТЕНЦИАЛ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

FORMATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: IDEAS, REALITY, POTENTIAL. READER'S THOUGHTS

■ ■ ■
Аннотация. Статья посвящена размышлениям автора о монографии Г.И. Осадчей «Становление Евразийского экономического союза: идеи реальность, потенциал», опубликованной в 2019 г. и вызвавшей немалый интерес у научной общественности, в частности, в связи с тем, что в ней дается целостная картина процессов развития евразийской интеграции с учетом исторических традиций и перспективы, анализируются матрицы социокультурных и политических показателей интеграционных процессов, отмечаются успехи и анализируются проблемы движения по созданию единого экономически взаимодействующего политического организма.

■ ■ ■
Annotation. The article is devoted to the thoughts of the author on the monograph by G.I. Osadchaya «Formation of the Eurasian economic Union: ideas, reality, potential», published in 2019 and caused considerable interest among the scientific community, in particular, due to the fact that it provides a holistic picture of the development process of Eurasian integration, taking into account historical traditions and perspectives, analyzes the matrix of socio-cultural and political indicators of integration processes, progress and problems of the movement to create a single, cost-interactive political body.

■ ■ ■
Ключевые слова: идея, реальность, потенциал, рецензия, размышления, евразийский моюз, экономический союз.

■ ■ ■
Keywords: idea, reality, potential, review, reflection, Eurasian moiuse, economic union.

■ ■ ■
В ноябре 2019 в Москве состоялся первый Евразийский аналитический форум, который собрал специалистов по многим отраслям знаний (экономика, финансы, социология, политика). Состоявшийся обмен мнениями выявил много интересных подходов к пониманию актуальных задач евразийской интеграции, оценке перспектив дальнейшего сотрудничества, будущее Евразийского союза, как в его нынешнем составе, так и на будущую перспективу с учетом того, что ряд государств региона хотел бы подключиться к этому новому крупному региональному объединению.

■ ■ ■
ской организации с международным статусом, наделенной широкими полномочиями в решении вопросов интеграционного взаимодействия, имеющую четкую структуру и эффективно действующий механизм.

Как известно, Евразийское экономическое сообщество стало обретать свои обозримые черты после мая 2000 года, когда в Минске президенты Беларуси, Казахстана, России и Таджикистана приняли решение о создании новой экономиче-

Дальше процесс интеграции набирал все новые обороты, и в октябре 2007 году в Душанбе, на заседании Межгосударственного совета Евразийского экономического союза (далее, Евразэс, а затем, ЕАЭС) было принято решение о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза России, Белоруссии, Казахстана. В январе 2010 года был принят единый таможенный тариф, единые правила тарифного регулирования, а с 6 июля 2010 года действует договор таможенного союза. Одновременно был принят ряд серьезных международных документов по формированию единого

экономического пространства, в частности, план евразийской интеграции, зафиксировавший стремление государств-участников завершить работу по формированию системы договоров, составляющих правовую базу таможенного союза. Важным решением было создание:

– Антикризисного фонда Евразэс, который представляет членам финансовые и инвестиционные кредиты;

– Центра высоких технологий Евразэс, деятельность которого была направлена на совместную разработку реализации научно-технических программ, а также инновационных проектов, деятельность которого направлена на разработку ряда интересных проектов: «венчурные проекты», «Центр инновационных технологий Евразэс», в которых участвуют экономические, социальные и другие организационные структуры государств-членов;

– Высшего Экономического Евразийский Совет (состоящий из президентов государств-членов ЕАЭС), который отвечает за рассмотрение принципиальных вопросов деятельности союза, определение его стратегии, управление, перспективы развития и интеграции;

– Евразийский межправительственный совет, состоящий из глав правительств-членов, премьер-министров, который осуществляет работу по 10 полномочиям. Особое внимание уделяется контролю за исполнением договора о ЕАЭС, рассмотрению вопросов по инициативе ЕАЭС;

– Евразийская экономическая комиссия – наднациональный институт, который является основным регулирующим органом союза;

– Суд ЕАЭС – судебный орган союза, который ведет споры по вопросам реализации международных договоров в рамках ЕАЭС и решений союза;

– Евразийский банк развития (ЕАБР), а также, Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), которые стали ключевыми элементами и финансовой структурой евразийской интеграции.

За 5 лет существования молодой организации были сделаны не только первые шаги, но и существенно укреплена организационная структура, отработаны функции, разделены полномочия, и вся система функционирует в едином ритме. В ходе дискуссий на Евразийском аналитическом форуме отмечалась настоятельная потребность в комплексных научных исследованиях, которые помогли бы:

– представить целостную картину многоуровневого и многовекторного процесса евразийской интеграции;

– определить пути наиболее эффективной реализации намеченных планов и проектов;

– предотвратить и нейтрализовать угрозы евразийской интеграции, как в геополитическом

измерении, так и со стороны сил, которые противятся этому внутри отдельных стран-членов ЕАЭС.

С этой точки зрения нельзя не приветствовать появление монографии доктора социологических наук Г.И. Осадчей «Становление евразийского экономического союза: идеи, реальность и потенциал»[1]. В ней автором, которая является одним из признанных специалистов и аналитиков интеграционных процессов на всем евразийском пространстве, дается:

– целостная картина процессов развития евразийской интеграции с учетом исторических традиций и перспективы;

– анализируются матрицы социокультурных и политических показателей интеграционных процессов;

– отмечаются успехи и проблемы движения по созданию единого экономически взаимодействующего политического организма.

Большой интересен раздел, в котором автор дает краткий, но весьма важный для оценки исторического наследия евразийцев вывод о том, что они, в большинстве своем, опирались на концепцию всемирного исторического процесса, основанного на линейной схеме как разнонаправленном циклическом развитии национальных культур. Автор правильно отмечает, что задача истории заключается не в стремлении к абстрактному единству, а в проявлении в разные времена и разными народами всех тех сторон сотрудничества стран и народов, в которых можно реализовать актуальные идеи человечества.

Для нас особенно цельным является то обстоятельство, что евразийцы отводили России задачу объединения евразийских народов, что Евразия, отнюдь, не является соединением европейского и азиатского начал, а представляет собой особый континент, отличный от Европы и Азии. Несмотря на критику евразийцев со стороны видных теоретиков русского мира П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, их идеи сохранили свою значимость и сегодня, и при концептуальном основании единой парадигмы евразийской интеграции они могут быть полезны. Хотелось бы, конечно, чтобы автор попытался провести определенную линию преемственности между российскими евразийцами первой половины 20-го века и нынешними исследователями евразийской интеграции.

Важным является вывод автора, сделанный во второй главе, о том, что Евразийский экономический союз и мегапроект реализации неоевразийской концепции на постсоветском пространстве находят точки соприкосновения. Обращает на себя внимание:

– добровольность интеграции стран-членов ЕАЭС, которые исходили из интересов своих народов;

– экономический прагматизм, который не отрицает значение культурно-цивилизационных фак-

торов, и лежит в основе интеграционных процессов;

– обязательность жесткого соблюдения равенства, невмешательство в дела друг друга, уважение суверенитета и неприкосновенности государственных границ.

Автор отмечает демократический характер функционирования новой геополитической структуры, особо подчеркивая важнейший стратегический принцип: принятие решений на национальном уровне органами евразийского союза с учетом интересов каждой отдельной страны-участницы. Неизменно при организации встреч на высоком уровне, как руководителей государств, так и руководителей кабинетов министров, подчеркивается политический суверенитет, равенство партнеров по интеграции, четко разделяются и определяются полномочия наднациональных органов.

Автор права, подчеркивая, что ЕАЭС организован не на пустом месте и не на нулевой основе. Государства-члены пережили трагический период дезинтеграции экономических, социальных, политических и нравственных связей, вызванных распадом СССР. Последнее десятилетие 20-го века и первое десятилетие 21-го века прошло в поиске каждым из государств своего оригинального пути развития, в строительстве суверенитета, создании органов, защищающих суверенитет и делающих возможным равноправное сотрудничество с другими государствами.

Однако сам факт, что государства-члены ЕАЭС вернулись к взаимодействию на основе интеграции, говорит о том, что и опыт становления национальной идентичности в рамках СССР, и задачи укрепления суверенитета убедительно и неизбежно диктуют объективную необходимость евразийской интеграции. В ее основе лежат давние традиции взаимодействия и дружбы народов евразийского пространства, желание населения стран-членов совершенствовать основы своего общественного бытия, повышать благосостояние, развивать равноправные торгово-экономические и культурные связи с соседями.

Автор скупулесно и всесторонне исследует значение ряда органов евразийской интеграции, таких, в частности, как Евразийский банк развития, Евразийский фонд стабилизации и развития, полагая возможным создание мощного инвестиционного портфеля, реализацию ряда актуальных для жизни стран-членов проектов, наращивание потенциала для будущего.

Г.И. Осадчей особо подчеркивается, что финансовые и инвестиционные кредиты, гранты для финансирования государственных программ социальной сфере, которые стали инструментом евразийского фонда стабилизации, распределяются между странами-членами с учетом максимально объективного изучения условий и потребностей при согласовании позиций интересов всех участвующих в этом процессе сторон.

С большим интересом читается глава о межэтническом согласии как ресурсе успешности интеграционных процессов Евразийского экономического союза. Автор аргументировано доказывает, что это является важнейшим условием формирования нового интеграционного объединения.

Актуальным и оригинальным является предложение автора рассматривать Москву как город с ярким многонациональным колоритом, в котором русское большинство взаимодействует с выходцами из всех стран-членов союза, как своего рода ролевую модель и активно функционирующий образец, осуществляющей многоплановый межэтнический интеграционный эксперимент, который может быть использован и на уровне ЕАЭС.

Автор настойчиво рекомендует отрабатывать технологии мониторинга интеграционных процессов. Она убеждена в том, что акцент, сделанный в монографии на экономических процессах интеграции, при всей их важности, не являются единственным. Фактором обеспечения интеграционного взаимодействия выступает необходимость подключения к интеграционным процессам социально-культурных начал жизнедеятельности стран-членов ЕАЭС, выработка на этой основе единого экономического пространства и общего социального, культурного ареала, в котором могли бы комфортно чувствовать себя граждане стран-членов ЕАЭС, перемещаясь с различными целями по всему периметру Евразии. Хотелось бы, чтобы автор рискнула поднять вопрос о политической интеграции стран-членов ЕАЭС. По нашему мнению, она является неизбежным фактором дальнейших успехов интеграции при условии должного внимания к согласованию политических позиций стран-членов на международной арене, а также – при отработке технологии политического управления внутри самих стран. Такая региональная согласованность политических практик стран-членов ЕАЭС, отнюдь, не предполагает каких-то особых обязанностей, которые могли бы ущемить суверенитет членов ЕАЭС. Речь идет только об обмене опытом политического управления, о совместном анализе геополитических проблем как создающих угрозу евразийской интеграции, так и социальному благополучию и равновесию внутри самих евразийских государств. В частности, согласованные позиции особо актуальны по таким насущным проблемам, как борьба с терроризмом, система мер по защите окружающей среды.

Безусловно, по мере реализации интеграционных процессов страны-члены ЕАЭС и другие региональные объединения могут выступать с общими политическими позициями на международной арене. Совместное продвижение международных инициатив создает информационную базу общественной поддержки, в значительной степени обеспечивает их успех.

Читающее сообщество стран-членов ЕАЭС ждет и других крупных работ как монографических,

так и коллективных по актуальным процессам евразийской интеграции. Это вовсе не делает работу Г.И. Осадчей менее ценной как открыва-

Литература:

1. *Осадчая Г.И.* Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М. : Изд-во «Экон-Информ», 2019. 238 с.

теля горизонтов исследовательского процесса в ЕАЭС, так и первого, кто заявил о важности, связанных с этим, научно-исследовательских задач.

Literature:

2. *Osadchaja G.I.* The formation of the Eurasian Economic Union: ideas, reality, potential. M. : Econ-
Inform, 2019. 238 p.

Василенко Инна Викторовна
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
Волгоградский
государственный университет
inna.asilenko@yandex.ru

Ткаченко Ольга Викторовна
доктор социологических наук,
доцент кафедры
медико-социальных технологий
с курсом педагогики и образовательных
технологий дополнительного
профессионального образования,
Волгоградский государственный
медицинский университет
inna.asilenko@yandex.ru

РИСКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ

Аннотация. Актуальность представленного исследования обуславливается необходимостью изучения особенностей взаимодействия продавцов Интернет-магазинов и потребителей, и рисков, возникающих, как следствие, коммуникаций в виртуальной среде. В статье рассматриваются различные конфигурации сетей взаимодействий, используемых продавцами с целью сокращения рисков для себя, что приводит не только к изменению смысла взаимодействий, но создает ситуацию повышенных рисков для потребителей товаров Интернет-магазинов. Выделяются риски для покупателей и продавцов, характерные только для Интернет-среды. Выявлено, что покупка товаров в Интернет-магазинах мотивирована более низкими ценами, экономией времени, широким ассортиментом по сравнению с реальными магазинами. Констатируется практика использования Интернет-магазинов для получения информации с последующим осуществлением покупки в обычных магазинах.

Ключевые слова: Интернет-магазин, конфигурации взаимодействия продавца и покупателя, увеличение неопределенности выбора товара, риски покупателей и продавцов в виртуальной среде, проблема оценки изображений товаров, мотивация потребителей.

Введение.
За последние двадцать лет возрос интерес к исследованию проблемы взаимо-

Inna V. Vasilenko
Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor Department of Sociology,
Volgograd State University
inna.asilenko@yandex.ru

Olga V. Tkachenko
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor
Medico-social Technologies
With the course of Pedagogy and Education
Technologies of Additional
Professional Education,
Volgograd State Medical University
inna.asilenko@yandex.ru

RISKS OF CONSUMPTION IN SOCIAL NETWORKS OF ONLINE STORES

Annotation. The relevance of the presented research is determined by the need to study the features of interaction between sellers of online stores and consumers, and the risks arising as a result of communications in the virtual environment. The article discusses various configurations of interaction networks used by sellers to reduce risks for themselves, which leads not only to a change in the meaning of interactions, but also creates a situation of increased risks for consumers of online stores. The risks for buyers and sellers that are typical only for the Internet environment are highlighted. It was revealed that the purchase of goods in online stores is motivated by lower prices, time savings, and a wide range of products compared to real stores. The practice of using online stores to obtain information with the subsequent implementation of purchases in regular stores is stated.

Keywords: online store, configuration of interaction between seller and buyer, increasing uncertainty of product selection, risks of buyers and sellers in a virtual environment, the problem of evaluating product images, consumer motivation.

действия человека с виртуальной реальностью, с другими субъектами, использующими сети этого специфического социального пространства. Одним из аспектов этой темы является коммуни-

кация продавцов и потребителей (покупателей) с использованием сети Интернет. Примером виртуализации потребительской среды могут служить Интернет-магазины, представляющие собой, с одной стороны, одно из эффективных средств объединения ресурсов, формирования новых каналов сбыта, а, с другой стороны, информационно-коммуникативные структуры сети Интернет, соединенные с материальными и нематериальными, символическими объектами [1].

В этих случаях ресурсы производителей применяются лучше за счет микроструктур взаимодействия продавцов и потребителей, с помощью которых осуществляется существенная доля транзакций, а покупатели получают возможность сэкономить деньги и время, покупая необходимые товары и услуги [2]. Вместе с тем, потребители в таких условиях имеют дело не с реальным товаром, а с его образом, представленным на фотографиях. При этом продавцы для привлекательности своего сайта, помимо изображения товаров, помещают многочисленную рекламу, разнообразную информацию, что дезориентирует покупателя в массе представленных символических объектов. Это приводит к ситуации, когда возрастают потребительские риски, которые имеют место и в обычной жизни [3, с. 64–83], но усугубляются, когда процесс купли-продажи совершается в электронных сетях. Это происходит за счет изменения характеристик социального взаимодействия, происходящего в социальном пространстве, превращенном «в компьютерную программу» [4, с. 309].

В связи с выше изложенным, можно сформулировать исследовательскую гипотезу: усложнение социального взаимодействия в электронных сетях увеличивает неопределенность потребительской среды и провоцирует возникновение специфических рисков. Они порождаются не только социальными субъектами, но и объектами виртуальной среды (образами товаров, виртуальным ассортиментом, спецификой доставки и оплаты, рекламой и т.д.).

Методология и методы.

Целью данной статьи является анализ рисков потребительского поведения покупателей товаров в Интернет-магазинах, возникающих как следствие изменения характера, содержания и тактик социального взаимодействия между продавцом и покупателем, осуществляемого по поводу продажи и приобретения товаров в виртуальном мире.

Риски в потреблении имеют вероятностную природу [5] и зависят от таких факторов, как: неопределенность среды, наличие информации и знаний о товаре, который приобретается, опасности неправильной оценки потребительской ситуации и возможного ущерба [3, с. 65].

Риск определяется, чаще всего, как результат двух процессов. Первый процесс – это оценка возможных потерь, которые потребитель может понести из-за неправильного выбора товара в ситуации неопределенности среды. Второй про-

цесс – это уменьшение неопределенности потребительской среды покупателем за счет своих знаний о потребительской среде и информации о товаре [3, с. 36].

Для изучения особенностей потребительских рисков в виртуальной среде Интернет-магазина и влияния факторов формирования этих рисков в августе 2019 г. в г. Волгограде было проведено качественное социологическое исследование на тему: «Интернет-магазины как форма взаимодействия продавцов и покупателей». Метод сбора информации – глубинное интервью, выполненное с 12 информантами.

Сложность в изучении социальных взаимодействий между продавцом и покупателем в рамках Интернет-магазина заключается в перенесении этих практик, включающих потребительское поведение со стороны покупателя, способы представления товаров и услуг со стороны продавца, а также оплаты и доставки товара в сеть Интернет [6]. В связи с этим, происходит процесс изменения социального мира, характеризующийся ростом неопределенности и рисков.

Главной задачей Интернет-магазина является привлечение внимания покупателя. В связи с этим, разработчики сайтов представляют клиенту товары с помощью их изображения с разных ракурсов, подробных характеристик товара и описания его качеств. Вместе с тем, в этих условиях растет неопределенность выбора товара и потребительские риски. Это происходит, во-первых, за счет замены реального товара на его фотографию, а, во-вторых, потому, что не все Интернет-магазины предоставляют изображения надлежащего уровня. Вследствие этого, потребитель не получает полной картины о данном товаре, хотя информация о нем может быть хорошо представлена на сайте магазина.

Результаты и обсуждения.

Для всех участников сети риск заключается в опасности ущерба [7, с. 96–97], который проявляется в потере денежных средств, покупке товара низкого качества или с иными потребительскими свойствами (расцветка, размер, длина и т.д.).

Риски растут в электронных сетях в связи с тем, что Интернет-магазины, благодаря снижению затрат на ведение торговли, стимулируют определенную часть потребителей приобретать товары через сеть за счет более низких цен, чем в обычных магазинах. Это приводит к видимости более выгодной покупки товаров через электронную сеть. Покупатели, зачастую, ориентированы на приобретение товара по более низкой цене, в ущерб его качеству, где качество не является главной причиной приобретения товаров.

«Пользуюсь Интернет-магазинами, потому что это очень выгодно, цена намного ниже, чем в обычном магазине» (жен., 26 лет, менеджер, запись август 2019).

«В Интернет-магазинах многие вещи намного дешевле, чем в обычных магазинах. Не всегда

хочется переплачивать» (жен., 34 года, директор финансового отдела, запись август 2019).

«Из отрицательных сторон можно только выделить то, что нельзя непосредственно посмотреть, потрогать вещь. «...» (жен., 20 лет, студентка, запись август 2019).

«Минусы – это качество. Но на счет качества я не могу говорить обо всех Интернет-магазинах, но вот китайский я, конечно, не советую использовать» (жен., 22 года, экономист, запись август 2019).

«Не всегда качество товара такое, как мы думаем или как показалось на фотографии с сайта, и проверить это можно только при получении (жен., 24 года, продавец, запись август 2019).

Продавцы для увеличения продаж меняют смысл взаимодействий в сети с помощью добавления привлекающей покупателей информации, описывающей ассортимент выбираемых товаров, схем выбора конкретного товара, правил оформления заказа, услуги доставки выбранного товара. Такая сеть позволяет покупателю, не выходя из дома, выбрать необходимый товар, сэкономить время и получить выбранный товар. Эти возможности сети являются очень привлекательными.

«Часто заказываю товары в различных Интернет-магазинах. Это очень удобно, позволяет экономить время и финансовые средства» (муж., 20 лет, студент, запись август 2019).

«В Интернет-магазинах большой ассортимент товаров, практически всегда можно найти товар, который бы полностью устраивал во всем. Кроме того, цены там, как правило, намного ниже, чем в обычных магазинах» (жен., 36 лет, бухгалтер, запись август 2019).

Однако при этом покупатели попадают в ситуацию рисков, о которых писалось выше.

Виртуальная торговля связана с рядом проблем не только для покупателей, но и продавцов. Последние стремятся уйти от риска, выбирая нужную для этого конфигурацию системы взаимодействий покупателя с продавцом, с сайтом магазина, используя для этого информацию, рекламу, каталог товаров, цены, способ оплаты и т.д. Можно выделить несколько таких форм.

Конфигурация I (наиболее распространенная) помогает продавцу уходить от риска потери денег, если покупатель будет недоволен доставленным товаром. Такая сеть включает продавцов, покупателей, организаторов сайта и определенное сочетание элементов электронной технологии: фотографии товаров, пониженные цены, онлайн-заказы, предоплату, доставку почтой или с курьером. В целом, представленная конфигурация является довольно востребованной и заманчивой с визуальной стороны, однако, ухудшает положение покупателя, так как увеличивает его риски, проявляющиеся, прежде всего, в предоплате, в задержке доставки и, как следствие, усилении ситуации неопределенности.

«По техническим нюансам вопросов нет, но были небольшие нарекания с доставкой» (муж., 26 лет, грузоперевозчик, запись август 2019).

«Проблема может быть с доставкой, заказ может вовсе не прийти. Встал где-нибудь на границе и все, либо почта потеряла (жен., 22 года, экономист, запись август 2019).

«Там, где есть возможность оплатить при получении, то оплачиваю при получении, так как уверенности больше в том, что деньги я отдам за тот заказ, который я делала, что я не переведу их случайно другому человеку или еще что-то» (жен., 24 года, продавец, запись август 2019).

Риск в условиях использования такой конфигурации взаимодействия возникает также по причине отсутствия полной информации о товаре, опасности потери денег и морального ущерба за счет приобретения товара, не имеющего нужные потребительские свойства.

«Существенной проблемой многих Интернет-магазинов является отсутствие гарантии, что товар придет в нужном виде» (жен., 30 лет, продавец, запись август 2019).

«Можно деньги потерять, поэтому в Интернет-магазинах я всё же ничего не заказываю» (муж., 26 лет, грузоперевозчик, запись август 2019).

«Если дело техники касается, ее лучше покупать в обычных специализированных магазинах» (муж., 31 год, следователь по ДТП, запись август 2019).

«Хорошую, дорогостоящую одежду, обувь, косметику, технику лучше в реальных магазинах покупать, и проблем нет с доставкой, примерка нужна всегда, ну и, точно не обманут» (жен., 22 года, экономист, запись 2019).

Риск продавца снижается за счет включения такого компонента электронной технологии, как предоплата, в которую включена стоимость доставки, что резко повышает риск покупателя. В случае недовольства покупателя, как правило, вернуть деньги сложно, поскольку при оплате заключается договор, согласно которому для возврата денег необходимо доказать несоответствие доставленного товара, представленному в магазине. Здесь также играет роль тот факт, что реальный товар может выглядеть в большей или меньшей степени не так, как на картинке, и об этом на сайте имеется информация, на которую покупатель редко обращает внимание. Как правило, именно такая форма взаимодействия пользуется наименьшим доверием со стороны опытных потребителей.

Для привлечения покупателей Интернет-магазины часто используют другую форму конфигурации взаимодействий. Конфигурация II отличается от предыдущей тем, что продавец привлекает покупателей удобной формой доставки: доставка товара почтой. При этом риски покупателя только возрастают за счет того, что к перечисленным выше рискам добавляются более высокие денежные затраты, так как в усло-

виях этой конфигурации взаимодействия продавцы повышают цены на товары дабы уменьшить лишние издержки в случае, если потребитель откажется оплачивать товар.

«Я выбрала почту, потому что это наиболее удобный способ доставки, тем более мне до почты пройти пять минут, мне не трудно, поэтому нет смысла вызывать курьера, так еще и за доставку платить надо будет, наверное» (жен., 22 года, экономист, запись август 2019).

«С работниками почты особого взаимодействия не происходит. Они требуют паспорт, и отдают товар. У них даже спросить ничего нельзя, вряд ли они будут в курсе о способах возврата, или еще чего-то» (жен., 26 лет, менеджер, запись 2019).

В последнее время Интернет-магазины выбирают для взаимодействия с покупателем еще один вид конфигурации. Конфигурация III отличается способом доставки. Покупатель получает товар через курьера. Этот способ доставки считается одним из наиболее удобных и надежных. Курьер воспринимается потребителем как продавец, поэтому может повлиять на поведение покупателя, убедить его не отказываться от покупки, а также на месте разрешить возникающие сложности. Оплата производится по факту доставки, что внушает еще большее доверие со стороны покупателя. Фактически эта форма взаимодействия наиболее близка к реальному магазину.

«Да, как обычно, приехал курьер, дал накладную, расписался, получил товар, всё проверил, и если нареканий никаких, то расплачиваешься, и все. (муж., 22 лет, торговый представитель, запись август 2019).

«В указанный день и время курьер привозит товар, по накладной проверили заказ, оплатила я заказ картой, у них с собой аппараты с собой, он выбил чек, ну и все (жен., 24 лет, эксперт-криминалист, запись август 2019).

Однако и в этих условиях сохраняются риски для потребителя, хотя и происходит замена одних рисков на другие. Так, покупатель в этой конфигурации снижает неопределенность своего выбора, так как видит реальный товар. Получает об этом товаре информацию не только с сайта, но и при получении, чем может сократить опасности потерь денег и покупки товара с другими потребительскими свойствами. Вместе с тем, потребитель попадает под влияние курьера, который исполняет роль эксперта, специалиста, которому покупатель доверяет, и может убедить покупателя взять доставленный товар, даже если у последнего есть сомнения. В этом случае потерь не избежать.

«Всегда общаются предельно вежливо и компетентны, могут ответить на любые интересующие вопросы» (жен., 20 лет, студентка, запись август 2019).

«Курьер ответил на все вопросы очень подробно, поэтому вообще отличное качество работы. Сразу было понятно, что парень разбирается, да

и отвечал нормально, даже с интересом, поэтому впечатление хорошее у меня и об этом магазине, и о его сотрудниках» (муж., 22 года, торговый представитель, запись август 2019).

Близкой к последней форме является Интернет-магазин с самовывозом. Здесь виртуальной является только стадия выбора товара, остальной процесс идентичен покупке в реальном магазине. Покупатель видит здание склада, работника, которого воспринимает как непосредственного продавца, поэтому уровень доверия к магазину повышается, но и в этом случае складской работник может оказать воздействие на потребителя, уговорить купить товар.

«Приезжаешь в пункт самовывоза, говоришь свои данные, тебе отдают заказ, ты там же его оплачиваешь, всё! Ну, а всю процедуру проводит продавец на этой точке, или не продавец, я не знаю, какую должность занимают там люди, но я их называю продавцами» (муж., 20 лет, студент, запись август 2019).

Выводы.

Процесс взаимодействия внутри информационно-коммуникативного пространства Интернет-магазина представляется нам неопределенным. Совершается он в условиях отсутствия у потребителя всей необходимой информации о товаре, затруднения оценки ситуации, и повышения вероятности ущерба, проявляющегося в потере денег, приобретении товара низкого качества или вообще другого изделия, в задержке времени доставки или покупки товара под влиянием курьера, продавца, работника склада и т.д. Конечно, эти риски могут сопровождать потребителя и в условиях реальных магазинов. Однако потребитель в реальных магазинах может сравнивать товары, мерить и осуществлять свой выбор точнее, так как воочию видит выбираемый товар.

«Предпочитаю реальные магазины, потому, что они предлагают товары, которые я могу приобрести в данный момент и где могу лично проверить качество, и примерить, если это касается одежды или обуви» (муж., 31 год, следователь по ДТП, запись август 2019).

«Выбираю, конечно, реальный магазин. Потому что я могу видеть то, что хочу покупать, я могу дать оценку данному товару, я уверена, что меня не обманут, и что я точно возьму то, что необходимо, а если не понравится, то я пойду, и мне вернут деньги. Во-вторых, я взаимодействую реально, то есть «лицом к лицу» – на мой взгляд, это немаловажный фактор, живое общение всё равно ничто не заменит. Поэтому, конечно, реальный магазин не сможет уйти на второй план, интернет-магазин – это скорее способ проинформировать себя о характеристиках и параметрах товара, не более того» (жен., 36 лет, бухгалтер, запись август 2019).

В целом, Интернет-магазины уступают реальным магазинам по таким параметрам, как качество,

доступ к товару перед покупкой, но выигрывают по такому параметру как скорость, цена и уровень мотивированности персонала.

«Все дело в отношении к покупателю. Многие консультанты и продавцы в магазинах либо с

Литература:

1. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. «Философия». 2003. № 3. С. 20–39.
2. *Василенко И.В.* Возникновение и развитие сетевой экономики // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 2(23). С. 191–196.
3. *Василенко И.В.* Социальные риски в потребительском поведении современных россиян: тенденции формирования и механизмы минимизации / И.В. Василенко, О.В. Ткаченко. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2016. 274 с.
4. *Кнорр-Цетина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. Сборник статей. М. : Территория будущего, 2006. С. 267–307.
5. *Гаврилов К.А.* О конструировании понятия «риск» в социологии // Социология 4М. 2007. № 24. С. 60–80
6. *Кофанова Т.А.* Интернет-магазины: особенности функционирования / Т.А. Кофанова, Т.И. Пуанова // Костромской государственный технологический университет. 2013. С. 4–7.
7. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010. 248 с.

надменным видом, либо просто с недовольным, разговаривают нехотя, желание пропадает купить там что-то, а вот в общении с операторами в Интернет-магазинах не было такого, с ними намного приятнее общаться» (жен., 26 лет, менеджер, запись август 2019).

Literature:

1. *Latur B.* When things give delivery: possible contribution of «research of science» to social sciences // Journal of Moscow State University. «Philosophy». 2003. № 3. P. 20–39.
2. *Vasilenko I.V.* Emergence and development of network economy // Business. Education. Law. 2013. № 2(23). С. 191–196.
3. *Vasilenko I.V.* Social risks in consumer behavior of modern Russians: trends of formation and mechanisms of minimization / I.V. Vasilenko, O.V. Tkachenko. Volgograd: Volgograd scientific publishing house, 2016. 274 p.
4. *Knorr-Cetina K.* Sociality and objects. Social relations in post-social societies of knowledge // Sociology of things. Collection of articles. M. : Territory of the Future, 2006. P. 267–307.
5. *Gavrilov K.A.* About designing of the concept «risk» of sociology // Sociology 4M. 2007. № 24. P. 60–80.
6. *Kofanova T.A.* Online stores: peculiarities of functioning / T.A. Kofanova, T.I. Puananova // Kostroma State Technological University, 2013. P. 4–7.
7. *Behmann G.* Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society. M. : Logos, 2010. 248 p.

Газимагомедов Рамазан Ибакович
старший преподаватель
кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
ramazan.gazimagomedovz@yandex.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Проблема этнической самоидентификации приобрела особую значимость на фоне кардинальных трансформаций постсоветского периода российской истории, сопровождающейся, в том числе, и межэтническими конфликтами. По результатам социологического исследования установлено, что в массовом сознании городской молодежи важным индикатором воспроизводства этнической идентичности является национальный язык, хотя и другие идентификаторы выполняют важную функцию в данном процессе.

Ключевые слова: город, городское население, молодежь, этническая идентичность, этнические процессы, языковое поведение.

В современных обществах механизмы формирования межэтнического согласия во многом опираются на политику идентичности и процессы управления идентичностью, поэтому феномен идентичности граждан привлекает внимание исследователей, поскольку в нем отражается состояние общества, его интегрированность и направление консолидации, а также ценностные ориентации. Как известно, идентификационные процессы в российском обществе сопровождались ухудшением межэтнических отношений в национальных республиках, ослаблением «нормальной» этнической идентичности и усилением ее деструктивных/пассивных форм, при углублении глобализационных тенденций и миграционных процессов [1, с. 121]. В такой сложной ситуации важным является сохранение межэтнической стабильности, поэтому для поддержания межнационального согласия и этнической толерантности необходимо формирование государственно-гражданской, российской идентичности и позитивное развитие этнической идентичности, предполагающее благоприятное отношение к собственной и другим национальным группам, отсутствие враждебности в отношении инонационального окружения, благожелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий [2, с. 46].

Ramazan I. Gazimagomedov
Senior teacher
Department of Philosophy,
Daghestan State Technical University
ramazan.gazimagomedovz@yandex.ru

ETHNIC IDENTITY AND ETHNIC VALUES IN MASS CONSCIOUSNESS OF CITY YOUTH OF DAGHESTAN

Annotation. The problem of ethnic identity has become particularly important against the background of radical transformations of the post-Soviet period of Russian history, accompanied, among other things, by inter-ethnic conflicts. According to the results of sociologic research it is found out that national language is important indicator generating ethnic identity in mass consciousness of city youth though other indicators also play important role in this process.

Keywords: city, city people, youth, ethnic identity, ethnic processes, language behavior.

Сложные этнические процессы постсоветского периода обусловили рост интереса со стороны специалистов самого различного профиля к исследованию типов социальной идентичности [3], поэтому идентичность россиян остается полем дискуссий общественных сил: «состояние государственно-гражданской идентичности не только призма, через которую рассматривают общество, но и – важный фактор мобилизации людей, их солидаризации. Именно поэтому в последнее время институты государственной власти, так же как и лидеры политических направлений, озабочены формированием идентичности с ценностями, в которых они заинтересованы» [4, с. 3].

В основном, внимание отечественных исследователей акцентировано на изучении факторов усиления деструктивного и пассивного типов этнической идентичности и их влияния на характер и состояние межэтнических контактов, а также, этнического самочувствия народов: «важно было показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма и надо искать их причины» [5, с. 10]. Исследователи солидарны в том, что «не постигнув логику идентичности и

специфику ее трансформаций, невозможно понять современный мир – и, в частности, Россию с ее поликультурным и многонациональным составом населения» [6, с. 57], причем, распад советской системы надэтнической интеграции, не замещенной новой, российской системой привел к появлению этнических и религиозных идентичностей, враждебных российскому социально-культурному и политико-правовому полю [7].

Г.У. Солдатова определяет этническую идентичность «как разделяемые, в той или иной мере, членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп» [8, с. 296].

Формирование и последующее развитие этнической идентичности происходит в процессе социализации, когда от предыдущих поколений к следующему передаются нормы и ценности социокультурной среды, личность приобретает новые знания о существующих межэтнических отличиях и, соответственно, более четко определяет свою принадлежность к определенной этнической группе. Не менее важную роль в процессе осознания этнической принадлежности играет среда проживания – полиэтническая или мононациональная: человек, проживающий в моноэтнической среде позже осознает этническую принадлежность в отличие от человека находящегося в многонациональном окружении. В полиэтнической среде огромную роль играет фактор межнационального общения, дающий возможность получения информации об иных народах и их отличиях, частотность этноконтак-

тов, предрасположенность или игнорирование межнациональной коммуникации, ориентированность на самоизоляцию [9].

Имманентными маркерами дефиниций «этнос», «нация» отечественные исследователи считают общность языка, этнокультуры, этническую идентичность, территорию, рассматривая их как «чувствительные» признаки в процессах межэтнического общения и контактирования и «абсолютизация целостности этносов на основе таких признаков, как территория, язык, самосознание, без учета их взаимодействия создает мировоззренческую основу для формирования этноцентризма в идеологии, политике, в массовом и индивидуальном сознании» [10, с. 42].

Наиболее наглядно специфика формирования этнической идентичности прослеживается в ответах на блок вопросов относительно этнического самоопределения, значимости этнической группы, отношения к людям иной национальной принадлежности, обоснования причин межнационального противостояния и межэтнической напряженности. Вопрос о том, что такое быть представителем своего этноса является ключевым в исследовании. При всей своей очевидной простоте, он оказался далеко не столь простым как мог показаться на первый взгляд. Существует многообразие подходов представителей тех или иных народов к самоидентификации, вытекающие из уровня их культуры, жизненного опыта, психологических особенностей, исторически сложившихся форм межнационального взаимодействия, которые отчетливо проявляются в полиэтнической среде.

Представления городской молодежи Дагестана об этнообъединяющих маркерах своей этнической общности показывают ответы респондентов на вопрос «Что Вас объединяет с людьми Вашей этнической группы?» (табл. 1).

Таблица 1

Варианты ответов // Возраст	До 20 лет	От 20 до 30 лет
Национальный язык	78,0	57,7
Национальные традиции и обычаи	64,0	60,8
Совместная жизнь на данной территории	16,0	20,0
Религия	50,0	41,5
Национальная литература, народное творчество	13,0	14,6
Национальная одежда, жилище, быт	7,0	12,3
Историческая территория моего народа	14,0	18,5
Общность характера, схожесть поведения	12,0	13,1
Историческое прошлое	38,0	27,7
Ничего не объединяет	3,0	3,1

Полученные результаты исследования показывают, что для возрастной категории «до 20 лет» в большей степени востребованы три индикатора – национальный язык, национальные традиции и обычаи и религия, в то время как в подгруппе респондентов от «от 20 до 30 лет» существенно меньше доля, отметивших маркер национальный язык, впрочем, как национальные традиции, обычаи и религия. Кроме того, обращает на себя внимание акцентирование опрошенной молодежью внимания на таком маркере как историческое прошлое. Данный фактор объясняется тем, что молодежь до 20 лет в основном –

учащиеся, которые в рамках образовательных программ проходят предметы общего цикла, следовательно, имеют, по сравнению с другой возрастной категорией более свежие знания по истории, о языке, этнокультуре своей этнической группы. При этом суждение «ничего не объединяет с представителями своего народа» отмечено статистически незначимой частью респондентов.

С целью глубокого исследования идентификационных процессов в городской среде Дагестана респондентам был задан вопрос «Что для Вас

значит быть представителем своего народа?». Осознание представителем своего народа подразумевает «знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа» для 54,0 % молодого поколения до 20 лет и существенно меньшей части «от 20 до 30 лет» (38,5 %); далее, «стремление защитить национальные интересы своего народа» отмечено у 15,5 % опрошенных «до 20 лет» и 16,2 % «от 20 до 30 лет», «знание национального языка своего народа» важна для 14,0 % «до 20 лет» и 17,7 у «от 20 до 30 лет» и «быть сопричастным своему народу и его национальной культуре» 18,0 % «до 20 лет» и доля таковых существенно больше в когорте «от 20 до 30 лет» (27,7 %). Таким образом, сравнение двух вопросов результатов исследования показывает, что массовому сознанию городской молодежи Дагестана характерны сложные этнические процессы – городская среда не подразумевает хорошее знание этнической культуры своего народа, тем более, данные процессы протекают довольно противоречиво в полинациональной среде, каковым является само городское пространство. Также необходимо учесть следующий фактор: языком межнационального общения в городской среде республики является русский язык, что существенно снижает значимость и востребованность национального языка.

Этноязыковые процессы довольно подробно исследованы М.М. Шахбановой, и в рамках изучения специфики этнической самоидентификации дагестанской молодежи представляется необходимым привести результаты ее исследований. На основе проведенных исследований М.М. Шахбановой сделан вывод о том, что в семье общение на родном языке поддерживают 88,9 % опрошенных, 50,1 % – с представителями своей национальности, 46,8 % – со своими друзьями, и небольшое количество коммуникацию на национальном языке поддерживают в учебных заведениях и в государственных учреждениях – 8,4 % и 3,3 %, соответственно. При этом общение на русском языке в государственных учреждениях характерно 53,2 % опрошенных, 48,0 % указали на учебные заведения, 40,9 % – на русском языке общаются в кругу друзей, и существенно снижается доля использующих русский язык во внутрисемейном общении (14,7 %) и с представителями своей национальности (8,3 %). Если посмотреть на эмпирические данные по месту проживания, то в городской местности Дагестана респонденты в основном общаются на родном языке в семье (87,9 %), с представителями своей национальности (45,3 %), в кругу друзей (26,6 %) и существенно меньшая часть – в учебных заведениях (9,3 %) и государственных учреждениях (5,1 %). В то же время, общение на русском языке доминирует в кругу друзей (57,5 %), в государственных учреждениях (56,5 %), в учебных заведениях (48,1 %), семье (22,4 %) и с представителями своей национальности (14,0 %) [11].

Далее, эмпирические данные на вопрос «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» показывают на превалирование значимости национальности отца для 32,0 % ре-

спондентов в возрасте до 20 лет и 31,5 % от 20 до 30 лет; на второй позиции располагается индикатор национальный язык, отмеченный 23,0 % опрошенных до 20 лет и 24,6 % от 20 до 30 лет; далее, суждение «самосознание человека (к какому народу он себя относит)» разделяют 34,0 % из подгруппы до 20 лет и 26,2 % от 20 до 30 лет, а специфика этнического поведения и мышления, по мнению 14,1 % респондентов в возрасте до 20 лет и 14,6 % – от 20 до 30 лет, является важным при определении этнической принадлежности индивида. Следует отметить, что, что язык является одним из символов единства народа и основным этноидентифицирующим маркером, поэтому этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессе формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциацией. Чем в меньшей степени люди владеют своим национальным языком, тем более значимой среди этноидентифицирующих признаков они считают общность исторической судьбы и исторической памяти своего народа [12].

Далее, в рамках данного исследования актуально установление места и значения этнических ценностей в процессе воспроизводства этнической идентичности городской молодежи Дагестана. В ответах на вопрос: «Какие ценности для Вас имеют наибольшее значение?» 47,7 % опрошенных указывают на значимость признака «религия моего народа», на второй позиции располагается маркер «национальные традиции и обычаи моего народа» (46,9 %); идентификатор «национальный язык моего народа» важен для 40,3 % респондентов, 19,8 % опрошенных подчеркивают национальные праздники своего народа и 18,3 % указали на исторические памятники своего народа.

Таким образом, результаты исследования показывают, что городская молодежь Дагестана обладает спецификой воспроизводства этнической идентичности, обусловленной рядом объективных и субъективных факторов, среди которых следует отметить невостребованность, вернее, игнорирование молодым поколением национального фактора в повседневной деятельности. Кроме того, опрошенная городская молодежь демонстрирует слабое этноязыковое самосознание и языковое поведение, проявляющееся через снижение интенсивности использования национального (родного языка). При этом для них большее значение, в сравнении с национальным языком, имеют национальные традиции и обычаи, хотя и здесь также следует отметить, что, в целом, современная дагестанская молодежь демонстрирует противоречивое этническое поведение: если в вопросе: «Что Вас объединяет с людьми Вашей этнической группы?», для респондентов был важен индикатор «национальный язык и национальные традиции», то при определении веса этнических ценностей, на первый план выходит религиозный компонент, и его актуальность существенно возросла в современном дагестанском обществе. Данный фактор объясняется усилением значимости ре-

лигиозного фактора, в данном контексте - исламского вероучения в массовом сознании молодежи. Если кратко охарактеризовать культурное поведение дагестанской молодежи, то можно утверждать, что они демонстрируют активное

Литература:

1. *Шахбанова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
2. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. № 4. 97 с.
3. *Шахбанова М.М.* Межэтнические отношения в Республике Дагестан: состояние, факторы напряженности, механизмы стабилизации. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ, АЛЕФ, 2019. 362 с.
4. *Арутюнова Е.М.* Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи: на примере московских студентов : автореф. канд. социол. наук. М., 2007. 22 с.
5. *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробижева; Отв. ред. В.С. Магун // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 10–29.
6. *Санина А.* Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.
7. *Зорькин В.Д.* Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. № 5579. 13 сентября 2011 года.
8. *Дробижева Л.М.* Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л.М. Дробижева, А.П. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова. М., 1996. 382 с.
9. *Шахбанова М.М.* Межэтнические отношения в Республике Дагестан: состояние, факторы напряженности, механизмы стабилизации. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ, АЛЕФ, 2019. 362 с.
10. *Абрамова М.А.* Степени этничности как основа национальной политики / М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 42–50.
11. *Шахбанова М.М.* Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2010. 321 с.
12. *Шахбанова М.М.* Межэтническая толерантность в полиэтничном регионе: состояние и тенденции (на примере Республики Дагестан). Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2007. 232 с.

религиозное поведение: участие в религиозных праздниках ислама, соблюдение канонических предписаний исламского вероучения, обозначение ислама как части этнической культуры своего народа [13, с. 17].

Literature:

1. *Shahbanova M.M.* Ethnic, religious and state civil identity of dagestanian people in the conditions of transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. P. 358
2. Identity and consolidation resource of people of Saha Republic (Yakutia). Informationanalyticbulletine. M., 2012. № 4. P. 97
3. *Shahbanova M.M.* Interethnic relations in Republic of Dagestan : condition, tension factors, stabilization mechanisms. Makhachkala : IHAEDSC, ALEF, 2019. P. 362
4. *Arutunova E.M.* Formation state civil identity of youth: Moscow student case study. uto-reformate Candidate of Sociological Sciences. M., 2007. P. 22
5. *Drobijeva L.M.* State and ethnic identity: choice and variety / L.M. Drobijeva; Resp. red.r V.S. Magun // Civil, ethnic and religious identities in modern Russia. M., 2006. P. 10–29.
6. *Sanina A.* Formation of Russian identity: civil-state reproach // Social research. 2012. № 12. P. 57–65.
7. *Zorkin V.D.* How to save state in the era of ethno social differences // Russian paper. № 5579. 13 September 2011.
8. *Drobizeva L.M.* Democracy and forms of nationalism in Russian Federation in the 1990-s. / L.M. Drobizeva, A.P. Aklaev, V.V. Koroteeva, G.U. Soldatova. M., 1996. 382 p.
9. *Shahbanova M.M.* International relations in Republic of Dagestan: condition, tension factors, stabilization mechanism. Makhachkala : IHAEDSC, ALEF, 2019. 362 p.
10. *Abramova M.A.* Degrees of ethnicity as basis of national policy / M.A. Abramova, G.S. Goncharova // Sociological research. 2012. № 10. P. 42–50.
11. *Shahbanova M.M.* Interethnic communication and international tolerance in Republic of Dagestan: condition, tendencies and influence. Makhachkala : ALEF, 2010. P. 321.
12. *Shahbanova M.M.* Interethnic tolerance in polyethnic region: condition and tendencies (Republic of Dagestan case). Makhachkala : ALEF, 2007. 232 p.

13. *Шаханова М.М.* Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения / М.М. Шаханова; Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 15–24.

13. *Shahbanova M.M.* Religion place in process of formation of international communication culture / Responsible redactor U.N. Abdulkadirov // Actual problems of humanitarian sciences. 2009. P. 15–24. Makhachkala, 2009. P. 15–24.

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
gafiatulina@yandex.ru

Латышева Анна Трофимовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогики
и социокультурного развития личности,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова –
филиал Ростовского государственного
экономического университета
89281115155@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор
кафедры управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
С МОЛОДЕЖЬЮ ГРУППЫ РИСКА**

Аннотация. Молодежь из группы риска представляет собой наибольшую угрозу стабильности и безопасности общества и нуждается в организации социальной работы с ней. Волонтерская деятельность рассматривается как одна из технологий в системе организации социальной работы с молодежью группы риска и определяется как просоциальная, неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность на благо социального окружения, как процесс объединения молодых людей, стремящихся внести вклад на благо своей страны и мирового сообщества.

Ключевые слова: молодежь, группы риска, волонтерская деятельность, волонтерское движение, система организации социальной работы, ресоциализация молодежи, мотиваторы.

В начале XXI столетия российский социум столкнулся с множеством трудностей социально-экономического, политического и социокультурного характера, повлекших за собой кризисное состояние основных общественных институтов и появление, так называемых, групп риска, т.е., групп, находящихся под воздействи-

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of Department
Regional Sociology
and Modelling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Anna T. Latysheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Pedagogics
and Sociocultural Development
of the identity of the Taganrog Institute
of A.P. Chekhov – branch
of the Rostov State Economic University
89281115155@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of Department of Judicial
Examination and Criminalistics
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

**VOLUNTEER ACTIVITY
IN THE SYSTEM OF ORGANIZATION
OF SOCIAL WORK WITH YOUTH
RISK GROUP**

Annotation. Youth at risk pose the greatest threat to the stability and security of society and need to organize social work with it. Volunteering is considered as one of the technologies in the system of organizing social work with at-risk youth and is defined as prosocial, unpaid, conscious, voluntary activity for the benefit of the social environment, the process of uniting young people seeking to contribute to the benefit of their country and the world community.

Keywords: youth, risk groups, volunteer activity, volunteer movement, social work organization system, youth re-socialization, motivators.

ем совокупности неблагоприятных факторов рискогенного формата. Особенно это касается молодежи как наиболее уязвимой и чувствительной группы населения, оказавшейся под воздействием негативных тенденций кризисного состояния общества [1]. По мнению некоторых специалистов по проблемам молодежи, практи-

чески каждый молодой человек потенциально находится под тем или иным риском. Такая позиция определяется представлением о том, что взросление означает борьбу за свое личностное становление, что «уже в самом процессе возрастного развития заложены противоречия, неизбежно сопровождающиеся различными рисками» [2, с. 29]. Кроме того, ситуация риска в молодежной среде определяется утратой социальных и морально-нравственных ориентиров, отсутствием должного внимания со стороны государства и ключевых институтов социализации, значительным ухудшением материально-экономического положения семей и деструктивным влиянием ближайшего социального окружения. Все эти факторы приводят к обострению проблемы дезадаптации молодежи и формированию групп социального риска в молодежной среде [3; 4].

Наиболее общее определение, которое представляется возможным дать молодежи группы риска, – это лица в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет, физическое, психическое и социальное здоровье, а также развитие и жизнедеятельность которой находятся под угрозой [5]. Молодежные группы риска формируют присущие ее членам моральные нормы, устои, ценностные ориентации, вырабатывая тем самым особый кодекс поведения, свои правила и нормы поведения деструктивного характера [2]. Индивиды из группы риска демонстрируют различные формы девиантного поведения, становятся правонарушителями в той степени, в какой они принадлежат окружению, следующему девиантным идеям и мотивировкам [6]. Отсюда следует, что молодежь из группы риска представляет собой наибольшую угрозу стабильности и безопасности общества и личности. Вследствие их массовости, происходит деформация моральных норм, традиций, устоев и ценностных ориентаций в обществе.

В этой связи, молодежь как потенциальная группа риска нуждается в различных видах социальной и правовой поддержки, целенаправленной и ценностно ориентированной организации социальной работы с ней.

Одним из наиболее перспективных и важных направлений в системе организации социальной работы с молодежью группы риска, а также – поиска новых путей ресоциализации и профилактики деструктивного поведения среди групп риска является развитие волонтерского движения в молодежной среде, привлечение молодых людей к волонтерской деятельности. Об этом свидетельствует и Указ Президента от 2018 г., который был объявлен Годом добровольца (волонтера) в России, что послужило поводом для активного обсуждения и исследования волонтерства среди различных групп населения.

В российской научной литературе интерес к проблеме привлечения к волонтерской деятельности молодежи группы риска представлен работами А.М. Вавилова, Ю.А. Зубок, М.В. Певной, Л.Е. Сикорской, В.И. Уваровой, В.И. Чупрова, П.В. Шевченко и др.

Современное понимание волонтерской деятельности и привлечение молодежи к ней следует рассматривать в рамках социальной и педагогической работы. По своей природе добровольчество является важным средством устойчивого развития. В данном контексте категория «волонтерство» выступает как «форма благотворительного служения во имя гуманистических идеалов» и связывается с «деятельностью образовательно-воспитательных институтов». Л.Е. Сикорская редуцирует сущностную значимость волонтерской деятельности к «довольческой социальной работе» [7, с. 53]. Этимологически понятие «волонтерство» синонимично понятию «добровольчество». По существу, волонтерство включает в себя обозначение общности добровольцев или волонтеров, реализующих определенный вид деятельности, направленный на достижение конкретных целей и задач [8]. М.В. Певная подчеркивает, что в основе волонтерской деятельности лежат следующие характеристики:

– во-первых, добровольная деятельность, которой занимаются по доброй воле, в соответствии со своим выбором;

– во-вторых, люди, реализующие такого рода деятельность, «не ожидают какого-либо материального вознаграждения за результаты своего труда»;

– в-третьих, эта деятельность обнаруживает «признаки институционально закрепленной деятельности» [8, с. 15].

Таким образом, волонтерская деятельность представляет собой типично просоциальную, неоплачиваемую, сознательную, добровольную деятельность на благо социального окружения, процесс объединения молодых людей, стремящихся внести вклад на благо своей страны и мирового сообщества.

Е.С. Григорьева рассматривает волонтерскую деятельность как одну из социальных технологий в системе организации социальной работы с молодежью [9]. Это факт подтверждается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, где в качестве основной цели государственной молодежной политики формулируется важность создания условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи.

Волонтерская деятельность структурно включена в поле государственной молодежной политики, она решает молодежные проблемы, связанные с занятостью, социальным обеспечением, образованием, здравоохранением. Мы полагаем, что вовлечение молодежи группы риска в волонтерскую деятельность является ресурсом организации социальной работы с молодежью. Волонтерская деятельность открывает молодежи перспективы самоорганизации, самореализации, способствует возрождению в молодежной среде гуманизма, нравственности и общечеловеческих ценностей, а также – выработке и проявлению социальных и духовно-нравственных качеств. В

соответствии с эмпирическими исследованиями, добровольческая активность непосредственно связана с положительной социализацией и ресоциализацией молодежи группы риска [10].

В.И. Уварова и М.А. Федосеева подчеркивают, что добровольческая деятельность становится способом и средством развития духовных и морально-нравственных качеств личности, повышения социальной активности, рационального выстраивания социальных отношений, приобретения новых социально значимых знаний и навыков, установления личных контактов, нахождения друзей, развития лидерских качеств и позитивных ценностных установок, ощущения своей личностной полезности в обществе. Молодежное волонтерское движение, по мнению указанных выше авторов, «с одной стороны, преобразует социум, с другой – позитивно воздействует на личность самого волонтера» [11, с. 92].

Таким образом, волонтерскую деятельность в рамках системы организации социальной работы с молодежью группы риска следует рассматривать как двусторонний процесс оказания помощи: с одной стороны, молодежь помогает другим людям, а с другой, – оказывая помощь окружающим их людям, молодежь помогает самой себе в преодолении личностных проблем и трудностей жизнедеятельности. Т.е., вовлечение молодежи группы риска в волонтерское движение вполне может выступать той действенной формой социализации молодых людей, которая обеспечит противостояние деструктивным формам поведения.

Организация социальной работы по вовлечению молодежи в волонтерскую деятельность имеет множество направлений с широким спектром конкретных видов работ, основными из которых является ряд следующих направлений [10; 11]:

– оздоровительное – пропаганда здорового образа жизни, содействие деятельности в сфере физической культуры и массового спорта;

– превентивно-профилактическое – профилактика употребления психоактивных веществ детьми и подростками;

– экологическое – добровольческая деятельность, направленная на сохранение окружающей природной среды, т.н. благоустройство экологии;

– историческое – сохранение исторического и культурного наследия; восстановление сведений об участниках Великой Отечественной войны, без вести пропавших; оказание помощи в восстановлении разрушенных памятников истории, культуры и искусства;

Литература:

1. *Латышева А.Т.* Социальная апатия как фактор формирования аддиктивного поведения в молодежной среде / А.Т. Латышева, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3.

– досугово-творческое – организация адекватного полноценного досуга молодежи и проведение благотворительных творческих встреч, спектаклей;

– социальное – оказание адресной помощи молодым людям, оставшимся без попечения родителей, находящимся в приютах, стационарных социальных учреждениях, коррекционных школах-интернатах, а также - оказание помощи широкому кругу людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (например, сопровождение людей, ограниченных в возможностях передвижения, до учреждений здравоохранения и др.).

Система организации социальной работы по вовлечению молодежи группы риска в волонтерское движение должно опираться на мотивацию, которая определяется как процесс внешнего или внутреннего стимулирования индивида/группы к деятельности на достижение определенных целей. При этом мотивация волонтеров подразделяется на социальную мотивацию (чувство принадлежности и определенности в обществе), социальную ответственность (желание показать свое неравнодушие к проблеме) и материальную мотивацию (самореализация, интересное проведение досуга) [12].

По данным исследования ВЦИОМ, проведенным в конце 2017 г., среди 5687 молодых волонтеров Ассоциации волонтерских центров, мотивом участия молодежи в волонтерской деятельности почти для половины опрошенных (48 %) является интересный досуг. Около трети становятся добровольцами, чтобы чувствовать себя полезными (37 %), реализовать свои инициативы (32 %), а также – приобрести знания и навыки (31 %). Среди прочих, на наш взгляд, весьма важных мотиваторов, оказывающих влияние на становление личности и профилактику формирования групп риска в молодежной среде, следует указать: получение рекомендательной поддержки: рекомендации при поступлении в вуз, при поиске работы (35 %); возможность пройти обучение на курсах (32 %); получить приглашение на культурно-массовые мероприятия (30 %) [13].

Таким образом, организация работы по включению в волонтерскую деятельность молодежи группы риска играет важную роль в формировании у нее положительных личностных качеств и ценностных установок, способствует обеспечению повышения социальной активности молодых людей и привлечению этой группы к социально полезной и общественно значимой деятельности.

Literature:

1. *Latysheva A.T.* Social apathy as a factor in the formation of addictive behavior in the youth environment / A.T. Latysheva, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3.

2. *Тарасенко Л.В.* Технологии работы с молодежью группы риска в России / Л.В. Тарасенко, О.А. Нор-Аревян. Ростов-н/Д., 2015. 218 с.
3. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье российской молодежи как объект государственной молодежной политики / Н.Х. Гафиатулина, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 38–41.
4. *Латышева А.Т.* Российская социологическая мысль об адаптационных стратегиях населения: аналитический потенциал структурно-деятельностного подхода. Философия хозяйства. 2006. С. 1.
5. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva. 2017. № 4. С. 66–75.
6. *Воробьев Г.А.* Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г.А. Воробьев, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 54–58.
7. *Сикорская Л.Е.* Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 53.
8. *Певная М.В.* Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. Екатеринбург, 2016. 434 с.
9. *Григорьева Е.С.* Волонтерская деятельность как одна из социальных технологий в работе с молодежью // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL : <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002212>
10. *Вавилов А.М.* Привлечение к волонтерской деятельности как способ ресоциализации подростков группы риска // Современные технологии формирования здорового образа жизни у молодежи. Волонтерское движение: от инициативы к действию. Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 19–26.
11. *Уварова В.И.* Волонтерская деятельность как форма самоорганизации молодежи: проблемы и подходы / В.И. Уварова; М.А. Федосеева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1(64). С. 91–96.
12. *Буякова К.И.* Технологии организации волонтерской деятельности молодежи / К.И. Буякова, А.В. Журавлева и др. Томск, 2018.
13. Что вдохновляет волонтеров? // ВЦИОМ. 2018. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116375>
2. *Tarasenko L.V.* Technologies for working with youth at risk in Russia / L.V. Tarasenko, O.A. Nor-Arevyan. Rostov-on/D., 2015. 218 p.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of Russian youth as an object of state youth policy / N.Kh. Gafiatulina, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. P. 38–41.
4. *Latysheva A.T.* Russian sociological thought on population adaptation strategies: the analytical potential of the structural-activity approach. Philosophy of economy. 2006. P. 1.
5. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva. 2017. № 4. С. 66–75.
6. *Vorobyov G.A.* The formation of the attitude towards a healthy lifestyle as a measure of the prevention of deviant behavior among young people / G.A. Vorobyov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. P. 54–58.
7. *Sikorska L.E.* Tolerance in the views of young Russian and German volunteers of social work // Sociological studies. 2007. № 9. P. 53.
8. *Pevnaya M.V.* Volunteering management: international experience and local practices: monograph. Yekaterinburg, 2016. 443 p.
9. *Vavilov A.M.* Attracting to volunteerism as a way of resocialization of adolescents at risk / Modern technologies for the formation of a healthy lifestyle in young people Volunteer movement: from initiative to action. Materials international. scientific-practical conf. M., 2011. P. 19–26.
10. *Uvarova V.I.* Volunteering as a form of youth self-organization: problems and approaches / V.I. Uvarova, M.A. Fedoseeva // Scientific notes of Oryol State University. 2015. № 1(64). P. 91–96.
11. *Grigoryeva E.S.* Volunteering as one of the social technologies in working with youth // Materials of the X International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». URL : <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002212>
12. *Buyakova K.I.* Youth volunteer organization technologies / K.I. Buyakova, A.V. Zhuravleva. Tomsk, 2018.
13. What inspires volunteers? // VTsIOM. 2018. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116375>

Муха Виктория Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

Можаева Елена Юрьевна

кандидат технических наук,
доцент,
декан подготовительного факультета
для иностранных граждан,
Кубанский государственный
технологический университет
elenamozhaeva@rambler.ru

Лысенко Артем Иванович

лаборант-исследователь,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
artemlysenko7@mail.ru

**ДИНАМИКА АДАПТИРОВАННОСТИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ:
НА ПРИМЕРЕ КУБГУ**

Аннотация. В статье представлен анализ результатов социологического исследования процесса адаптации иностранных студентов в российском вузе. Обоснована актуальность данной проблемы в условиях включенности российских вузов в международную образовательную миграцию. На основе анализа результатов анкетного опроса определены основные трудности, связанные с включением в новую образовательную и социокультурную среду, дана характеристика взаимоотношений внутри студенческого сообщества, способы поддержания этнокультурной идентичности, охарактеризована система межэтнических стереотипов. Определено, что адаптация происходит волнообразно и периоды с положительной динамикой адаптированности сменяются периодами спада.

Ключевые слова: образовательная среда, иностранные студенты, социальная адаптация, первичная адаптация, агенты адаптации.

В условиях современного глобального мира образовательная миграция становится все более распространенным явлением. Согласно международной статистике в настоящее время порядка пять миллионов студентов учатся за

Viktoria N. Mukha

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
v.mukha@bk.ru

Elena Yu. Mozhaeva

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Dean of the Preparatory Department
of Foreign Citizens,
Kuban State Technological University
elenamozhaeva@rambler.ru

Artem I. Lysenko

Laboratory Research Assistant,
Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
artemlysenko7@mail.ru

**THE DYNAMICS OF ADAPTABILITY
OF FOREIGN STUDENTS
IN A RUSSIAN UNIVERSITY:
THE EXAMPLE OF KUBSTU**

Annotation. The article presents an analysis of a sociological study of foreign students adaptation process in Russian university results. The relevance of this problem in context of the of Russian universities involvement in international educational migration is substantiated. Based on the questionnaire results analysis, the main difficulties associated with the inclusion in the new educational and sociocultural environment are identified, the characteristics of relationships within the student community, ways of maintaining ethnocultural identity are described, a system of inter-ethnic stereotypes is characterized. It was determined that adaptation occurs in waves and periods with positive adaptation dynamics are replaced by periods of decline.

Keywords: educational environment, educational migration, foreign students, social adaptation, agents of adaptation.

пределами своих стран [1]. Для студентов получение образования за рубежом открывает большие шансы на получение высокооплачиваемой престижной работы, дает возможность в дальнейшем трудоустроиться в известные иностран-

ные корпорации. Со стороны вузов интерес к образовательной миграции стимулируется включением количества иностранных студентов в критерий международных рейтингов университетов. Российская система высшего образования уже достаточно давно включена в систему международной образовательной миграции, отечественные вузы имеют значительный опыт подготовки иностранных специалистов, да и государственная власть заинтересована в развитии и данного направления, так согласно Указа Президента к 2025 году число иностранных студентов в вузах России должно быть около семьсот десять тысяч человек [2].

Сама система обучения в российских вузах и уровень знаний воспринимается иностранными студентами позитивно. Так ФГАНУ «Социоцентр» в 2019 году опросив 4800 иностранных обучающихся, выявил, что большая часть опрошенных оценивает качество предоставляемой российскими вузами профессиональной подготовки положительно, а доля тех, кто отметил позицию «качество подготовки в вузе не соответствует моим личным ожиданиям» не превышает 5 % [3]. Но при этом можно выделить несколько аспектов обучения в отечественных вузах, которые препятствуют успешной социальной адаптации иностранных обучающихся и способны в дальнейшем негативно отразиться на имидже высшей школы в международном контексте. Соответственно, актуальным не перестает быть изучение трудностей, возникающих в процессе адаптации иностранных студентов к новым условиям и разработка научно-обоснованных рекомендации по упрощению процесса адаптации образовательных мигрантов.

В данной работе мы обратимся к опыту работы с иностранными студентами Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ). В КубГТУ существует подготовительный факультет, на котором иностранные граждане обучаются русскому языку и ряду дисциплин, необходимых для дальнейшей учебы (математика, химия, физика, биология и др.). В 2017–2018 учебном году на подготовительном факультете обучалось 94 человек, в 2018–2019 учебном году – 102 человека, при этом контингент иностранных обучающихся в 2018 г. составил 600 чел., а на 1 курс было принято 183 чел. из 31 страны. Иностранные студенты в основном приезжают из следующих стран: Ангола, Казахстан, Узбекистан, Сирия, Азербайджан, Туркмения, Йемен, Нигерия, Ирак. В небольшом количестве приезжают также студенты более удаленных от России стран, таких как Боливия.

Для анализа социально-психологической, культурной и бытовой адаптации иностранных студентов было проведено социологическое исследование, которое включало 3 этапа: на первом этапе (сентябрь 2017 г.) был проведен опрос 60 слушателей подготовительного факультета в начале обучения, на втором этапе (май 2018 г.)

слушатели опрашивались повторно, уже прохождения обучения на подготовительном факультете, на третьем этапе (май 2019 г.) – опрос этих же иностранных студентов уже после обучения на 1 курсе университета.

Так успешность адаптации к условиям обучения, проживания и организации быта, то есть взаимодействие с окружающей новой социокультурной средой, для иностранного студента является жизненно важной и определяет его дальнейшую судьбу на новом месте. Особенно сложным и неоднозначным периодом являются первые месяцы нахождения иностранного студента в вузе.

На первом этапе социологического исследования (сентябрь 2017), результаты анкетирования показали, что процесс первичной адаптации иностранных студентов проходит не без сложностей. Основными трудностями первичной адаптации на тот момент стали физиологические (привыкание к новой пище, климату), психологические (наличие культурной дистанции), социальные (языковой барьер, новые социальные роли и круг общения). Но осознанный выбор страны обучения, дружественный характер отношений с российскими студентами, сохранение этнокультурной идентичности свидетельствовали об успешности процесс первичной адаптации [4, с. 126].

Результаты второго этапа исследования, проведенного в момент окончания на подготовительном факультете (май 2018 г.) показали, что основной проблемой на данном этапе адаптации является недостаточный уровень владения русским языком, которого большинству иностранных студентов хватает для бытового взаимодействия, но недостаточно для полноценного получения образования. Данная проблема непосредственно отражается и на эффективности социально-психологической и культурной адаптации иностранных студентов. Помимо этого были выявлены проблемы, связанные с проживанием в общежитиях, а так же финансовые трудности. Но, несмотря на возникающие сложности, иностранные студенты КубГТУ оценили социально-психологический климат как благоприятный, активно участвовали в досуговой деятельности университета, демонстрировали высокую степень адаптации [5].

Третий этап исследования был проведен в мае 2019 года, осуществлен опрос этих же иностранных студентов уже после обучения на 1 курсе университета. Акцент в опроснике был смещен на анализ социально-психологической, образовательной и культурной адаптации, а также была использована методика исследования стереотипов [6]. Большинство иностранных студентов оценивают сложившиеся в процессе обучения отношения с преподавателями и другими иностранными студентами преимущественно как дружественные, тогда как отношения с российскими студентами оценены как нейтральные (таб. 1).

Оценка иностранными студентами взаимоотношений, %

	С преподавателями	С иностранными студентами	С российскими студентами
Дружественные	79,7	63,5	39,2
Нейтральные	17,6	33,8	50,0
Напряженные	2,7	2,7	10,8
Всего	100	100	100

По сравнению с предыдущими опросами, существенно снизилась положительная оценка отношений с российскими студентами: в 2017 году 71,7 %, в 2018 г. – 70 % опрошенных оценивали эти отношения как дружеские. Данную тенденцию можно объяснить изменением широты и объема контактов с российскими студентами: в предыдущие года иностранные студенты преимущественно взаимодействовали со слушателями подготовительного факультета, жильцами студенческих общежитий – такими же иностранными студентами, а после поступления на 1 курс они перешли в обычную студенческую группу и взаимодействие с российскими студентами стало происходить значительно чаще. Но при этом у абсолютного большинства (85 %) не случается конфликтов с российскими студентами, а напротив 54 % отмечает, что у них есть много друзей среди российских студентов.

Необходимо отметить, что иностранные студенты проявляют высокую степень активности и почти половина опрошенных (48 %) уже участвует или собирается участвовать в деятельности органов студенческого самоуправления. Студенты стали проявлять больше активности в самоуправлении по сравнению с предыдущим этапом исследования. Это свидетельствует о высокой степени адаптации к новой культурной действительности, ведь иностранные студенты не только приспосабливаются к обстоятельствам, но и готовы активно участвовать в их преобразовании.

Учеба в университете (24 %) и быт (18 %) стали вызывать намного меньше проблем у иностранных студентов, а почти четверть опрошенных (23 %) уже не испытывают никаких трудностей, а значит, успешно адаптировались к основным

изменениям внешних условий. Но при этом определенные сложности в общении с окружающими испытывает 21 % опрошенных, для этой категории процесс адаптации еще не завершен, еще будет длиться из-за существенной разницы культуры принимающей страны и культуры родных стран. Эта категория студентов требует особого внимания со стороны сотрудников подготовительного факультета, психологов. В КубГТУ существует программа для более успешной адаптации иностранных обучающихся, которая помимо психологических тренингов включает целый ряд научных, спортивных и культурных мероприятий, в частности «Интерфестиваль», где студенты представляют танцы, песни, одежду и обычаи своей страны, посещение музеев и театров, экскурсии по городу и краю и др.

Одним из показателей преодоления культурного шока и успешной адаптации к стране пребывания можно отнести систему этнических стереотипов: преобладание негативного восприятия других этносов или же преобладание отрицательных характеристик в самовосприятии образовательного мигранта могут свидетельствовать о проблемах с адаптацией. Опрашиваемым предлагался набор характеристик, которые они должны были соотносить с собой, с другими иностранными студентами и российскими студентами и оценить, кому в большей степени присущи те или иные качества. Как показал опрос, в большей степени преобладают положительные оценки как себя, так и других (табл. 2). По мнению иностранных студентов российский студент – патриот, красивый, способный и дружелюбный. Другие иностранные студенты – дружелюбные, общительные и самостоятельные. Себя же респонденты видят умными, целеустремленными патриотами.

Таблица 2

Система стереотипов иностранных студентов, %

	Список качеств	Российские студенты	Иностранные студенты	Я сам
	Способный	70,3	48,6	68,9
	Скрытный	36,5	29,7	44,6
	Общительный	47,3	56,8	58,1
	Умный	60,8	55,4	75,7
	Неуверенный	16,2	32,4	20,3
	Дружелюбный	56,8	66,2	66,2
	Безответственный	18,9	33,8	17,6
	Патриот	78,4	50,0	67,6
	Самостоятельный	58,1	56,8	58,1
	Красивый	75,7	56,8	63,5
	Целеустремленный	54,1	52,7	68,9

Среди отрицательных характеристик, предложенных в опроснике, распределение так же произошло по-разному. Характеристику «скрытый» наибольшее число опрошенных присвоили сами себе, в меньшей степени русским, и еще в меньшей – иностранцам в целом. Это можно объяснить тем, что иностранцы изначально больше расположены друг к другу и не замечают скрытности друг друга, но осознавая ее в себе. Неуверенность в себе больше всего присваивали иностранцам и менее всего россиянам. Безответственность чаще всего упоминалась как характеристика иностранных студентов в целом, менее всего как характеристика россиян. Взаимодействие с иностранцами по очевидным причинам происходит намного чаще, ввиду чего многие опрошенные чаще сталкивались с проявлением данной характеристики у иностранных студентов.

Применение методики выявления стереотипов позволило выявить некоторые особенности восприятия образовательными мигрантами себя самих, иностранных и российских студентов. Распределение ответов говорит о все еще слабом контакте иностранцев с российскими студентами, так как в их адрес редко назывались качества, проявляющиеся в межличностном общении.

Литература:

1. Образование в условиях миграции и перемещения: наведение мостов вместо возведения стен. Официальный сайт ЮНЕСКО. URL : <http://gem-report-2019.unesco.org/ru> (дата обращения 09.01.2020).
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения 10.01.2020).
3. Эксперт: иностранных студентов привлекают высокое качество обучения, престиж диплома и хорошие отзывы. Проект 5-100. URL : <https://www.5top100.ru/news/103380/> (дата обращения 10.01.2020).
4. Муха В.Н. Особенности первичной адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере КубГТУ) / В.Н. Муха, Е.Ю. Можяева, А.И. Лысенко // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2-2. С. 120–126.
5. Муха В.Н. Особенности адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере КУБГТУ): второй этап исследования. Историческая и социально-образовательная мысль / В.Н. Муха, Н.Л. Сергиенко, А.И. Лысенко. 2018. Т. 10. № 6-1. С. 176–185.
6. Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 191 с.

Также опрошенные были более склонны давать отрицательные характеристики себе и другим иностранцам, чем российским студентам, что скорее всего вызвано осторожностью опрошенных и неготовностью объективно и глубоко дать оценку российским студентам ввиду не очень близкого с ними общения.

Третий этап исследования показал, что процесс адаптации иностранных студентов находится на стадии «реинтеграции», когда некоторая часть напряжения направляется во вне, на принимающее сообщество и основные показатели адаптации немного снижены по сравнению с предыдущим периодом.

В целом же, социальная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза происходит волнообразно и периоды с положительной динамикой адаптированности сменяются периодами спада. Эту особенность необходимо учитывать при разработке и реализации программы сопровождения в вузе, которые будут учитывать как социально-психологические характеристики иностранных студентов, условия новой среды, так и логику самого адаптационного периода.

Literature:

1. Education in the context of migration and displacement: building bridges instead of building walls Official site of UNESCO. URL : <http://gem-report-2019.unesco.org/ru> (accessed date 01/09/2020).
2. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated May 07, 2018 № 204. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (accessed 01/10/2020).
3. Expert: international students are attracted by the high quality of education, prestige of the diploma and good reviews. Project 5-100. URL : <https://www.5top100.ru/news/103380/> (accessed 01/10/2020).
4. Mukha V.N. Features of the primary adaptation of foreign students in a Russian university (for example, KubSTU) / V.N. Mukha, E.Yu. Mozhaev, A.I. Lysenko // Historical and socio-educational thought. 2018. Vol. 10. № 2-2. P. 120–126.
5. Mukha V.N. Features of the adaptation of foreign students in a Russian university (for example, KUBSTU): the second stage of the study. Historical and socio-educational thought / V.N. Mukha, N.L. Sergienko, A.I. Lysenko. 2018. Vol. 10. № 6-1. P. 176–185.
6. Mnatsakanyan I.A. Adaptation of students in new sociocultural conditions : dis. ... cand. psychol. sciences. Yaroslavl, 2004. 191 p.

Пономарев Игорь Евгеньевич
кандидат социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
ponomarev.igor54@gmail.com

Бутенко Татьяна Владимировна
старший преподаватель,
Донской государственный
технический университет,
кафедра физического воспитания и спорта,
Институт физической культуры
ponomarev.igor54@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Авторы статьи считают, что физическая культура и спорт обладают мощным потенциалом для развития молодого поколения, а также способствуют формированию ценностно-нормативной системы личности. В данной работе рассматриваются наиболее эффективные механизмы повышения значимости физической культуры и спорта в массовом сознании российской молодежи. На основе проведенного анализа авторы статьи выделяют такие механизмы популяризации физической культуры и спорта в сознании российской молодежи, как проведение масштабных спортивных мероприятий и реализация целевых проектов со стороны государственных органов власти.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, спортивные соревнования, физкультурно-оздоровительная работа, здоровый образ жизни, молодежь, ценности, ценностные установки.

Молодежь – это будущего России. От того, каким будет интеллектуальное, моральное, физическое состояние молодежи зависит и то, по какому пути развития пойдет наша страна.

Одной из ключевых проблем, которые исследуются отечественными социологами, является роль молодежи в общественном воспроизводстве. Наиболее актуальными являются вопросы, связанные со структурой ценностей, определяющих смысловое содержание жизни современной российской молодежи [1, 2], социокультурные ориентации, ценностные ориентации и установки молодежи [3, 4]. Наряду с данными вопросами рассматриваются такие компоненты системы ценностей молодежи, как здоровый образ жизни, физическая культура и спорт, которые

Igor E. Ponomarev
Candidate of Sociology,
Professor,
Rostov State University of Economics
ponomarev.igor54@gmail.com

Tatyana V. Butenko
Senior Lecturer,
Donskoy State Technical University,
Department of Physical Education and Sports,
Institute of Physical Culture
ponomarev.igor54@gmail.com

MECHANISMS TO POPULARIZE PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS IN THE MINDS OF RUSSIAN YOUTH

Annotation. The authors of the article believe that physical culture and sport have powerful potential for the development of the young generation, and also contribute to the formation of the value-normative system of personality. This paper discusses the most effective mechanisms for enhancing the importance of physical culture and sports in the mass consciousness of Russian youth. Based on the analysis, the authors of the article identify such mechanisms of popularizing physical culture and sports in the minds of Russian youth as large-scale sporting events and the implementation of targeted projects by the state.

Keywords: physical culture, sport, sporting events, physical fitness work, healthy lifestyle, youth, values.

также выступают в качестве базовых ресурсов здоровья российской нации [5]. Мощный потенциал физической культуры и спорта, способствующий формированию ценностно-нормативной системы личности, в своих работах отмечают Р.А. Тюриков, С.Ю. Щетинина, Ю.Н. Ямщиков [6, 7, 8].

В своем выступлении на молодежном форуме «Будущее», который проходил в Москве в октябре 2019 года, Заместитель Председателя Правительства О.Ю. Голодец, отметила: «Сегодня здоровый образ жизни становится синонимом успеха. Если ты хочешь достичь в жизни успеха, то придерживайся здорового образа жизни» [9]. Данное высказывание полностью отражает идею о том, что занятия физкультурно-оздоровитель-

ной деятельностью положительным образом влияют на уровень организованности, социальной активности, коммуникативности, работоспособности, интеллектуального развития, стрессоустойчивости и в целом жизненного самочувствия человека [10].

Таким образом, популяризация физической культуры и спорта, повышение их значимости для населения страны, позволит укрепить физическое, психическое, духовное и социальное здоровье молодежи и нации в целом [11].

Цель данной исследования заключается в рассмотрении наиболее эффективных механизмов повышения значимости физической культуры и спорта в массовом сознании российской молодежи.

В настоящее время перед органами государственной власти стоит задача по созданию комфортных условий для ведения гражданами России здорового образа жизни, развитию массового спорта и поддержанию конкурентоспособности российского спорта на мировой арене.

Проводя анализ спортивных событий, к которым была причастна Россия в последнее время – подготовка и проведение Всемирной летней Универсиады в Казани в 2013 году, проведение XXII Олимпийских зимних игр, XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи, прием Кубка Конфедерации 2017 года, организация 21 Чемпионата мира по футболу ФИФА 2018 года, который прошел в 11 городах России [12] и будущий турнир по футболу, где одним из городов, принимающих участников, будет Санкт-Петербург – Чемпионат Европы 2020, отметим, что благодаря этим мероприятиям значительным образом улучшилась инфраструктура страны, которая делает занятия спортом для граждан более комфортными [13]. К 2018 году в городах России появились 35 новых стадионов, 138 новых футбольных полей, 619 спортивных залов, 63 крытые ледовые арены, 33 манежа, 201 бассейн [9].

Помимо развитой инфраструктуры, которая стала украшением многих городов нашей страны, в России в 2018 году были увеличены и туристические потоки в три миллиона человек, а также изменились стереотипы о России, которые ранее существовали у иностранных граждан, что способствовало улучшению имиджа нашего государства. С момента проведения олимпиады в Сочи прошло уже более 5 лет, и по результатам исследования, проведенного ВЦИОМ, видно, что мнение россиян по поводу такого престижного события мирового уровня стало более четким и обоснованным. Так, 43 % респондентов считают, что Олимпиада в Сочи поспособствовала, развитию как самого города, так и его привлекательности для туристов [14]. Зимой курорт привлекает на свои высокогорные горнолыжные трассы множество любителей зимних видов спорта, что приносит большую пользу городу и позволяет оздоравливаться населению. В целом, 83 % россиян поддерживают проведение в России таких международных спортивных событий.

Результаты исследования ВЦИОМ показывают, что образ молодых людей у многих граждан России связан с такими качествами, как любовь к спорту, общительность, аккуратность и ориентация на материальные ценности [15]. Разделяют ли сами молодые люди данную точку зрения? По данным этого же опроса видно, что 68 % молодых людей любят спорт и стремятся им заниматься. Такую же тенденцию мы находим и в данных, полученных в ходе исследования «Образ жизни российской молодежи», проведенного сотрудниками РАНХиГС в 2019 году. Отметим, что весной этого года регулярно занимались спортом около 30 % молодых россиян, время от времени уделяли данному занятию 58 % молодежи, а 13 % совсем не занимались спортом и физической культурой. Также по результатам данного исследования видно, что более половины опрошенной молодежи стараются правильно питаться, а 49 % опрошенных ответили, что они никогда или крайне редко употребляли алкоголь.

Стоит отметить, что организация и проведение спортивных соревнований международного уровня не является единственным механизмом, способствующим популяризации спорта в массовом сознании молодежи. Мероприятия, как мы видим из эмпирических данных, чаще всего служат усовершенствованию спортивно-физкультурной инфраструктуры и улучшению условий для занятия спортом, что положительно способствует развитию как массового, так и профессионального спорта.

Наряду с масштабными проектами наше государство стремится реализовывать проекты на федеральном уровне, которые позволят сделать спорт более значимым для всего населения страны. Одним из таких проектов является «Спорт – норма жизни» – федеральный проект, который является частью национального проекта «Демография». Начало данному проекту было положено в январе 2019 года. Стратегической целью данного проекта является «доведение к 2024 г. до 55 % доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом путем мотивации населения, активизации спортивно-массовой работы на всех уровнях и в корпоративной среде, в том числе вовлечения в подготовку и выполнение нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», а также подготовки спортивного резерва и развития спортивной инфраструктуры» [16]. Данный проект поддерживается и на региональном уровне. Например, в Ростовской области планируется повысить долю детей, подростков и молодежи в возрасте от 3 до 29 лет, систематически занимающихся физической культурой и спортом, к 93,9 % (с учетом того, что в настоящий момент данный процент составляет по Ростовской области 87,9 %, в России – 77,2 %). Также в задачи проекта входит повышение уровня обеспеченности граждан спортивными сооружениями, исходя из единовременной пропускной способности объектов спорта. Одним из значимых результатов проекта будет организация спортивной подготовки, в том

числе спортивные школы по хоккею, поставка нового спортивного оборудования и инвентаря. Планируется проведение физкультурных комплексных мероприятий для всех категорий и групп населения. Если говорить о результатах первого года реализации регионального проекта «Спорт – норма жизни», то стоит отметить, что к концу 2019 года было приобретено 18 спортивных площадок ГТО для муниципалитетов, также была произведена поставка комплекта искусственного покрытия с беговыми дорожками для футбольного поля стадиона «Авангард» в г. Таганроге, спортивное оборудование и инвентарь для 15 спортивных учреждений. Ростовской области начато строительство физкультурно-оздоровительного комплекса, которое планируется завершить в 2020 году.

Литература:

1. Чупров В.И. Проблема социального развития молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Молодежная Галактика. 2014. № 11. С. 38–41.
2. Зубок Ю.А. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи / Ю.А. Зубок, В.И.Чупров // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 3–13.
3. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.
4. Vaskov M. Value Orientations Of Russian Youth In The System Of Managing The Moral Security Of Society. Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. 2. / M. Vaskov, A. Rezvanov, V. Kasyanov, et al 2018. P. 134–140.
5. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи как объект государственной молодежной политики / Н.Х. Гафиатулина, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 38–41.
6. Тюриков Р.А. Управление массовыми спортивными практиками: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2017. 37 с.
7. Щетинина С.Ю. Феномен физической культуры и спорта в социализации личности // Автономия личности. 2011. № 2 (4). С. 40–47.
8. Ямщиков Ю.Н. Спорт в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3.
9. Ольга Голодец приняла участие в первом молодёжном форуме «Будущее». URL : <http://government.ru/news/38065/>

Итак, проведенный анализ показывает, что опыт организации и проведения массовых спортивных мероприятий мирового уровня, который Россия приобрела за последнее десятилетие, свидетельствует о том, что такие широкомасштабные проекты являются сильнейшим импульсом развития спортивного движения как в среде молодежи, так и среди всего населения в целом. Также в популяризации физической культуры и спорта в сознании молодежи активно принимают участие федеральные и региональные органы исполнительной власти в сфере спорта и туризма. Грамотный синтез описанных механизмов, направленных на развитие физкультурно-спортивного движения, позволит физической культуре и спорту стать неотъемлемой частью жизни молодых людей в России.

Literature:

1. Chuprov V.I. The problem of the social development of youth in a changing social reality // Youth Galaxy. 2014. № 11. P. 38–41.
2. Zubok Yu. A. Life-meaning values in the cultural space of Russian youth / Yu. A. Zubok, V.I. Chuprov // Scientific Result. Sociology and management. 2018. Т. 4. № 3.
3. Omelchenko E.L. Solidarity and cultural practices of Russian youth at the beginning of the 21st century: theoretical context // Sociological studies. 2013. № 10. P. 52–61.
4. Vaskov M. Value Orientations Of Russian Youth In The System Of Managing The Moral Security Of Society. Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. 2. / M. Vaskov, A. Rezvanov, V. Kasyanov, et al 2018. P. 134–140.
5. Gafiatulina N.Kh. Social health of Russian youth as an object of state youth policy / N.Kh. Gafiatulina, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. P. 38–41.
6. Tyurikov R.A. Management of mass sports practices: a comparative analysis of domestic and foreign experience : abstract dis. ... cand. of social sciences: 22.00.08. M., 2017. 37 p.
7. Shchetinina S.Yu. The phenomenon of physical culture and sport in the socialization of personality // Autonomy of personality. 2011. № 2(4). P. 40–47.
8. Yamshchikov Yu.N. Sport in the context of globalization // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. 2009. No3.
9. Olga Golodets took part in the first youth forum «Future». URL : <http://government.ru/news/38065/>

10. Кузнецов П.К. Гуманистические ценности массового спорта как средство формирования всесторонне развитой личности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 152.

11. Ponomarev I.E. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev. 2019. T. 8. № 2.1. С. 250–257.

12. Пономарев И.Е. Чемпионат мира по футболу 2018 года как импульс развития спортивного движения в среде российской молодежи / И.Е. Пономарев, С.И. Чалохян, С.С. Косинов // Национальное здоровье. 2018. № 1.

13. Гафиатулина Н.Х. Здоровье как ценность в среде учащейся молодежи : монография. Ростов-н/Д. : РАС ЮРГУЭС, 2009. 166 с.

14. Зимняя Олимпиада в Сочи: 5 лет спустя. URL : <https://infographics.wciom.ru/theme-archiv/society/religion-lifestyle/past-future/article/zimnjaja-olimpiada-v-sochi-pjat-let-spustja.html> (дата обращения 23.01.2020).

15. Даешь, молодежь. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116284> (дата обращения 23.01.2020).

16. Федеральный проект «Спорт – норма жизни» URL : <https://norma.sport/about/> (дата обращения 23.01.2020).

10. Kuznetsov P.K. The humanistic values of mass sport as a means of forming a comprehensively developed personality // Izvestiya RGPU im. A.I. Herzen. 2012. № 152.

11. Ponomarev I.E. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev. 2019. T. 8. № 2.1. С. 250–257.

13. Ponomarev I.E. 2018 World Cup as an impetus for the development of sports movement among Russian youth / I.E. Ponomarev, S.I. Chalohyan, S.S. Kosinov // National Health. 2018. № 1.

12. Gafiatulin N.Kh. Health as a Value Among Students: A Monograph. Rostov-on/D. : RAS RAS YURGUES, 2009.166 p.

14. Winter Olympics in Sochi: 5 years later. URL : <https://infographics.wciom.ru/theme-archiv/society/religion-lifestyle/past-future/article/zimnjaja-olimpiada-v-sochi-pjat-let-spustja.html>

15. Give, youth. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116284>

16. The federal project «Sport is the norm of life». URL : <https://norma.sport/about/>

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела социологии,
Институт истории,
археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
rashram@yandex.ru

Акимова Аида Акимовна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
технический университет
filosofdgtu@mail.ru

Нурилова Альбина Захарьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
alnuza@mail.ru

**ПРОБЛЕМА НАЧАЛЬНОГО
МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Начальный сегмент мусульманского образования (мактабы, примечетские курсы, школы) в России, в том числе и на Кавказе, остаются малоизученными, поэтому в данной статье рассматриваются вопросы начального мусульманского образования; показаны характерные тенденции и сделан вывод о широкой распространенности обучения подрастающего поколения основам ислама и мусульманского этикета, при этом констатируется востребованность религиозного образования в общественном сознании носителей мусульманства.

Ключевые слова: примечетские школы, ислам, религия, мусульмане, образование, мусульманское образование.

Религиозное возрождение постсоветского периода ярко обозначила проблему, которая до этого не была предметом пристального научного исследования, хотя в мусульманских регионах при изучении образовательной сферы исследователи ее затрагивали: «особенно актуальной проблема религиозного образования является для всего мусульманского сообщества Российской государства» [1, с. 172]. Исследователи отмечают, что в конце XX в., когда общество стремилось восстановить утраченные в

Rashid O. Ramazanov

Candidate of Political Sciences,
Researcher in the Department of Sociology,
Institute of History,
Archeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Center,
Russian Academy of Science
rashram@yandex.ru

Aida A. Akimova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department
of Russian History,
Daghestan State Technical University
filosofdgtu@mail.ru

Albina Z. Nurilova

Candidate of Philosophical Sciences,
Docent of the Department of Philosophy,
Daghestan State Technical University
alnuza@mail.ru

**PROBLEM OF ELEMENTARY
MUSLIM EDUCATION
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. Elementary Muslim education (maktab, classes in a mosque, schools) in Russia particularly in Caucasus is unstudied that's why there is study of elementary muslim education in the article. There are tendencies and conclusion on wide popularity of education of Islamic studies and muslim ethic. The necessity of religious education in mass consciousness is found out in the article.

Keywords: classes in a mosque, islam, religion, muslims, education, muslim education.

советский период духовные и культурные традиции, среди народов, традиционно исповедующих ислам, начался процесс реисламизации, и у мусульманского сообщества появилась возможность восстановления и развития исламского образования [2, с. 37]. В последующем, в целом сама система религиозного образования была стабилизирована, в частности, можно отметить создание мусульманских учебных заведений, которые начали профессионально функционировать. Вместе с тем, следует отметить, что в

самой системе мусульманского образования имеются многочисленные проблемы, «препятствующие выстроить полноценную систему мусульманского образования» [3, с. 53].

Поэтому в рамках исследования состояния религиозной сферы российского общества, культового поведения, места и востребованности конфессионального фактора в общественном сознании населения возникает необходимость в научном исследовании истории мусульманского образования, хотя в этом плане имеются фундаментальные исследования, но в них больше внимания уделяется описанию медресе, в то время как немаловажную роль в данном процессе сыграла примечетская школа. Т.е. актуальность установления выполняемых ими (примечетской и коранической школой, медресе) функций в формировании религиозного мировоззрения не только в дореволюционный период, но и в настоящее время не вызывает сомнения.

Необходимость передачи верующим-неофитам основ религиозных знаний в соответствии с принятым религиозным каноном привела к формированию в составе религиозных конфессий особого института начального религиозного образования. Именно религиозное образование приводит к систематическим изменениям в его убеждениях, установках, что, в конечном счете, обеспечивает формирование особого стиля жизни верующего человека. В исламе эта важнейшая роль закреплена в религиозных текстах, получение знаний о нем воспринимается носителем мусульманского учения как свой религиозный долг. Причем значимость отдельного для мусульман религиозного образования повышается в обществах, где они численно не доминируют, а также на фоне религиозной дискриминации и исламофобии в государственных школах [4].

В настоящее время значение начального сегмента религиозного образования для воспроизводства религиозных сообществ в России еще более велико ввиду того, что на постсоветском пространстве межпоколенческие механизмы передачи религиозных знаний недостаточно оформлены. Нередко молодое поколение, выросшее в современной России, оказывается более компетентным в религиозных вопросах, нежели старшее поколение, чье мировоззрение формировалось под влиянием советской образовательной системы [5, с. 29].

Изучение состояния мусульманского образования в современном российском обществе закономерно поставил вопрос об обозначении дальнейшего пути его развития, что и нашло отражение в статье Р.М. Мухаметшина «Стратегические направления развития мусульманского образования в России». Среди базовых задач отмечено формирование «системы конфессионального, государственно-общественного управления исламским образованием, развиваются механизмы выработки и реализации религиозно-образовательной политики России, предусматривающие вхождение исламского образования в единое образовательное и правовое пространство» [6, с. 39]. Далее, он одним из основных пунктов в

реализации стратегических направлений исламского образования в современной России определяет необходимость развивать систему медресе – начальных многочисленных, востребованных в сфере мусульманского просвещения [7, с. 40].

В. Якупов рассматривает проблемы и трудности организации начального исламского образования при мечетях, в связи с чем вводит в оборот термин «начальное примечетское медресе», которым будет охватываться проводимая в мечетях вся образовательная активность. В этой связи он предложил на рассмотрение свой проект «Примерное положение о начальном примечетском медресе», основываясь на том, что «основным звеном системы мусульманского просвещения является образовательная деятельность, проводимая на уровне мечети, в которых обучение исламу существовало в разных формах – детские лагеря, курсы арабской графики, курсы Корана, а также мечети при которых имеются медресе и т.д.» [8, с. 69].

Н.О. Блейх, проанализировав имеющиеся в науке исследования по конфессиональному образованию, к достоинствам учебно-воспитательной работы этих образовательных заведений относит а) индивидуальный подход к каждому муталиму (ученику); б) передовые по тем временам методики обучения; в) конкуренцию среди преподавателей (ученик мог перейти к более знающему учителю); г) поощрение знаний окружающими. Вместе с тем, она обозначает причины, из-за которых традиционное мусульманское образование подвергалось справедливой критике: а) не было определенного срока начала занятий и приспособленных для этого помещений; б) само обучение не имело определенной методики и проходило на арабском (в большей степени), староосманском и татарском языках; в) практиковались наказания; г) обучение было сословным и платным [9, с. 177].

Н.А. Нефляшева обращает внимание на существование в науке определенного разнобоя в определении начального сегмента мусульманского образования: «в наименовании религиозных школ в региональной русской документации отсутствует терминологическая ясность – они называются «начальными школами медресе» и мектебе, что не соответствует принятой на Ближнем Востоке терминологии» [10, с. 73]. Также возражения исследователей вызывала и сама система мусульманского образования, в данном случае, мактаб, который выступает своего рода начальной школой. Например, С. Форфоровский в своей статье «Дагестанская мусульманская школа» отмечает, что программа обучения в мактабе ограничивалась в основном прирвитием учащимся навыков беглого механического чтения. Обучались учащиеся и письму, однако объем знаний по этому предмету был у них даже скуднее, чем по чтению. Окончившие мактаб с трудом умели писать и списывать текст с оригинала [11, с. 95]: «даже при благоприятных усло-

виях, кончая курс школы, курс продолжающийся около четырех лет, туземный мальчик приобретает умение механически читать, и читать только те книги, по которым он учился (остальные разбираются обыкновенно с большим трудом) и выводить буквы или списывать с данного оригинала. Привычка к механическому чтению укореняется так сильно, что зачастую, прочитав самое простенькое изложение на родном языке, ученик, окончивший школу, не в силах пересказать его своими словами. Это при благоприятных условиях... Обычно же горский мальчик уходил из школы, научившись только механическому чтению или унося смутное представление о существовавших каких-то замысловатых крючках, точного смысла и значения которых постигнуть ему так и не удалось» [12, с. 18].

Если обратиться к методике обучения, то оно (обучение) в начальной мусульманской школе начиналось с изучения арабской азбуки, после чего приступали к прохождению соответствующих глав Корана. Каждая глава Корана прочитывалась по нескольку раз до тех пор, пока ученик не начинал совершенно свободно и бегло читать ее, причем содержание прочитанного он не понимал [13, с. 117]: «мулла призывал к себе каждого из них (ученика – авт.) по очереди и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок с переводом на туземный язык, слово в слово; наконец, заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня. Если же ученик не выучил вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался. В остальное время дня ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги, что ученик должен иметь перед собой книгу» [14, с. 23].

Литература:

1. Блейх Н.О. Модель традиционного исламского образования народов Северного Кавказа (X–XVIII вв.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 3. С. 170–182. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-170-182.
2. Мухаметшин Р.М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 35–46.
3. Мухаметшин Р. Мусульманское образование в современной России на рубеже XXI века // Ислам в России: наука и образование. Материалы научной конференции. СПб., 2013. С. 720–724.
4. Shah S. Islamic Education and the UK Muslims: Options and Expectations in a Context of Multi-locality // Studies in Philosophy and Education. 2014. Vol. 33. Iss. 3. P. 233–249.
5. Насибуллов К.И. Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан // Исламоведение. 2015. № 1. С. 29–42.

Если обратиться к истории появления примечетских школ, то в этой связи справедлива позиция К.И. Насибуллова: «именно религиозное образование приводит к систематическим изменениям в его убеждениях, установках, что, в конечном счете, обеспечивает формирование особого стиля жизни верующего человека» [15 с. 29]. Исходя из того факта, что начальное мусульманское образование существенно влияет на массовое сознание мусульман, определенную трудность представляет объяснение нежелания рассмотреть сложные вопросы не только мусульманского образования, но и вообще нахождение мусульман в чуждом для них практически по всем параметрам западном обществе [16], в котором они, более того и не желают адаптироваться, предпочитая анклавное проживание с сохранением своих социокультурных ценностей. Примером является турецкое население, например, в Германии: они имеют точки общественного питания со своей национальной кухней, телевидение, вещающее на их родном языке и т.д., что позволяет им, совершенно не ущемляя себя в этнокультурном и этнорелигиозном плане жить в этнокультурно и этноконфессионально чуждой среде. Если научное сообщество не изъявляет особого желания изучать вопрос адаптации мусульман в западном обществе, то западные исследователи широко обсуждают вопросы мусульманского образования в русле мультикультурализма, хотя политика «плавильного котла», как признают сами западные лидеры не смогла себя в полной мере реализовать, более того, можно утверждать, что она потерпела крах, ибо мусульманское население изначально и не было ориентировано на принятие ценностей западного общества и не собиралось отказываться от своей специфической этноконфессиональной культуры.

Literature:

1. Bleyh N.O. Model of traditional Islamic education of people of North Caucasus (X–XVIII) // Vestnik Tumen State University. Humanitarian research. Humanitates. 2017. T. 3. № 3. P. 170–182. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-170-182.
2. Muhametshin R.M. Strategic directions of development of Muslim education in Russia // Islam in modern world. 2015. Vol. 11. № 4. P. 35–46.
3. Muhametshin R. Muslim education in modern Russia in XXI century // Islam in Russia: science and education. Scientific conference materials. SPb., 2013. P. 720–724.
4. Shah S. Islamic Education and the UK Muslims: Options and Expectations in a Context of Multi-locality // Studies in Philosophy and Education. 2014. Vol. 33. Iss. 3. P. 233–249.
5. Nasibulov K.I. Elementary Muslim education: results of monitoring of mosque school courses in Republic of Tatarstan // Islamovedenie. 2015. № 1. P. 29–42.

6. *Мухаметшин Р.М.* Стратегические направления развития мусульманского образования в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 35–46.
7. *Мухаметшин Р.М.* Стратегические направления развития мусульманского образования в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 35–46.
8. *Якупов В.* Начальное примечетское медресе // Минар. 2009. № 1(3). С. 69–72.
9. *Блейх Н.О.* Модель традиционного исламского образования народов Северного Кавказа (X–XVIII вв.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 3. С. 170–182.
10. *Нефляшева Н.А.* Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 4. С. 72–92.
11. *Каймаразов Г.Ш.* Мусульманская школа Дагестана в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10(24). Ч. 1. С. 95–98.
12. *Форфоровский С.* Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ноябрь. С. 16–26.
13. *Туземец.* Грамотность в горах Дагестана // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 106–120.
14. *Омаров А.* Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 19–35.
15. *Насибуллов К.И.* Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан // Исламоведение. 2015. № 1. С. 29–42.
16. *Шахбанова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с; Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения / М.М. Шахбанова; Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 15–24.
6. *Muhammedshin R.M.* Strategic directions of development of Muslim education in Russia // Islam in modern world. 2015. Vol. 11. № 4. P. 35–46.
7. *Muhammedshin R.M.* Strategic directions of development of Muslim education in Russia // Islam in modern world. 2015. Vol. 11. № 4. P. 35–46.
8. *Yakupov V.* Elementary mosque madraca // Minar. 2009. № 1(3). P. 69–72.
9. *Bleyh N.O.* Model of traditional Islamic education of people of North Caucasus (X–XVIII) // Vestnik Tumen State University. Humanitarian research. Humanitates. 2017. T. 3. № 3. P. 170–182. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-170-182.
10. *Neflyasheva N.A.* Muslim education in North-West Caucasus (second part XIX – beginning XX) // Vestnik of Moscow State University. Serial № 13. Vostokovedeniye. 2009. № 4. P. 72–92.
11. *Kaymarazov G.Sh.* Muslim school of Daghestan in the end of XIX – beginning XX c. // Historical, philosophy, political and judicial sciences, cultural studies and art studies. Questions of theory and practice. 2012. № 10(24). Part 1. P. 95–98.
12. *Forforovskiy S.* Daghestanian Muslim school // Journal of Ministry of Education. 1915. November. P. 16–26.
13. *Aborigine.* Education in Daghestan // Ethnographic review. 1900. № 1. P. 106–120.
14. *Omarov A.* Mentions of mutaalim // Collection of information about Caucasus mountaineers. Tiflis, 1868. Rel. 1. P. 19–35
15. *Nasibulov K.I.* Elementary Muslim education: results of monitoring of mosque school courses in Republic of Tatarstan//Islamovedenie. 2015. № 1. P. 29–42.
16. *Shahbanova M.M.* Ethnic, religious and state civil identities of daghestanian people in condition of transformation of Russian society. Makhachkala: ALEF, 2016. P. 358; *Shahbanova M.M.* Role of religion in the process of formation of culture of international communication / M.M. Shahbanova; Responsible redactor U.N. Abdulkadirov // Actual problems of humanitarian sciences – 2009. Collection of scientific materials. Makhachkala, 2009. P. 15–24.

Стариков Александр Георгиевич

кандидат политических наук,
доцент,
главный редактор журнала
«Донской регион»
vgastars@mail.ru

Бакушев Валерий Владимирович

доктор политических наук,
профессор,
заведующий кафедрой парламентаризма
и межпарламентского сотрудничества,
Институт государственной службы
и управления Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы при президенте
Российской Федерации
ae.solovyov@igsu.ru

Перова Марина Викторовна

кандидат педагогических наук,
заведующая кафедрой
информационных технологий,
Южно-Российский институт
управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
perova_mv@mail.ru

Горяинов Станислав Викторович

магистрант факультета политологии
Южно-Российского института
управления – филиал
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации,
руководитель общественной организации
«Ростов без наркотиков»
narnya777@mail.ru

КТО ГЕРОЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ?

Аннотация. В статье анализируется эволюция массового сознания молодежи по отношению к таким понятиям, как «героизм», «самопожертвование во имя Родины», «сохранение памяти о подвигах наших отцов и дедов в Великой Отечественной войне», складывавшихся годами нравственных ценностей народа. К сожалению, здесь не все в порядке. Проблемы возникают, по мнению авторов, во многом, из-за непродуманной государственной коммуникационной политики, не исполнением СМИ таких социальных функций, как культуроформирующая, образовательная, воспитательная, интегрирующая и др.

Alexander G. Starikov

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Editor-in-Chief
of Don Region Magazine
vgastars@mail.ru

Valery V. Bakushev

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Department of Parliamentarians
and Inter-Parliamentary Cooperation,
Institute of Public Service and Management
of the Russian Academy
of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
ae.solovyov@igsu.ru

Marina V. Perova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department
of Information Technology,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation
perova_mv@mail.ru

Stanislav V. Goryainov

Undergraduate of faculty of Political Science
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation,
head of the public organization
«Rostov without drugs»
narnya777@mail.ru

WHAT HERO IS A NEW?

Annotation. The article analyzes the evolution of the mass consciousness of youth in relation to such concepts as heroism, self-sacrifice in the name of the Motherland, preserving the memory of the exploits of our fathers and grandfathers in the Great Patriotic War, which took shape over the years of the moral values of the people. Unfortunately, not everything is in order here. The problems arise, according to the authors, in many respects due to an ill-conceived state communication policy, and the media not performing social functions such as culture-forming, educational, upbringing, integrating, etc.

Ключевые слова: героизм, самопожертвование, сопричастность к подвигам, герои нашего времени, Родина, Отечество, нравственные ценности, государственная политика, идеология, средства массовой информации, кинофильмы, культура, растление людских душ, объекты воздействия, шоумены, социальные функции СМИ.

Keywords: heroism, self-sacrifice, participation in feats, heroes of our time, homeland, homeland, moral values, state policy, ideology, mass media, films, culture, corruption of souls, objects of influence, showmen, social media functions.

Во времена СССР каждый житель великой державы на вопрос «Кого из героев вы могли бы назвать?» в ответ без труда перечислил бы два-три десятка фамилий людей, которыми гордилась страна, ее граждане, потому что об их жизни мы знали из учебников истории, газет и журналов, кинофильмов и театральных постановок, передач радио и телевидения, рассказов старших. Имена героев ратных и трудовых подвигов были у всех на слуху. Их почитали, их именами называли города, улицы, корабли, предприятия и учебные заведения. Их подвиги вселяли гордость за великую Родину, объединяли людей.

Прошли годы. Теперь мы живем в другой стране, где в магазинах имеются в достаточном количестве джинсы, мясо, колбаса... Но не стало героев, не стало примеров для подражания. Впрочем, примеры эти есть, но какие – судите сами.

Мы провели анкетирование студентов факультета медиакоммуникаций и мультимедийных технологий Донского государственного технического университета и факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета. В анкеты в порядке приоритетности необходимо было вписать два списка по десять фамилий: героев России за прошедшее тысячелетие и героев нашего времени. И, если с первым заданием 211 студентов худо-бедно справились, то со вторым вышел полный конфуз. Итак, в десятку героев тысячелетия, набрав наибольшее количество баллов, вошли: 1) Петр Первый; 2) Александр Суворов; 3) Иван Грозный; 4) Екатерина Вторая; 5) Ярослав Мудрый; 6) Александр Второй; 7) Александр Невский; 8) Александр Пушкин; 9) Минин и Пожарский; 10) Михаил Ломоносов. Всего упоминалось 73 личности, среди которых были и космонавт Юрий Гагарин, и премьер - министры царского правительства Столыпин и Витте, и поэты Владимир Высоцкий, Владимир Маяковский и Сергей Есенин, и писатели Лев Толстой, Федор Достоевский, Александр Солженицын, Антон Чехов, и бард Виктор Цой, и многие-многие другие. Упоминались также Владимир Ленин и Иосиф Сталин. Но, в силу того, что двадцатилетними они не столь почитаются как у представителей старшего поколения, в десятку они не вошли, обосновавшись в середине общего списка.

Бесспорно, все перечисленные личности заслуживают уважения и почитания. При этом вызвало удивления, что в числе лидеров не оказалось ни одного героя, ковавшего Победу в Великой Отечественной войне, унесшей жизни 27 миллионов наших граждан: маршалов Жукова, Конева,

Рокоссовского, Василевского, рядового Матросова. Никого. Возникли сложности и при определении героев нашего времени. И неспроста, многие из опрашиваемых, вместо того, чтобы назвать конкретные фамилии, дали такие комментарии: «По моему мнению, героев сейчас нет. Приоритеты общества я считаю абсурдными», «Среди известных современников я не вижу героев. А имена тех, кого я все-таки мог бы назвать, неизвестны общественности», «Подвиг нынче не в почете, герои остались в прошлом», «В то, что в нашей стране нет героев, я не верю. Кто-то рискует своей жизнью, спасая других людей, кто-то идет на зимовку в Арктике, кто-то на международной космической станции выйдет в открытый космос, подвергаясь опасному излучению. Мы не знаем их имен. Они замалчиваются, так как часто мужество приходится проявлять из-за чьей-то безалаберности».

Несколько лет назад один из авторов этого материала присутствовал на встрече с известным тележурналистом Владимиром Познером и бывшим министром культуры Российской Федерации Михаилом Швыдким. Он задал вопросы экс-министру:

– Что министерство культуры предпринимает, чтобы СМИ, в целом, и телевидение, в частности, выполняли такие важные социальные функции как культуроформирующая, воспитательная, образовательная, интеграционная? Почему на ТВ так мало передач, несущих телезрителю разумное, доброе, вечное, передающих молодому поколению нравственные ценности нашего народа?

Ответы бывшего министра и мэтра отечественного телевидения были предсказуемы:

– СМИ, в том числе и телевидение, находятся в рыночных отношениях. Поэтому, в первую очередь, в сетку вещания ставятся рейтинговые передачи, обеспечивающие значительную аудиторию и, соответственно, приток рекламы. Сейчас ЦК КПСС с его идеологическим отделом нет, и никто не может приказывать телеканалам, что ставить, а что нет.

Таковы реалии жизни. И они нам предлагают иных героев. Вот лидирующая десятка «героев нашего времени», названная студентами: 1) Владимир Путин; 2) Дмитрий Медведев; 3) Юрий Гагарин; 4) Алла Пугачева; 5) Сергей Безруков; 6) Владимир Жириновский; 7) Владимир Высоцкий; 8) Елена Исинбаева; 9) Филипп Киркоров; 10) Дмитрий Хворостовский.

Как видите, кроме Юрия Гагарина, здесь – политики, певцы, актеры и спортсмены. А, если

учесть, что Гагарина, Высоцкого и Хворостовского уже нет с нами, а задание предполагало героев, живущих в наши дни, то их место могут занять Иван Ургант, Федор Емельяненко, Гарик Мартиросян, Миша Галустян, Ксения Собчак и Иван Охлобыстин, занимающие последующие после десятки места. Как видите, это тоже спортсмены, актеры, шоумены, но отнюдь – не представители героических профессий. Это те, кого мы ежедневно видим на экранах наших телевизоров, и кто обеспечивает телеканалам высокие рейтинги.

Вспоминается, как в программе НТВшники ведущие задали присутствующим в студии вопрос: «За что вы могли бы отдать свою жизнь?» И предложили три варианта ответов: «За миллион долларов», «За Родину», «Ни за что и ни за кого». Девять процентов согласились отдать жизнь за миллион долларов, если эти деньги помогут спасти жизнь близких людей от тяжелых недугов; 21 процент готов был отдать жизнь за Родину. И 70 процентов ни за что и ни за кого. Этот показатель сопровождался бурными аплодисментами и одобрительной репликой ведущего Антона Хрекова: «Правильно, зачем за кого-то жизнь отдавать, жизнь то дается одна, гы-гы...»

Людям старшего поколения слушать это было дико. Воспитанные на принципе «Прежде думай о Родине, а потом о себе», им оставалось только недоумевать, наблюдая, как расставляются акценты в передаче на священные для многих принципы морали и нравственности.

К чему это приводит? Вот мнение на этот счет известного философа Л.Н. Столовича: «...на основе художественной коммуникации возникает вполне реальное воздействие произведений искусства на человеческую личность, на его под-сознательные установки, неосознанные вкусы и сознательные идеалы, а через них – на его поведение и деятельность. Здесь уже произведение искусства выступает как субъект, а личность как объект его воздействия» [5, с. 96]. У телевидения, как известно, десятки миллионов реципиентов, которые и являются объектами воздействия ТВ.

Сказано это было более тридцати лет назад, еще во времена СССР. Тогда к мнениям ученых власти прислушивались и выпускали на экран и в печать лишь те произведения, которые воспитывали у объектов воздействия высокие нравственные установки, такие как человеколюбие, уважение к старшим, любовь к Отечеству.

Что же происходит сейчас, в период рыночных отношений и борьбы за высокие рейтинги? Вот мнение современного ученого, высказанное им в книге со знаковым названием «Стратегические просчеты российской политической элиты»: «При обескураживающем безразличии и, без того, пугающем попустительстве властей в нашем обществе пропагандируются и утверждаются откровенная пошлость, чудовищная безвкусица, грубый примитивизм, низменные идеалы и нравственные принципы, неизбежно ведущие к разращению и растлению людских душ.

Обман, ложь, предательство, цинизм, жестокость, эгоистический индивидуализм становятся нормами человеческого общения и деловой этики. Они успешно конкурируют с честностью, совестью, добротой и трудолюбием. Это происходит в том числе, а может быть, и, в первую очередь, благодаря средствам массовой информации. Можно сказать, что рассматриваемая в общем и целом деятельность СМИ отнюдь не способствует становлению нормальной духовной атмосферы, здорового морального климата. Некоторые, увы, довольно многочисленные теле- и радиопередачи, газетные и журнальные публикации способствуют тому, что «героями нашего времени», образцами для подражания становятся не духовно богатые, творчески одаренные личности, а всякого рода проходимцы, откровенные флибустьеры, спекулянты-перекупщики, жулики и мошенники всех видов и мастей» [3, с. 24].

Эту же мысль подтверждает и философ А. Казин: «Капитализм – это рыночные отношения, распространяемые на все уровни личной и общественной жизни человека. При либеральном капитализме в России продается и покупается все – тела, души, ученые и воинские звания, министерские должности, государственные секреты, дипломы всех вузов, медицинские диагнозы, мигалки на машину» [2].

Современные СМИ, произведения литературы и искусства все сделали для того, чтобы были вытравлены из медиапространства все упоминания о подвиге как венце героического акта. О его творцах – героях, способных к наивысшей концентрации духовных и физических сил в интересах человеческого общества, своего народа, Родины. А ведь, как писал известный советский историк, генерал Д.А. Волкогонов, людям нужны легенды о героях, былинных богатырях, сказочных храбрецах, в которых концентрируются лучшие черты, одобряемые народными массами. «В легендах выражается и романтическое отношение масс к подвигу и герою. Немало легенд, которые становятся национальными, вплетаются в бесконечно богатую ткань ковра народной истории. Героев, о которых складываются песни, пишутся романы, передаются сказания из поколения в поколение, называют легендарными... В глазах народа герой – олицетворение самых высоких человеческих качеств, наиболее полного проявления мужества. Герою и героическому в памяти народной всегда отводится особое место. Народ рождает героев из своей толщи и не забывает их» [1, с. 56].

Зато с переходом к рынку, на благодатную почву попали семена ницшеанской теории. Фридрих Ницше в книгах «Воля к власти», «По ту сторону добра и зла», «Так говорил Заратустра» утверждал, что героично то, что демонстрирует силу, духовную мощь, способные обеспечить «волю к власти» как высший смысл бытия. По его мнению, стремление к господству, власти ведет к неизбежной переоценке всех духовных ценностей, в том числе и в понимании сущности героического, его критерия. По Ф. Ницше, героем может стать тот, кто ближе к человеческому уни-

кumu – идеалу «сверхчеловека», способному властвовать над «рабской моралью», «предрассудками», «дряблыми идеалами», а «слабые и неудачные должны погибнуть» [4, с. 271].

Не хочется обвинять молодых людей в отсутствии у них идеалов, нравственных устоев. Они здесь ни при чем. Они – жертвы непродуманной государственной коммуникационной политики, а вернее в ее полном отсутствии.

Сейчас слово «идеология» звучит как анахронизм, а люди, вспоминая о ней, воспринимаются как враги свобод и демократии. Но разве отсутствует идеология в «свободных» американ-

ских и других западных СМИ? Разве они не внедряют в умы миллионов читателей, радиослушателей и телезрителей прелести своего образа жизни? Разве они не подносят их как образец для подражания? Эти «прелести» вырабатывают крупнейшие национальные институты, сосредоточившие в своих штатах лучшие умы своих стран, обеспечивая их высочайшей зарплатой и прекрасными условиями для работы. Они охотно приглашают к себе на стажировку лидеров общественного мнения других стран, в том числе и России, которые, по возвращению домой, активно поддерживают позиции своих «учителей» в выступлениях по радио, телевидению, в газетах и журналах.

Литература:

1. *Волкогонов Д.А.* Феномен героизма (О героях и героическом). М. : Политиздат, 1985.
2. *Казин А.* Не распродать ни кресты, ни звезды. Какая власть нужна современной России // Литературная газета, 2008. 7 мая.
3. *Керимов А.Д.* Стратегические просчеты российской политической элиты. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011.
4. *Ницше Ф.* Об антихристе. М., 1900.
5. *Столович Л.Н.* Жизнь – творчество – человек: Функции художественности. М. : Политиздат, 1985.

Literature:

1. *Volkogonov D.A.* Phenomenon of heroism (On heroes and heroic). M. : Politizdat, 1985.
2. *Kazin A.* Don't sell crosses or stars. What power is needed in modern Russia / Literary newspaper, 2008. May 7.
3. *Kerimov A.D.* Strategic miscalculations of the Russian political elite. M. : Norma: INFRA-M, 2011.
4. *Nietzsche F.* On the Antichrist. M., 1900.
5. *Stolovich L.N.* Life – Creativity – Man: Functions of Art. M. : Politizdat, 1985.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
andry75@list.ru

Абдуллаев Сардор Собитхон угли

студент 414 группы
педиатрического факультета,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

**АНАЛИЗ САМОЧУВСТВИЯ
СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД СЕССИИ**

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического исследования анализа самочувствия студентов медицинского университета в период летней экзаменационной сессии. Учебная нагрузка у студентов медицинского вуза намного выше, чем у студентов университетов других профилей и показатели здоровья у студентов медицинского вуза более низкие. В исследовании приняли участие студенты первого и выпускного курса специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 «Медико-профилактическое дело», 33.05.01 «Фармация» в количестве 1700 человек. Были определены ведущие факторы, влияющие на здоровье. У студентов первого года обучения факторами являются такие как: «недостаток сна», «головные боли», «повышенная тревожность». У студентов выпускного курса – «частые расстройства ЖКТ», «злоупотребление табаком», «недостаток витаминов».

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova

Senior teacher Departments
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
andry75@list.ru

Sardor S. Abdullayev

Student 414 of the paediatric faculty group,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

**ANALYSIS OF WELL-BEING
OF STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY
DURING THE SESSION**

Annotation. This article presents the results of a sociological study of the analysis of the well-being of students of a medical university during the summer examination session. The workload of students of a medical university is much higher than that of university students of other profiles and the health indicators of students of a medical university are lower. The study was attended by first-year and final year students of specialties 31.05.01 «Medical business», 31.05.02 «Pediatrics», 31.05.03 «Dentistry», 32.05.01 «Medical and preventive work», 33.05.01 «Pharmacy» in the amount of 1700 people. Leading factors affecting health have been identified. For students of the first year of study, factors are such as: «lack of sleep», «headaches», «increased anxiety». Graduation students have «frequent gastrointestinal upset», «tobacco abuse», and «vitamin deficiency».

Ключевые слова: медицинский вуз; факторы здоровья; студенты медицинского вуза; самочувствие; повышенная тревожность; экзаменационная сессия.

Keywords: medical university; health factors; students of a medical university; well-being; increased anxiety; examination session.

Введение. Оценка казахстанских, российских, а также международных баз информации (Scopus, Pub Med, Elsevier), установила, что учебная нагрузка студентов медицинских университетов вдвое выше нагрузки студентов из технических вузов, и показатели здоровья студентов медицинских специальностей являются низкими при сравнении с показателями здоровья студентов гуманитарных и технических специальностей [1; 3]. В исследовании Зинченко С.А., Тымченко С.Л., Залата О.А., Богданова А.М., Бояринцева Ю.А. было установлено, что экзаменационный стресс оказывал существенное влияние на показатели гемодинамики крымских студентов медиков, что проявлялось повышением ЧСС до $104,4 \pm 20,9$ уд/мин, МОК до $6548,7 \pm 1511,55$ и САД до $125,9 \pm 16,32$ мм.рт.ст. перед экзаменом, которые не сразу вернулись к исходным значениям [2]. В литературе описано негативное влияние экзаменационного стресса на нервную, сердечно-сосудистую и иммунную системы студентов [5; 4], которое способствует снижению адаптационных ресурсов организма, развитию психосоматических заболеваний, что неблагоприятно отражается на эффективности процесса обучения [6; 7].

Цель исследования заключалась в анализе самочувствия студентов медицинского вуза в период летней экзаменационной сессии.

Материалы и методы. Социологическое исследование проведено в Астраханском государственном медицинском университете в июне 2019 года. В исследовательской работе приняли участие российские студенты обоего пола первого и выпускного курса специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 «Медико-профилактическое дело», 33.05.01 «Фармация» в количестве 1700 человек. Для качественной

информативности использовался опросный метод – анкетирование. Анкета разрабатывалась и согласовывалась с социологом и включала 30 открытых и закрытых вопросов. Результаты социологического исследования были подвергнуты качественному и количественному анализу. Статистическая обработка данных осуществлялась после формирования базы данных в программе Microsoft Excel при помощи программы Statistica 20.0. Результаты исследования представлены в таблице и рисунке.

Результаты и обсуждение. По результатам социологического исследования, проведенного в Астраханском государственном медицинском университете в период летней сессии (табл. 1), ведущим фактором, влияющим на здоровье и плохое самочувствие студентов первого курса, является «недостаток сна» (82,6 %). Следующим фактором, существенно снижающим показатели здоровья студентов первых курсов, является тревожность (81,1 %), которая значительно повышается в период сессии. Высокие показатели тревожности снижают эффективное обучение и активность. Значимым в ранге факторов здоровья студентов установлен показатель «головные боли» (78,6 %). Было констатировано, что в период экзаменационной сессии у студентов снижаются показатели здоровья, а высокое напряжение провоцирует головные боли и срыву адаптационных резервов. Незначительное распределение было у студентов первых курсов в показателях «употребление алкоголя» (18,9 %) и «простудные заболевания» (23,1 %). По результатам исследования (рис. 1), очевидно, что отрицательное влияние на здоровье и самочувствие студентов выпускных курсов оказывает «частые расстройства ЖКТ» (85,6 %). Следует отметить, что расстройства ЖКТ увеличивается за время обучения в вузе.

Таблица 1

Факторы влияния на здоровье у российских студентов первого и выпускного курса в период летней экзаменационной сессии

Факторы влияния на здоровье		Первый курс %	Выпускной курс %
1	Недостаток сна	82,6	58,9
2	Отсутствие режима дня	58,9	50,8
3	Головные боли	78,6	23,2
4	Эмоциональные нагрузки	62,5	31,0
5	Повышенная тревожность	81,1	22,1
6	Ухудшение памяти	77,4	28,8
7	Простудные заболевания	23,1	48,3
8	Неправильное питание	49,0	52,5
9	Злоупотребление табаком	40,1	70,4
10	Недостаток витаминов	28,6	68,7
11	Частые расстройства ЖКТ	37,0	85,6
12	Употребление алкоголя	18,9	64,6

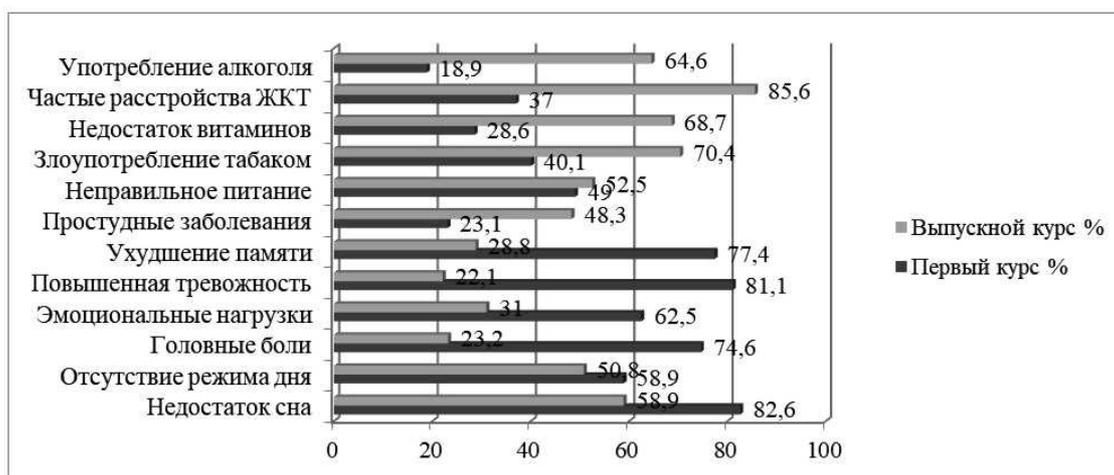

Рисунок 1 – Факторы влияния на здоровье у российских студентов первого и выпускного курса в период летней экзаменационной сессии

Один из высоких процентов набрал показатель злоупотребление табаком (70,4 %) у выпускных курсов. Вредные привычки (курение, употребление алкоголя) негативным образом влияют на все показатели функциональности здоровья и служат причиной многочисленных заболеваний. Курение для студентов служит психологической привычкой снятия стресса, особенно, в период сессии.

Таким образом, у студентов медицинского вуза в период сессии возрастает нервно-психическое напряжение и, соответственно, появляется риск возникновения психосоматических нарушений.

Заключение. По результатам проведенного социологического исследования был проведен

Литература:

1. Датиева Ф.С. Особенности микроциркуляции и системы гемостаза у студентов-медиков в период экзаменационного стресса / Ф.С. Датиева, Л.Г. Урумова, Л.Г. Хетагурова, Н.О. Медоева // Вестник новых медицинских технологий. 2009. Т. 16. № 3. С. 84–87.
2. Зинченко С.А. Анализ особенностей гемодинамических показателей при адаптации к учебному процессу и сессии у студентов медиков в условиях переходного периода на российский образовательные программы в Крымском регионе / С.А. Зинченко, С.Л. Тымченко, О.А. Залата, А.М. Богданова, Ю.А. Бояринцева // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2017. № 2. Публикация 7-4. URL : <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2017-2/7-4.pdf> (дата обращения 5.01.2020).
3. Кузнецов В.В. Параметры состояния здоровья, ассоциированные с успешностью обучения у студентов младших курсов медицинских специальностей / В.В. Кузнецов, Е.К. Косилова, Р.А. Байрамов и др. // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. XXXIV–XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 4–5(32). Новосибирск : СибАК, 2019. С. 28–35.

анализ самочувствия среди студентов первого и выпускного курсов в Астраханском государственном медицинском университете в период летней экзаменационной сессии. Преобладающими факторами здоровья у студентов первого обучения являются «недостаток сна», «головные боли», «повышенная тревожность». У студентов выпускного курса ведущие факторы: «частые расстройства ЖКТ», «злоупотребление табаком», «недостаток витаминов». Полученные результаты необходимо использовать при разработке психолого-педагогических программ для укрепления и сохранения здоровья студентов-медиков, а также – для развития у них интереса к здоровому образу жизни и обращения за профилактической помощью в медицинские учреждения.

Literature:

1. Datieva F.S. Features of microcirculation and hemostatic system in medical students during exam stress / F.S. Datieva, L.G. Urumova, L.G. Kheta-gurova, N.O. Medoeva // News of new medical technologies. 2009. V.16. № 3. P. 84–87.
2. Zinchenko S.A. Analysis of the features of hemodynamic indicators during adaptation to the educational process and session of medical students in the transition period to Russian educational programs in the Crimean region / S.A. Zinchenko, S.L. Tymchenko, O.A. Zalata, A.M. Bogdanova, Yu.A. Boyarintseva // Bulletin of new medical technologies. Electronic edition. 2017. № 2. Publication 7-4. URL : <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2017-2/7-4.pdf> (accessed date 5.01.2020).
3. Kuznetsov V.V. Health status parameters associated with the success of training among junior students of medical specialties / V.V. Kuznetsov, E.K. Kosilova, R.A. Bayramov and others // Experimental and theoretical studies in modern science: Sat. Art. by mater. XXXIV–XXXV Int. scientific-practical conf. № 4–5(32). Novosibirsk : SibAK, 2019. P. 28–35.

4. *Меерманова И.Б.* Состояние здоровья студентов, обучающихся в высших учебных заведениях / И.Б. Меерманова, Ш.С. Койгельдинова, С.А. Ибраев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-2. С. 193–197. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (дата обращения 15.01.2020).

5. *Готовцев Е.В.* Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов как методология анализа и оценки продуктивности процесса физического воспитания / Е.В. Готовцев, Г.Н. Германов, Ю.В. Романова, И.В. Машошина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 1(83). С. 40–45.

6. *Петунова А.Н.* Влияние экзаменационного стресса на функциональное состояние организма / А.Н. Петунова, Э.А. Алексеева, И.К. Иванова // Межрегиональная конференция (г. Улан-Удэ, 4–5 сентября 2009 г.). Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2009. № 2(66). С. 286–288.

7. *Чижкова М.Б.* Удовлетворенность учебно-профессиональной деятельностью студентов-первокурсников на начальном этапе обучения в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 261.

4. *Meermanova I.B.* The health status of students in higher education / I.B. Meermanova, Sh.S. Koi-geldinova, S.A. Ibraev // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 2-2. P. 193–197. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (accessed 01.15.2020).

5. *Gotovtsev E.V.* Monitoring the state of health and physical fitness of students as a methodology for analyzing and evaluating the productivity of the process of physical education / E.V. Gotovtsev, G.N. Germanov, Yu.V. Romanova, I.V. Mashoshina // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgaft. 2012. № 1(83). P. 40–45.

6. *Petunova A.N.* The influence of exam stress on the functional state of the body / A.N. Petunova, E.A. Alekseeva, I.K. Ivanova // Interregional Conference (Ulan-Ude, September 4–5, 2009). Bulletin of the VSNS SB RAMS. 2009. № 2(66). P. 286–288.

7. *Chizhkova M.B.* Satisfaction with the educational and professional activities of first-year students at the initial stage of training at a medical university // Modern problems of science and education. 2015. № 4. P. 261.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Богомолова Татьяна Павловна

кандидат социологических наук,
ректор,
Институт международных
экономических связей
miss.bord@yandex.ru

Шулус Алексей Алексеевич

кандидат юридических наук
shulusalexey@gmail.com

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И КЛЮЧЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретико-методологических основ гражданского общества в современной России. Авторами выделены основные этапы его эволюции в постсоветский период отечественной истории. Ими также дана характеристика основных институтов гражданского общества в соответствии с ключевыми сферами общественной жизнедеятельности и показаны основные проблемы взаимодействия этих институтов с российским государством.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, демократическое государство, этапы становления гражданского общества, институты гражданского общества.

Вопросы теории гражданского общества, практических механизмов его становления в условиях постсоветской России традиционно относятся к числу наиболее актуальных проблем, разрабатываемых учеными-обществоведами: историками, философами, социологами, политологами, юристами и т.д. Как мы полагаем, в принципиальном плане это обусловлено тем, что фундамент гражданского общества образуют права и свободы человека. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, последние являются высшей ценностью, а их защита – обязанностью государства [1].

Стоит напомнить, что первые представления о гражданском обществе сформировались еще в эпоху Древней Греции и Древнего Рима. В основном это было связано с развитием политико-юридической мысли того времени, в частности, в трудах Цицерона, который разрабатывал вопросы прав и обязанностей граждан, а также общества как совокупности последних. Не случайно именно от лат. *civis* (гражданин) возникло понятие *civitas* (общество) [6, с. 75]. Античные идеи гражданского общества получили новое осмысление уже в Новое время, что в первую очередь

Tatyana P. Bogomolova

Candidate of Sociological Sciences,
Rector,
Institute of International
Economic Relations
miss.bord@yandex.ru

Alexey A. Shulus

Candidate of Law Sciences
shulusalexey@gmail.com

**CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA:
FORMATION STAGES
AND KEY INSTITUTIONS**

Annotation. The article is devoted to theoretical and practical aspects of civil society and its institutions in modern Russia. Stages of its evolution in the post-Soviet period are highlighted. Main institutions of civil society are characterized in accordance with key areas of public life. The authors show main issues of the interaction of these institutions with the Russian state.

Keywords: civil society, rule of law, democratic state, stages of civil society formations, civil society institutions.

было отражено в работах великого английского философа Т. Гоббса «О гражданине» (1642 г.) и «Левиафан» (1651 г.). Фактически им и была создана развернутая концепция гражданского общества как разнообразных форм взаимодействия граждан и государства [7, с. 73]. В дальнейшем теоретические основы исследуемой проблемы получили свое развитие в трудах Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Г. Гегеля, И. Канта и др.

В современной науке зафиксировано большое количество определений гражданского общества. Согласно одному из них, оно представляет собой «комплекс добровольно сформировавшихся объединений индивидов (семья, кооперации, ассоциации, хозяйственные корпорации, общественные организации, профессиональные, творческие, спортивные, этнические, конфессиональные и др. объединения), не входящих в государственные структуры» [5, с. 145]. В другой трактовке данное понятие определяется как «сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произ-

вольной регламентации со стороны государственной власти» [3, с. 73]. В другом авторитетном издании отмечены следующие существенные черты гражданского общества: «... Это общество устойчивого порядка, поддерживаемого не только (и не столько) силой государственного принуждения, но и самостоятельными усилиями самих граждан – его членов. Гражданское общество отличается высокой степенью самоорганизации» [8, с. 132].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить: при всем разнообразии подходов налицо единство исследователей в том, что гражданское общество есть совокупность объединений, связей, отношений граждан, не входящая в государство и отстаивающая собственные индивидуальные и групповые интересы.

В контексте вышеизложенного возникает следующий фундаментальный вопрос: если государство и гражданское общество тесно взаимосвязаны, то любому ли историческому типу государства присуще наличие гражданского общества? На основе обобщения классических и современных трудов по данной проблеме можно сделать следующий вывод: функционирование гражданского общества с необходимостью предполагает достаточно высокую степень развития властных отношений, а именно достижение уровня правового государства. Последняя категория означает «организацию публичной власти, формируемую обществом на основе принципов свободных выборов, разделения властей, независимости судебной власти в целях реализации и защиты прав и свобод каждого гражданина, подконтрольную институтам гражданского общества» [9, с. 74].

Относительно короткий по историческим меркам период постсоветских преобразований в России может быть подразделен на ряд этапов с точки зрения эволюции гражданского общества.

Первый из них охватывает период со времени распада СССР (декабрь 1991 г.) и до принятия Конституции РФ (декабрь 1993 г.). Он отмечается быстрым ростом количества политических партий и других объединений вследствие ликвидации монопольного положения КПСС. Параллельно с этим набирали силу процессы создания разнообразных объединений граждан в различных сферах жизнедеятельности общества, в первую очередь экономической.

Второй этап открывается принятием Конституции РФ, в которой были зафиксированы как приоритет индивидуальных интересов на коллективными, так и гарантии для самостоятельной деятельности граждан и объединений во всех общественных сферах. Таким образом, в Основном законе были заложены благоприятные условия для развития институтов гражданского общества. Однако на практике больших изменений по сравнению с первым периодом не произошло. Это было вызвано как сохранением предыдущей власти и имевшегося курса во внутренней политике, так и выявившимся, по большей части, декларативным характером Конституции: имеющи-

еся в ней права и свободы в основном провозглашаются, но практически не подкрепляются действенными правовыми механизмами их защиты. Кроме того, встречающиеся в тексте документа многочисленные примечания о допустимости регулирования различных прав законами (ст. 24, 29, 37 и пр.), создали базу для их возможного ограничения, что и произошло на практике.

Третий этап, связанный с уходом первого Президента РФ Б.Н. Ельцина и с избранием на этот пост В.В. Путина, и продолжающийся по настоящее время, характеризуется постепенным ограничением различных гражданских прав и фактическим уменьшением возможностей населения в деле их защиты. Одной из причин подобной ситуации является расплывчатость многих положений законов, которые допускают их двоякое, а иногда – и множественное толкование органами и представителями власти [2, с. 3]. В частности, ст. 282 (о возбуждении ненависти и вражды по мотивам) не имеет четких критериев, определяющих наличие экстремистского деяния. В результате государственные органы имеют достаточно широкие возможности для определения большого числа действий в качестве преступных, что пагубным образом сказалось на общественной активности граждан и их объединений. Вместе с тем, необходимо отметить, что имевшее место ужесточение этих репрессий спровоцировало многочисленные возмущения в обществе, что имело своим результатом частичную декриминализацию ст. 282 УК РФ: ее первая часть была заменена административным наказанием и лишь за повторное (в течение 12 месяцев) нарушение данной нормы стал применяться Уголовный кодекс [10].

Таким образом, в свете предложенной периодизации правомерен следующий вывод: гражданское общество в современной России находится пока на стадии формирования и его нынешнее состояние далеко от стандартов ведущих стран мира.

Еще одним важным в теоретическом и практическом плане вопросом является типизация институтов гражданского общества. По результатам обобщения зафиксированных в литературе подходов представляется возможным разделить их (по критерию сфер деятельности) на четыре основные группы: политические, экономические, социальные и духовные. При этом следует подчеркнуть некоторую условность данного деления, поскольку один и тот же общественный институт можно охватывать несколько общественных сфер. К примеру, профессиональные союзы работников действуют как в социальной, так и экономической области. Как показывает мировая практика, набирает силу и их политическая функция.

Возвращаясь к краткой характеристике институтов по параметру преобладающей сферы их жизнедеятельности, необходимо отметить следующее. В политической области к ним относятся все виды добровольно созданных и действующих объединений, которые играют роль «по-

средника» между гражданами страны и государственными органами. Целью их деятельности может быть как отстаивание политических прав и свобод граждан, так и борьба за власть. Среди подобных институтов можно назвать политические партии, а также политические движения, ассоциации т.д. Формально к данному типу можно отнести и институты местного самоуправления, поскольку они, согласно Конституции РФ, не являются органами государственной власти. С другой стороны, объединения наподобие Общественной палаты РФ не могут относиться к институтам гражданского общества, поскольку она формируется, в том числе, при непосредственном участии Президента РФ.

В экономической сфере к институтам гражданского общества относятся негосударственные внебюджетные организации/объединения различных организационно-правовых форм (предприятия, кооперативы, товарищества и т.д.). В основе деятельности этих институтов лежит частная собственность и частная инициатива. Также, в этой сфере действуют профсоюзы как объединения наемных работников, ассоциации/объединения предпринимателей, торгово-промышленные палаты и тому подобные организации.

Что касается социальной сферы, то здесь институты гражданского общества отличаются наибольшим разнообразием. Среди них в первую очередь, можно выделить семью. Кроме того, в данной сфере присутствуют негосударственные воспитательные и образовательные учреждения (ясли, детские сады, школы, вузы и т.д.), учреждения здравоохранения и пр.

В духовной сфере к институтам гражданского общества относятся различные объединения и учреждения граждан (творческие союзы, ассоциации, религиозные структуры и движения и т.д.), занимающиеся культурной, научной, религиозной и тому подобной деятельностью.

Следует еще раз подчеркнуть, что все институты гражданского общества создаются «снизу» (т.е., самими гражданами без непосредственного участия государства), самостоятельно определяют и осуществляют сферу и цели своей деятельности и подчиняются лишь закону.

Возвращаясь к российским реалиям, необходимо обратить пристальное внимание на наличие серьезного противоречия, существующего между декларируемыми условиями и фактическими механизмами становления и функционирования гражданского общества. С одной стороны, в стране сформирована необходимая правовая база для благоприятного развития исследуемых процессов. Так, согласно Конституции Российской Федерации, гарантируются:

– равенство общественных объединений перед законом (ст. 13, п. 4);

– право каждого на объединение (ст. 30) и т.д.

Хотя в тексте самой Конституции термин «гражданское общество» не используется, не вызыва-

ет сомнений, что данная категория рассматривается в качестве необходимого условия становления правового государства. Думаается, что это следует не только из вышеуказанных положений, но и из содержания уже ранее упоминавшейся ст. 2 Основного закона, где очевиден приоритет индивидуальных прав и свобод по сравнению с государственными полномочиями. Иными словами, в Конституции РФ несомненна связь с либеральной доктриной общественного устройства, что сближает данный документ с аналогичными правовыми актами современных западных государств.

Что касается практики, то уровень развития гражданского общества в современной России весьма далек от идеального. В литературе зафиксированы различные оценки степени такого отклонения: от признания факта существенных проблем до полного отрицания самого наличия гражданского общества [2, с. 2; 3, с. 165]. В качестве иллюстрации промежуточной позиции можно привести высказывание специалистов, считающих, что гражданское общество как целое в России пока еще не сформировано и вместо него существуют разрозненные социальные сообщества, действующие в рамках своих интересов и зачастую, имеющие авторитарный характер [3, с. 166].

Как нам представляется, одним из негативных факторов, обусловивших недостаточную развитость гражданского общества в современной России, является то, что, несмотря на довольно значительное число различных общественных объединений, большинство из них не нацелено на реальное отстаивание прав ее участников [2]. Кроме того, данные организации, как правило, не являются политическими и действуют исключительно в других сферах – в экономической, социальной или духовной. Нельзя не отметить также существенную (а иногда и абсолютную) финансовую зависимость объединений граждан от государственных органов, что обуславливает разнообразие жесткие формы диктата со стороны последних. На практике это зачастую оборачивается финансовым «удушением» либо налоговыми репрессиями в отношении неугодных структур.

Таким образом, налицо явное противоречие между формально декларируемыми демократическими идеалами, направленными на защиту и развитие общественных институтов, и фактическим состоянием последних. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, данная проблема во многом вызвана тем, что заимствование гражданских институтов у Запада, имевшее место с 90-х гг. XX в., относилось, в основном, к внешней форме последних, а не к их действенным механизмам [5, с. 145].

В порядке резюме представляется возможным сделать следующие выводы. Несмотря на формальное существование определенных конституционных гарантий, призванных обеспечить существование и развитие гражданского общества, последнее находится на начальном этапе своего развития. Имеющиеся различные объ-

единения индивидов на практике обычно не способны к эффективной защите прав своих участников, а те, что являются собой исключение из указанного правила, действуют лишь в достаточно узких рамках, не выходя на взаимодействие с аналогичными организациями прочих категорий граждан. Как следует из проведенного краткого обзора истории гражданского общества в России, преобладающей пока остается тенденция к созданию различного рода ограничений

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. *Абражеева Д.В.* Гражданское общество современной России / Д.В. Абражеева, А.А. Музыкин // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). М. : Буки-Веди, 2017. С. 1–4. URL : <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13150/> (дата обращения 19.12.2019).
3. *Малахова О.В.* Институты гражданского общества в современной России: концепции и перспективы взаимодействия с государством // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. С. 165–170.
4. *Власенко О.В.* Гражданское общество в Российской Федерации: состояние, проблемы развития / О.В. Власенко, Е.В. Мирошниченко // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. № 4(25). С. 73–74.
5. *Никитина Е.С.* Особенности и основные этапы становления гражданского общества в России // Власть. 2010. № 12. С. 145–148.
6. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. Ун-та. 1993. 431 с.
7. *Соляник К.В.* Развитие идеи гражданского общества во взглядах Томаса Гоббса на право и государство // Теория и практика общественного развития. 2006. № 3. С. 73–74.
8. *Бахирин А.Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е издание, переработанное и дополненное. М. : Книжный мир, 2008. 792 с.
9. *Кондрашев А.А.* Идея правового государства в России: конституционная мифология и правовая реальность // Lex Russica. 2017. № 3(124). С. 74–88.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019).

в плане проявления активности граждан, усилению зависимости их объединений от государства, в том числе, посредством принятия последним нечетких/двусмысленных правовых норм или задействия финансовых инструментов. В этой связи, нам представляется необходимым всемерно расширять работу по трансформации, по большей части, гарантий в эффективно работающие механизмы защиты прав граждан.

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993).
2. *Abrazheeva D.V.* Civil Society of Modern Russia / D.V. Abrazheeva, A.A. Musodin // Current Problems of Law: Materials VI International. науч. конф. (Moscow, December 2017). М. : Buki-Vedi, 2017. P. 1–4. URL : <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13150/> (date of appeal 19.12.2019).
3. *Malakhova O.V.* Institutions of Civil Society in Modern Russia: Concepts and Prospects of Interaction with the State // Scientific Statements of the Belthe State University. Series: History. Political Science. 2008. P. 165–170.
4. *Vlasenko O.V.* Civil Society in the Russian Federation: State, Development Problems / O.V. Vlasenko, E.V. Miroshnenko // Siberian Trade and Economic Journal. № 4(25). 2016. P. 73–74.
5. *Nikitina E.S.* Peculiarities and main stages of civil society formation in Russia // Power. 2010. № 12. P. 145–148.
6. Political Science: Encyclopedia Dictionary/General. Ed.: Y.I. Averyanov. М. : Moscow. коммерч. Un-ta. 1993. 431 p.
7. *Solyanik K.V.* Development of the idea of civil society in the views of Thomas Hobbs on the right and the state // Theory and practice of social development. 2006. № 3. P. 73–74.
8. *Bahirin A.B.* Grand Legal Encyclopedia Dictionary. 2nd edition, revised and supplemented. М. : Book World, 2008. 792 p.
9. *Condrasev A.A.* Idea of the Rule of Law in Russia: Constitutional Mythology and Legal Reality // Lex Russia. 2017. № 3(124). P. 74–88.
10. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-ФЗ (ed. 02.12.2019).

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishneveckiy@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Jurisprudence,
Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishneveckiy@mail.ru

Роль внутриличностного конфликта в формировании мотивации совершения сексуального насилия

THE ROLE OF INTRAPERSONAL CONFLICT IN THE FORMATION OF MOTIVATION FOR SEXUAL VIOLENCE

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования мотивации сексуального насилия и определена роль внутриличностного конфликта в этом процессе. Дано определение понятию «внутриличностный конфликт», проанализированы варианты формирования мотивации сексуальных преступлений, рассмотрены стадии развития «внутриличностного конфликта», предложена типология моделирования насильственных сексуальных преступлений, включающая в себя три группы.

Annotation. The article deals with the formation of motivation for sexual violence and defines the role of intrapersonal conflict in this process. The definition of the concept of «intrapersonal conflict» is given, the variants of formation of motivation of sexual crimes are analyzed, the stages of development of «intrapersonal conflict» are considered, the typology of modeling of violent sexual crimes including three groups is offered.

Ключевые слова: криминология, виктимология, внутриличностный конфликт, сексуальное насилие, аффектогенные преступления.

Keywords: criminology, victimology, intrapersonal conflict, sexual violence, crimes offence.

Анализ преступного сексуально-насильственного поведения показывает, что врожденные особенности индивида и его биологические потребности, побуждающие к психической активности, непосредственно не влияют на социальное содержание мотивации. Биологические предпосылки влияют лишь на ее динамическую сторону, в связи с чем, могут ускорить или замедлить реализацию тех или иных социальных причин. Специфические особенности, деформации и отклонения в мотивационной сфере сексуального преступника являются совокупностью основных внутренних условий, которые вызывают возникновение и утверждение насильственной мотивации, способствуют ее социальному или антисоциальному содержанию. Одной из разновидностей таких условий принято считать внутриличностный конфликт, то есть, конфликт внутри человека, между разными сторонами его «Я», желаниями, немедленными потребностями и той системой норм и ценностей, заложенной в нем с детства. Иначе говоря, внутриличностный конфликт – это борьба двух противоположных тенденций в сознании одного индивида. Исследователи отмечают, что в основе любого внутриличностного конфликта находится проблема выбора, поскольку индивиду практически всегда заданы несколько вариантов действий, моделей поведения в одной и той же социально значимой

ситуации. А противоборство взаимоисключающих стремлений и порождает внутриличностный конфликт [1].

Пытаясь раскрыть внутренние условия сексуального насилия Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов предлагают следующую классификацию персонификации. Образы «Я», причем, как мужского, так и женского, условно делятся на три категории: 1) хорошее сексуальное; 2) дурное сексуальное; 3) не сексуальное. При этом биографические нарративы фокусируются в той или иной форме по описанию сексуальности в упоминаниях об отце, матери, женщине, мужчине, любимом и т.д. [2].

Рассмотрим варианты формирования мотивации сексуальных преступлений по времени:

- 1) ситуативная, то есть, мимолетная, ограничена непосредственными обстоятельствами сексуального преступления;
- 2) умышленная, то есть, относительно продолжительная по времени формирования и реализации в намеренном преступном поведении. В любом случае сексуальные преступники имеют типичные деформации в ценностно-мотивационной сфере своей личности. Окружающая среда

воспринимается ими эгоистично, в условиях пониженной чувствительности к социальным претам сексуального характера. Кроме того, эти преступники отличаются инверсивностью системы «мотив – цель»: значимые для их сексуальных (сексуально-садистских, искаженных и т.п.) нужд объекты порождают криминальное целеобразование, а сложившаяся криминальная цель получает защитную мотивацию-поддержку.

По мнению М.И. Еникеева, существуют две группы мотивов, связанных с нарушением опосредования потребностей:

- 1) аффектогенные преступления, совершаемые под влиянием эмоционального нарушения;
- 2) ситуационно-импульсивные – намерение реализовать преступное действие формируется непосредственно в четко заданной ситуации [3].

Реализации преступного умысла, как правило, способствуют ситуационно-импульсивные мотивы. Отсюда – известный факт: для насильника провокационным фактором может послужить любая мелочь: особенности поведения жертвы, деталь ее внешности, взгляда, одежды и т.д.

Важным моментом сексуально-насильственного поведения и типологии его субъектов является то, что у разных людей уровень и давление деструктивного потенциала различны, поэтому и потенциальные насильники неодинаковы, поскольку занимают разные «стартовые» позиции. Стил поведения в ситуации сексуально-преступного конфликта может быть как наступательным, так и защитным. Анализ самого конфликта, его изменений во времени) – необходимое условие для понимания причинно-следственных взаимосвязей, находящихся в основе генезиса насильственных сексуальных действий.

В связи с изложенным, процесс развития конфликта включает, по крайней мере, три основные стадии:

- 1) возникновение «безальтернативных» противоречий между субъектами, то есть реальной конфликтно-драматической ситуации;
- 2) восприятие и осознание этих противоречий контактирующими субъектами;
- 3) конфликтное, в основном, психофизическое взаимодействие между ними.

Результаты многих исследований подтверждают тезис о роли социально-перцептивных искажений, которые детерминируют процесс эскалации криминального сексуального конфликта. Вследствие преувеличенного представления о масштабах проблемы межличностного, происходит фактическое превращение конфликта в более острое и опасное противостояние (столкновение), которое завершается преступной реализацией задуманных сексуально-насильственных действий. Мотивы последних формируются поэтапно, во время обострения конфликта, в результате изменения его динамики от стадии к

стадии. Основательный анализ сути конфликтной ситуации помог бы избежать свехобщих и просто ложных формулировок и позволил бы более дифференцированно подойти к решению вопроса об уголовной ответственности. Научное обоснование мотивационной схемы поведения, как насильника, так и жертвы на разных этапах развития инцидента, роли каждого из них в эскалации конфликта, ситуативно различные моменты взаимодействия способствовали бы, как нам кажется, более точному определению степени вины преступника.

Внутренний конфликт личности между ее статусом и притязаниями часто провоцирует асоциальные проявления поведения. Это порождает не только личностные, но и ролевые конфликты межролевого или ролевого направления. Последнее, отражаясь, прежде всего, в характере базового для возникновения конфликта противоречия, в реальной будничной ситуации интегрирует в сексуальном переживании мотивационные, когнитивные, эмоциональные и социальные компоненты. Однако аналитическое разграничение отдельных видов конфликтов и их составляющих, которые, в совокупности, ведут к совершению преступлений на сексуальной почве – важная задача диагностики, профилактики и поиска методов их эффективного преодоления.

Психические девиации соответствующим образом влияют на формирование мотивов. Так, согласно выводам Н.Д. Гомонова, они активно участвуют в процессе мотивации и принятии решений [4]. Поэтому выявление причин преступного сексуального поведения лиц с психическими девиациями должно начинаться с анализа психосексуального развития личности, которое во многих случаях лежит в основе совершения половых преступлений, детерминированное социальной средой через индивидуальные психические свойства.

Таким образом, по механизму формирования психосексуальных девиаций можно выделить два вида преступлений:

- 1) фиксированные, когда парафильные побуждения возникают изначально, с самого начала психосексуального развития;
- 2) регрессивные, когда после гетеросексуальных контактов парафильное поведение редуцируется.

При таком психическом расстройстве, как «множественная личность», у человека развиваются несколько организованных систем поведения, каждая из которых интегрирована как отдельное обособленное единство, что может являться одним из вариантов психического фактора сексуального насилия. Более того, этот вид девиации характерен для нетипичных сексуальных посягательств, поскольку в определенных случаях, на что указывает Т. Шибутани, чередуются даже полярные сексуальные интересы – от гомосексуальных до гетеросексуальных [5]. Поэтому в мотивационной сфере преступников,

имеющих психические расстройства, в отличие от здоровых лиц, присутствует бессознательный компонент, а поведение менее социально опосредованно и более инстинктивно. Из этого следует, что внутренними обстоятельствами, детерминирующими преступное поведение сексуальных преступников, являются их психофизиологические особенности, которые действуют в роли благоприятных обстоятельств.

Важным компонентом мыслительной деятельности сексуального преступника является принятие решения, которое можно считать интеллектуальной стороной мотивационного механизма, а само решение – умственной моделью вероятного в будущем насильственного преступления сексуального характера. Перед совершением насильственных сексуальных преступлений, которые сопровождаются высоким эмоционально-напряженным состоянием, субъект не всегда подвергает специальному анализу актуальную драматическую ситуацию с точки зрения возможностей достижения своей цели. Как способность нападать и защищаться агрессивность имеет биогенетические основания и представляет собой унаследованный от животных инстинкт борьбы, трансформировавшийся под влиянием социально-исторических обстоятельств.

Агрессивность может быть немотивированной, то есть, порожденной внутренними биоритмами и бессознательными импульсами, или же мотивированной, которая формируется через фазу сознательного, разумно-логического, причинного и целевого обоснования. Самостоятельным видом мотивации вербальных агрессивных преступлений является негативистская мотивация, в основе которой лежит желание лица утвердиться на социальном, социально-психологическом и индивидуальном уровнях. В таких случаях лицо руководствуется сразу несколькими мотивами, например, снять сексуальное напряжение и совершить убийство человека. Мотивационная сфера представляет собой сложное интегральное психологическое образование, основу которого составляют потребности, то есть динамично-активные состояния личности, которые выражают ее зависимость от конкретных условий существования и порождают деятельность, направленную на ликвидацию этой зависимости.

Разнообразные формы сексуального поведения имеют сложную полипотребную основу, поскольку потребный источник является стержневым фактором мотивационной сферы. Но реальная основа конкретной деятельности состоит из ее оценочно-смысловых отношений и к своим потребностям и к ситуации их реализации. Поэтому в мотиве, если его понимать как принцип поведения со стороны субъекта, должен учитываться весь смысл деятельности как эмоционально-волеитивный, так и когнитивно-ситуационный. Именно при этих условиях мотив играет роль системообразующего фактора деятельности. Следовательно, полимотивация возможно только тогда, когда одновременно действуют несколько мотивов, охватывающие много потреб-

ностей. Так, это могут быть физиологические сексуальные потребности + самоутверждение + полезные побуждения + месть и другие. В этом случае, в пределах одного физического поведения, то есть, объективно выполняемой человеком последовательности действий и операций, психологически осуществляется несколько деятельностей, где каждой соответствует свой мотив. Отсюда следует, чем сложнее деятельность, тем разнообразнее ее соотношение с системой потребностей, мотивационной сферой, которая ее отражает.

Мотивы сексуального насилия необходимо отличать от эмоционального состояния лица во время совершения им полового преступления. Под эмоциями (эмоциональным состоянием) понимают психическое отражение жизненного смысла явлений и ситуаций, что проявляется в форме непосредственного пристрастного переживания, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта. Поэтому для того, чтобы стать компонентом насильственного поведения, эмоция (чувство) должна быть более-менее осознанной субъектом как сексуальный мотив поведения. Вместе с тем, дальнейшее обоснование логики теоретического анализа поднятой проблемы требует опереться на понятия, объясняющие феномен мотивации насильственного преступления, совершаемое на сексуальной почве. Это, прежде всего, «мотивационные отношения», «мотивационные структуры», «мотивационное поле» и «мотивационная сфера». Первое связано с эмоциональной важностью и направленностью участников межличностного конфликта. Поскольку мотивационные отношения образуют соответствующие структуры, формируют мотивационное поле, то это динамически определяет процесс достижения субъектом цели, а следовательно, создает условную этапность внутреннего удовлетворения сексуальных потребностей. В результате микросоциальных воздействий, которые возникают при взаимодействии с индивидуальными полями других участников конфликта, мотивационное поле сексуального преступника становится вплетенным в сложную, социально опосредованную тотальную мотивационную сферу, а последняя вызывает мотивационное поле поведения личности, формирующееся через актуализацию потребностей, и влияющее на развитие половых потребностей. Наибольшее значение для целостной регуляции деятельности имеет последнее явление.

Таким образом, разнообразные формы поведения индивида имеют сложную полипотребную основу. Образую единый мотив, сексуальные потребности объединяются в различные ансамбли или энергетические потоки, которые побуждают к совершению насильственного сексуального преступления. Подчеркнем, что реальная мотивационная основа сексуальной криминальной деятельности образуется не столько из побуждений, сколько из оценочно-смысловых отношений и к своим потребностям, и к ситуации их реализации. Поэтому в мотиве сочетается как

эмоционально-волевая, так и когнитивно-ситуативный смысл уголовно-запрещенной деятельности. Состояние полимотивации является в определенной степени уникальным сверхсложным психологическим феноменом, который зависит от:

- 1) типа жизненного мира личности;
- 2) типа критической ситуации (стресс, фрустрация, конфликт, кризис);
- 3) соотношение этих типов.

Он присущ внутренне сложному и внешне трудному жизненному миру субъекта преступления, который имманентно стремится к воплощению идеального надситуативного замысла своего существования, а поэтому постоянно действует в полипроблемном пространстве социальных взаимоотношений, что требует актуализации не только психических ресурсов, но и духовно-волевых. Мотивация, являясь динамическим процессом, связана со всеми элементами преступного поведения: актуализацией потребности, возникновением и формированием мотива, выбором путей достижения цели, прогнозированием результатов, принятием решения, контролем и коррекцией действий, анализом наступивших последствий. Аналогична и динамика мотивации сексуального преступления: здесь она также выполняет отражательную, побудительную, регулятивную и контролирующую функции. Мотивация сексуального преступления отражает не только ситуацию, в которой оно происходит, но и предыдущее негативное влияние социальной среды. Побудительная функция обуславливает возникновение мотива и формирование цели сексуального преступления. Регулятивная функция определяет выбор путей достижения цели, прогнозирование возможных результатов, принятие решения.

Н.В. Дворянчиков и Е.Е. Коростелева считают, что, учитывая свойственную для лиц с парафилиями трансформированность образа «Я», переживание его нестабильности, механизмом изнасилования в этом случае выступает стабилизация образа «Я» [6].

Предельно активированная агрессивность затрудняет процессы сознательной регуляции, а сдвиги в вегетативно-эндокринной системе резко повышают физические возможности индивида.

Итак, опираясь на изложенный анализ, определим:

- 1) если сила потребности, побуждающей к деятельности, является небольшой, то неудача и, связанная с ней негативная эмоция, влияют преимущественно, на активность лица, побуждая к быстрому выходу из ситуации;
- 2) если сила сексуальной потребности достигает среднего уровня, то, связанные с неудачей негативные эмоции, действуют активнее, что ведет к мобилизации усилий и росту эффективной деятельности;

3) если же сила потребности половых отношений любого вида чрезвычайная, то неудача и, связанные с ней негативные эмоции, вызывают такое превышение уровня эмоционального возбуждения, при котором появляются признаки дезорганизации поведения [7].

Вот поэтому, детализируя общие выводы Ю.В. Чуфаровского [8], при исследовании детерминант поведения насильственного сексуального преступника недопустимы как чрезмерная социологизация, так и психологизация его личности. В связи с этим, типология моделирования насильственных сексуальных преступлений включает в себя несколько групп моделей:

- 1) трансгрессивная – сексуальное преступление является средством самоутверждения, самореализации; трансгрессия – это особая мотивационная структура, которая предписывает субъекту действовать, несмотря ни на какие ограничения и запреты;
- 2) дигрессивная – осуществляется в состояниях аффектов сладострастия, властолюбия; сексуальное преступление выступает в данном случае не как сознательное средство, а как побочный результат активности человека;
- 3) регрессивная – интегрирует те разновидности сексуальных преступлений, при совершении которых личность попадает во власть инстинктивных, подсознательных истоков, которые доводят ее до уровня «человека-зверя»;
- 4) агрессивная – сексуальные преступления как самоцель, как желаемая форма, которая наполнена глубинными грубыми, деструктивными интенциями[9].

Динамика развития сексуального насильственного конфликта во многом зависит от поведения как нападавшего, так и потерпевшего лица. Течение конфликта связано со специфическим поведением и взаимоотношениями людей. На стадии скрытого напряжения при потенциальном сексуальном нападении очень важно своевременно распознать ситуацию как конфликтную. В этом случае необходимо отказаться от всех стратегий и форм поведения, которые не соответствуют состоянию конфликта, и сосредоточиться на тех, которые будут способствовать ситуативному решению проблемы.

Итак, как отмечают современные исследователи, истоки агрессивного поведения, чаще всего, связаны с психологическими детерминантами, катализируемыми актуальной ситуацией взаимодействия и влияния негативных внешних факторов. То есть, сексуальная агрессия детерминирована личностной проблематикой субъекта. Последняя же базируется на энергетике бессознательной сферы, взаимодействии либидных и мортальных тенденций, в основе которых лежат инфантильные притяжения лица.

Таким образом, мотивация насильственных преступлений, совершаемых на сексуальной почве,

происходит по схеме: под влиянием внешнего или внутреннего воздействия резко обостряется сексуальная потребность личности, что довольно быстро находит свой предмет и способ полового удовлетворения, и возникший мотив немедленно реализуется, возможно, без всякого планирования, сознательного выбора, принятия решения и корректировки действий в процессе совершения.

Выше изложенное позволяет обосновать следующую типологию сексуальных конфликтов:

- 1) ситуационный сексуальный конфликт, который вызван внешними обстоятельствами;
- 2) ситуационный сексуальный конфликт, вызванный внутренним состоянием личности насильника;
- 3) серийный сексуальный конфликт, который имеет спланированный характер;
- 4) сексуальный конфликт, который осуществляется на основе болезненного состояния лица; например, психическое расстройство, основанный на применении физической силы к потерпевшей или потерпевшему (дети, старики, больные, даже трупы).

Итак, подведем итоги:

- 1) агрессивными сексуальными преступлениями признаются действия, выражающие деструктивные тенденции в поведении виновных лиц, мотивированные резко возникающей сексуальной потребностью и преследуют цель получить сексуальное удовольствие за счет причинения другим людям физического насилия и вреда;

Литература:

1. Курбатов А.И. Конфликтология. Изд-во Феникс, 2009.
2. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная антропология / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов. Ростов-н/Д. : Феникс, 2004.
3. Еникеев М.И. Юридическая психология. М. : Юр. Норма. ИНФРА-М, 2017.
4. Гомонов Н.Д. Особенности противоправного поведения лиц с психическими девиациями / Н.Д. Гомонов; Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Питер, 2000
5. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани; Пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов-н/Д. : Феникс, 2002.
6. Дворянчиков Н.В. К проблеме «ограниченной вменяемости» у лиц, совершивших правонарушения сексуального характера / Н.В. Дворянчиков, Е.Е. Коростелева // Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии: Материалы международной конференции. М., 2002.

- 2) во время открытой сексуальной агрессии нападающий находится в более благоприятном положении: он, в отличие от потерпевшего, рассматривает собственные ресурсы как значительные и считает, что имеет резерв их усиления;

- 3) этап решения межличностного конфликта на почве сексуального нападения является самым сложным для его участников.

Выбор способов и методов преодоления таких конфликтов зависит от объективной ситуации, психического состояния участников, наконец, от глубинной направленности конфликта. Нарушение процесса межличностного восприятия, обусловленного искаженными видениями половой роли, снижают в сложных ситуациях межличностного взаимодействия способность, как насильников, так и потерпевших оценивать свои действия, и действия окружающих, давать им прогностическую оценку и правильно на них реагировать. Сексуальная агрессия имеет такие особенности, как импульсивность и неадекватность проявления, предпочтение, отдаваемое индивидуальным формами над групповыми, а последние встречаются в молодежной среде и в «закрытом» микросоциуме. Следовательно, взаимное влияние указанных факторов на генезис, промежуточную и финальную стадии способствуют принятию окончательного решения о совершении насильственного сексуального преступления. При этом катализатором сексуального насилия в определенной предкриминальной ситуации у разных категорий преступников является разное соотношение этих факторов.

Literature:

1. Kurbatov A.I. Conflictology. Phoenix publishing house, 2009.
2. Yarskaya-Smirnova E.R. Social Anthropology / E.R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov. Rostov-on/D. : Phoenix, 2004.
3. Yenikeev M.I. Legal Psychology. M. : Yur. Norm. INFRA-M, 2017.
4. Gomonov N.D. Peculiarities of Illegal Behavior of Persons with Mental Deviations / N.D. Gomonov; Under Commonly. V.P. Salnikov. SPb. : Peter, 2000.
5. Shibutani T. Social Psychology / T. Shibutani; Translation from english V.B. Olshanskogo. Rostov on/D. : Phoenix, 2002.
6. Nobles N.V. To the problem of «limited imputability» in persons who have committed sexual offences / N.V. Nobles, E.E. Korosteleva // Social and clinical problems of sexology and sexopathology: Materials of the international conference. M., 2002.

7. *Синеокий О.В.* Социально-психологическое причинение правового конфликта лица сексуального насильника // Психология и общество. 2005. № 4.

8. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология : учеб. 3-е изд., испр. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004

9. *Синеокий О.В.* Мотивация внутреннего конфликта сексуального преступника // Психология и общество. 2005. № 1.

7. *Sineokius O.V.* Social and Psychological Cause of Legal Conflict of a Person of Sexual Rapist//Psychology and Society. 2005. № 4.

8. *Chufarovsky Yu.V.* Legal Psychology: Study. 3rd ed., published and added. М. : TC Velby, Ed. Prospect, 2004

9. *Sineokius O.V.* Motivation of internal conflict of sexual offender // Psychology and society. 2005. № 1.

Волгин Юрий Геннадьевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт Кемеровского
государственного университета
volgin384@mail.ru

Черненко Тамара Геннадьевна

доктор юридических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии,
Юридический институт Кемеровского
государственного университета
chernenkotg@mail.ru

**УРОВНИ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация. В статье анализируются задачи, решаемые оперативными подразделениями в процессе раскрытия преступлений. Осуществлено разделение решаемых, в процессе раскрытия преступлений, задач на уровни. Рассмотрена общая характеристика оперативно-разыскной информации, которая обеспечивает решение задач раскрытия преступлений на различных уровнях. На основе этого делается вывод о том, что информационное обеспечение раскрытия преступлений имеет следующие уровни: организационно-управленческий, организационно-методический и оперативно-тактический. На указанных уровнях обеспечиваются потребности в оперативно-разыскной информации обо всех лицах, организациях, предметах, фактах и обстоятельствах, имеющих отношение к преступлениям.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, информационное обеспечение оперативно-разыскной деятельности, раскрытие преступлений, уровни информационного обеспечения раскрытия преступлений.

Одним из важнейших видов обеспечения оперативно-разыскной деятельности, в целом, и раскрытия преступлений, в частности, является информационное обеспечение. В ранее опубликованных нами работах содержание информационного обеспечения было определено как «комплекс мер по созданию необходимых условий для результативного протекания информационных процессов при осуществлении

Yuri G. Volgin

Candidate of Law,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics,
Legal Institute
Kemerovo State University
volgin384@mail.ru

Tamara G. Chernenko

Doctor of Jurisprudence,
Professor,
Head of the Department of Criminal Law
and Criminology,
Legal Institute
Kemerovo State University
chernenkotg@mail.ru

**LEVELS OF INFORMATION
PROVISION ACTIVITIES
OF OPERATIVE UNITS
TO SOLVE CRIMES**

Annotation. The article analyzes the tasks solved by operative units in the process of solving crimes. The division of tasks solved in the process of solving crimes at the level was carried out. The article considers the General characteristics of operative search information that provides solutions to the problems of crime detection at various levels. Based on this, it is concluded that information support for crime detection has the following levels: organizational and managerial, organizational and methodological, and operational and tactical. At these levels, the requirements for operative search information about all persons, organizations, objects, facts and circumstances related to crimes are met.

Keywords: operative search activity, information support for operative search activity, crime detection, levels of information support for crime detection.

оперативно-разыскной деятельности» [2, с. 166]. Основным средством такого обеспечения являются информационные системы.

Между тем, используемые в настоящее время оперативными сотрудниками, информационные системы не в полной мере удовлетворяют потребностям, возникающим в процессе раскрытия преступлений. Данная проблема ранее рассматривалась нами [1].

При формировании информационных систем, предназначенных для использования сотрудниками оперативных подразделений в процессе раскрытия преступлений, необходимо решить целый ряд задач, которые несут принципиальный характер. В ряду таковых стоит задача определения, реализуемых информационными системами, функций.

К определению рассматриваемых функций информационных систем, предназначенных для использования оперативными подразделениями в процессе раскрытия преступлений, возможен подход через характеристику этапов информационных процессов, протекающих при их раскрытии. Характеристика таких этапов при осуществлении криминалистической деятельности дается Н.С. Полевым [6, с. 64–68]. Нами также было представлено собственное видение информационных процессов, протекающих при осуществлении оперативно-разыскной деятельности [1]. Однако нами представляется целесообразным использование подхода, в основе которого лежит позиция В.А. Лукашова, выделяющего организационно-управленческий, организационно-тактический и оперативно-тактический уровни оперативно-разыскной деятельности [4, с. 24].

Раскрытие преступлений, можно определять как деятельность и как результат. В контексте исследуемой проблемы, нам представляется целесообразным рассматривать раскрытие преступления как деятельность, направленную на достижение определенного результата.

С целью выделения задач, решаемых в процессе раскрытия преступлений, рассмотрим понятие «раскрытие преступлений». Следует заметить, что понятие «раскрытие преступлений» различным образом трактуется специалистами в уголовно-процессуальном праве, криминалистике и теории оперативно-разыскной деятельности. Основные различия характеризуются тем, какой перечень обстоятельств должен быть установлен, чтобы преступление было раскрыто. На наш взгляд интересна позиция Д.П. Либозаева, который утверждает, что «раскрыть преступление значит установить»:

- 1) какое преступление совершено, т.е. правильно квалифицировать преступное деяние с точки зрения уголовного закона;
- 2) когда, где и каким способом совершено преступление;
- 3) лиц, совершивших преступление;
- 4) характер причиненного преступлением вреда и если он – материальный – его точный размер» [3, с. 63–64].

Между тем, сам процесс установления приведенного перечня обстоятельств сопряжен с решением задач различного уровня. При осуществлении раскрытия преступления необходимо:

- организовать деятельность оперативных подразделений по раскрытию преступлений;
- решить задачи, связанные с методической основой раскрытия определенного вида преступлений;
- решить задачи, связанные с методической основой раскрытия конкретного преступления;
- решить задачи тактического характера, связанные с организацией и проведением оперативно-разыскных мероприятий в процессе расследования конкретного преступления.

Более детальное представление, выделенных нами групп задач, будет иметь следующий вид.

Организация деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений предполагает осуществление следующих организационных и управленческих мер:

- оценку криминогенной ситуации;
- организационное построение оперативных подразделений;
- организацию взаимодействия между различными оперативными службами и подразделениями в процессе раскрытия преступлений;
- обеспечение оперативного реагирования и готовности при получении информации о совершенном преступлении;
- контроль за деятельностью оперативных подразделений по раскрытию преступлений;
- решение задач обеспечивающего характера и т.п.

При решении приведенных выше задач, на наш взгляд, возникает потребность в информации, которая отражает уровень распространенности различных видов преступлений в целом по стране и на конкретной территории. Именно статистическая информация в виде обобщающих статистических показателей, как отражающая количественную сторону массовых явлений в целях раскрытия их качественного своеобразия и закономерностей развития [5, с. 11], способна ответить на проблемные вопросы, возникающие при решении задач данного уровня.

Решение задач, связанных с формированием методической основы раскрытия определенного вида преступлений и методической основы раскрытия конкретного преступления, предполагает:

- выбор тактической схемы деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений;
- формирование методики раскрытия определенного вида преступлений и ее совершенствование на основе анализа материалов деятельности оперативных подразделений и достижений науки оперативно-разыскной деятельности;

– формирование методики раскрытия конкретного преступления на основе общей методики раскрытия определенного вида преступлений и ее корректировка в процессе деятельности по раскрытию.

Решение задач, связанных с формированием методической основы раскрытия определенного вида преступлений и методической основы раскрытия конкретного преступления, предполагает использование оперативно-разыскной информации, содержащей сведения:

– о характере выявленного криминального события;

– об уже установленных фактах и обстоятельствах;

– характеризующие начальную тактическую ситуацию.

Взяв за основу позицию С.С. Овчинского [7, с. 709–711], решение задач тактического характера, связанных с организацией и проведением оперативно-разыскных мероприятий в процессе расследования конкретного преступления, представим следующим образом:

– оценку, сложившейся в процессе раскрытия преступления, оперативно-тактической ситуации;

– принятие оперативно-тактического решения на выполнение, возникающей в процессе раскрытия преступления, задачи;

– выбор вида оперативно-разыскного мероприятия или же оперативно-разыскных мероприятий, их последовательности и сочетаний;

– определение времени или периода, а также – места проведения оперативно-разыскных мероприятий;

– определение сил и средств, используемых при проведении оперативно-разыскных мероприятий;

– выбор тактических приемов, которые предполагается использовать при проведении оперативно-разыскных мероприятий;

Литература:

1. Волгин Ю.Г. Информационное обеспечение деятельности криминальной милиции по раскрытию убийств, совершаемых по найму: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.

2. Волгин Ю.Г. Сущность информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: Материалы Всероссийской научно-практической заочной конференции (Москва, 15 мая – 15 октября 2013 г.) / Под ред. профессора, доктора исторических наук Г.И. Письменского. М. : Издательство СГУ, 2014. С. 159–167.

– обеспечение конспирации и законности, проводимых оперативно-разыскных мероприятий и т.п.

Для решения обозначенных задач возникает потребность в оперативно-разыскной информации обо всех лицах, организациях, предметах и фактах, имеющих отношение к данному преступлению.

Обозначенные нами задачи, решаемые в процессе раскрытия преступлений предполагают использование оперативно-разыскной информации различного уровня и, соответственно, уровнем информационного обеспечения такой деятельности. Представляется целесообразным следующим образом определить уровни информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений:

– организационно-управленческий уровень, на котором обеспечиваются потребности в оперативно-разыскной информации обо всех совершенных преступлениях, а также – о лицах и предметах, имеющих отношение к данным криминальным деяниям;

– организационно-методический уровень, на котором обеспечиваются потребности в оперативно-разыскной информации обо всех совершенных преступлениях определенного вида, а также – о лицах и предметах, имеющих отношение к данным криминальным деяниям;

– оперативно-тактический уровень, на котором обеспечиваются потребности в оперативно-разыскной информации обо всех лицах, организациях, предметах, фактах и обстоятельствах, имеющих отношение к конкретному преступлению.

Потребности в различной информации для каждого из уровней деятельности оперативных подразделений органов, осуществляющих деятельность по раскрытию преступлений, делают необходимым использование специализированных систем различного уровня.

Literature:

1. Volgin Yu.G. Information support for the activities of the criminal police to solve murders committed for hire : dis. ... cand. of law sciences. Omsk, 2008.

2. Volgin Yu.G. Essence of information support of operational search activity; Under the editorship of professor, the doctor of historical sciences G.I. Pismensky // Theoretical and practical aspects of development of modern science: Materials of the All-Russian scientific and practical correspondence conference (Moscow, on May 15 – on October 15, 2013). M. : SGU publishing house, 2014. P. 159–167.

3. *Либозаев Д.П.* К вопросу о понятии раскрытия преступления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2015. № 4. С. 59–65.

4. *Лукашов В.А.* Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». Киев, 1976. 238 с.

5. *Лунеев В.В.* Юридическая статистика: учебник. М. : Издательство «Норма, Инфра-М», 2013. 448 с.

6. *Полевой Н.С.* Криминалистическая кибернетика. М. : Издательство МГУ, 1989. 328 с.

7. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2010. 831 с.

3. *Libozayev D.P.* To the question of the concept of the disclosure of the crime // Journal of TVSU. Series: Law. 2015. № 4. P. 59–65.

4. *Lukashov V.A.* Introduction to the course «Operational and search activities of internal affairs agencies». Kiev, 1976. 238 p.

5. *Luneev V.V.* Legal Statistics : textbook. M. : Publishing House Norma, Infra-M, 2013. 448 p.

6. *Polevoi N.S.* Forensic cybernetics. M. : Publishing House of Moscow State University, 1989. 328 p.

7. Theory of operational and search activities : textbook / Under Ed. K.K. Goryinov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. M. : INFRA-M, 2010. 831 p.

Гудима Кристина Николаевна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
преподаватель кафедры
уголовного права, процесса
и криминалистики,
Тираспольский юридический институт
МВД Приднестровской
Молдавской Республики
имени М.И. Кутузова
kinaimasik80@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ, ПУТИ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

Аннотация. Развитие института наказания в молдавско-приднестровском уголовном законодательстве осуществлялось поэтапно, с учетом сопутствующих геополитических и экономических преобразований происходивших в 20 веке в стране. В статье проводится историко-правовой анализ формирования, развития и модернизации института уголовного наказания в Приднестровской Молдавской Республике, а также предложены авторские рекомендации по совершенствованию и оптимизации основных элементов действующей системы уголовного наказания.

Ключевые слова: институт наказания, история развития, структура уголовного наказания, оптимизация системы наказаний.

Развитие института наказания в молдавско-приднестровском уголовном законодательстве осуществлялось поэтапно с учетом сопутствующих геополитических и экономических преобразований, происходивших в 20 веке в стране. Систематизировав исторические преобразования системы наказания, можно выделить три базовых периода:

формирования и развитие института наказания, который основывался на многих принципах, положениях советского уголовного законодательства на всей территории Молдавии, исключая территориальное разделение регионов входивших в МССР (до 1991 г.);

дальнейшее развитие института наказания на фундаментальных основах советского уголовного права с учетом формирования собственной государственности (с 1991 по 2002 г.);

Kristina N. Gudima
Postgraduate Student Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
Teacher of Department Criminal Law,
Process and Criminalistics,
Tiraspol Legal Institute
Ministry of Internal Affairs Dnestr
Moldavian Republic
name of M.I. Kutuzov
kinaimasik80@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF PUNISHMENT IN TRANSDNIESTRIA, WAYS OF ITS OPTIMIZATION

Annotation. The development of the institution of punishment in the Moldovan-Transnistrian criminal law was carried out in stages, taking into account the accompanying geopolitical and economic transformations taking place in the 19th century in the country. The article provides a historical and legal analysis of formation, development and modernization of institution of criminal punishment in Transdnistria, as well as author's recommendations for improving and optimizing basic elements of current system of criminal punishment.

Keywords: institution of punishment, history of development, structure of criminal punishment, optimization of punishment system.

формирования самостоятельного приднестровского института наказания на базе наиболее оптимальной для региона российской модели уголовного права, также дальнейшая его модернизация, унификация и гармонизация (с 2002 года по настоящее время).

Институт наказания, закрепленный в советском уголовном праве, имел в своей основе классовые принципы уголовной ответственности, поскольку общественная опасность преступного деяния для социалистического строя была определена как основа назначения наказания. Реализация принципа социалистического гуманизма нашла свое воплощение в актах амнистии и помилования. Согласно советской системе уголовного права, под наказанием подразумевалась «кара за совершенное преступление», суть данного содержания вошла в основу раскрытия термина «наказание» и стало ядром для последующего его развития [1]. С уверенностью можно

сказать, что в советский период окончательно оформились понятие и цели системы наказаний, а также основные принципы ее построения [2].

Как и в других постсоветских государствах, в уголовном законодательстве Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР) наказание представляет собой меру государственного принуждения, и оно может быть назначено только по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении общественно-опасного деяния, и заключается в лишении или ограничении прав и свобод данного гражданина.

В соответствии с частью 2 ст. 42 УК ПМР, целевая направленность уголовного наказания заключается в следующем [3]:

- восстановление социальной справедливости личности;
- исправление осужденного;
- предупреждение совершения новых общественно-опасных деяний.

При этом важно отметить, что в соответствии с международными нормами и внутринациональным законодательством, назначенное судом наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Под восстановлением социальной справедливости понимается защита со стороны государства, как отдельной личности, так и общественности, в целом, от различного рода преступных посягательств.

Под исправлением осужденного подразумевается переосмысление лицом всей тяжести и пагубности совершенного им деяния, и чтобы в последствие данное лицо соблюдало, уважало нормы поведения и законы общества.

Предупредительная цель наказания заключается в страхе перед неблагоприятными последствиями и неотвратимости наказания за совершенное деяние [4].

В современных условиях наказание является центральным институтом уголовного права, т.к. оно наиболее точно и наглядно отражает в своем содержании сущность и значимость уголовной политики государства, а также – реализацию многих институтов и подинститутов уголовного права. При этом важно обратить внимание на то, что наказание является самым эффективным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью в государстве, поскольку оно направлено на пресечение антиобщественной противоправной деятельности лиц.

Следовательно, от грамотности формирования системы наказания, правильности сбалансированности типов преступления от видов наказания зависит уровень преступности в стране и степень правосознания граждан.

Структурно раздел 3 «Наказание» Общей части УК ПМР представлен двумя классическими главами:

Глава 9 – «Понятие и цели наказания, виды наказаний» (ст. 42–58);

Глава 10 – «Назначение наказания» (ст. 59–73).

Порядковая классификация наказаний согласно ст. 43 УК ПМР имеет следующую структуру:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности (в том числе состоять на государственной службе) или заниматься определенной деятельностью;
- лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение по военной службе;
- конфискация имущества;
- содержание в дисциплинарном воинском подразделении;
- лишение свободы на определенный срок;
- пожизненное лишение свободы;
- смертная казнь.

Уголовным кодексом ПМР 2002г. изначально было предусмотрено 13 видов уголовных наказаний, 5 из которых являлись новыми, то есть, они отсутствовали в УК МССР 1961 г. На всем протяжении развития государства в Общую часть УК ПМР 2002 г. перечень видов наказаний постоянно видоизменялся, т.е., положения не только добавлялись, но и исключались.

Также, необходимо отметить, что в отличие от советского уголовного законодательства, в УК ПМР полностью изменился принцип построения системы наказаний – виды наказаний стали располагаться в направлении от менее строгого к более строгому, ранее все было наоборот. Это свидетельствует о переходе законодателей от репрессивных инструментов принуждения к гуманным, справедливым и демократичным [5].

При этом многие отечественные юристы и правоведы сходятся во мнении, что вышеописанная система наказаний в нынешней ситуации изжила себя и на данный момент времени является неэффективной. В сравнении они приводят модель системы наказаний, построенную в Японии, где применяются более жесткие уголовные наказания. Согласно всемирному рейтингу стран по уровню преступности на 2019 год, индекс преступности в Японии – 15,91 %, в России – 41,7 %, в Молдове – 45,7 % [6].

На наш взгляд, на сегодняшний день в аспекте борьбы с преступностью в ПМР созрела проблема совершенствования системы мер уголовной ответственности. Система наказаний должна быть детерминирована целями уголовной ответственности. Гармоничность системы должна обеспечиваться согласованностью наказаний между собой по объему карательно-воспитательного воздействия на преступника, возможностью плавного перехода от одного вида наказания к другому. Только такое единство позволит достичь цели общей и частной превенции, которая является фундаментальной в деятельности государства по борьбе с преступностью [7].

В целях улучшения содержательной и структурной части действующей системы наказаний в ПМР необходимо предложить возможные пути ее оптимизации:

– персонифицировать и сделать адресным штраф при назначении данного вида наказания несовершеннолетним осужденным;

– для вида наказания «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» необходимо четко сформулировать категории должностей, которые запрещено занимать (или категорию запрещенной деятельности), а также – описать детализацию допустимых правоограничений;

– при назначении наказания в виде обязательных работ необходимо учитывать ряд факторов: личность осужденного и (при наличии) основное место работы;

– исключить из перечня видов наказаний ст. 43 УК ПМР «содержание в дисциплинарном воинском подразделении», в силу полного отсутствия на территории ПМР такого типа специализированных подразделений;

– предусмотреть в качестве самостоятельного наказания «исправительные работы» двух видов – исправительные работы в традиционном виде и

исправительные работы с ограничением свободы (усиленный вариант исправительных работ);

– в статье 56 УК ПМР «пожизненное лишение свободы» необходимо устранить законодателям гендерный принцип назначения наказания, а также – внедрить госпрограмму реабилитации лиц, вышедших из мест заключения по условно-досрочному освобождению;

– установить для наказания «смертная казнь» категорию масштабных, особо тяжких преступлений, за совершение которых оно будет реально применимо.

Предложенное авторское совершенствование отдельных элементов системы уголовного наказания обеспечит решение вопросов связанных с назначением и исполнением отдельных видов наказаний, а также – повысит эффективность всей системы наказания. При этом модернизированная модель системы наказаний, по действующему уголовному законодательству ПМР, позволит более эффективно достигать поставленных целей по предупреждению и пресечению преступности в стране и реализации фундаментальных принципов справедливости и гуманизма.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что институт наказания – это внутриотраслевая система взаимосвязанных между собой уголовно-правовых субинститутов, предусматривающих предпосылки, основания, а также – пределы и порядок избрания судебной инстанцией конкретной меры наказания лицу, совершившему преступление, и признанному по приговору суда виновным в конкретном деянии.

В условиях социальной дезорганизации в непризнанном Приднестровском государстве, обусловленной как общими, так и специальными детерминантами преступности, совершенствование отдельных элементов системы уголовных наказаний является концептуальным залогом предупреждения и пресечения преступности в государстве.

Литература:

1. *Розенко С.В.* Об отдельных аспектах развития института наказания в УК РСФСР 1960 г. // Вестник ЮГУ. М., 2019. № 1(52). С. 31–37.
2. *Смирнов А.М.* Социально-правовая природа признаков уголовного наказания // Вестник права. М., 2019. № 1. С. 67–70.
3. Уголовный кодекс ПМР (в ред. от 27.07.2019 г.) // Официальный сайт Верховного Совета ПМР. URL : <http://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnije-akti-v-sfere-ugolovnogotamojennogo-administrativnogo-prava/ugolovniy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html>
4. *Швец А.В.* Понятие, виды и общая характеристика обстоятельств, смягчающих наказание / А.В. Швец, Д.А. Турицын // Право и практика. 2014. № 4. С. 36–48.

Literature:

1. *Rozenko S.V.* About separate aspects of development of institute of punishment in UK RSFSR of 1960. // SOUTH Bulletin. M., 2019. № 1(52), P. 31–37.
2. *Smirnov A.M.* Social and legal nature of signs of criminal penalty // Messenger of the right. M., 2019. № 1. P. 67–70.
3. The criminal code of PMR (in an edition of 27.07.2019) // Official site of the Supreme Council of PMR. URL : <http://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnije-akti-v-sfere-ugolovnogotamojennogo-administrativnogo-prava/ugolovniy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html>
4. *Shvets A.V.* A concept, types and a general characteristic of the circumstances commuting a penalty / A.V. Shvets. D.A. Turitsyn // Right and practice. 2014. № 4. P. 36–48.

5. *Каданева Е.А.* Система уголовных наказаний и пути ее совершенствования : учебное пособие для вузов. Новокузнецк, 2015. 42 с.

6. Рейтинг стран по уровню преступности. URL : <https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index>

7. *Порошин Д.А.* Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном праве России // РАНХиГС. Тамбов, 2017. С. 54–68.

5. *Kadaneva E.A.* System of criminal penalties and way of its improvement : manual for Higher education institutions. Novokuznetsk, 2015. 42 p.

6. The rating of the countries on crime rate. URL : <https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index>

7. *Poroshin D.A.* Problems of improvement of a system of punishments in criminal law of Russia // RANEPА. Tambov, 2017. P. 54–68.

Ефремов Евгений Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского университета юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Саранске
een.pravo@gmail.ru

Федякова Наталья Александровна

кандидат юридических наук,
декан юридического факультета,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского университета юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Саранске
n.fedyakova@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СУПРУГА НАСЛЕДОДАТЕЛЯ
ПО ЕГО ДОЛГАМ**

Аннотация. При рассмотрении гражданских дел по спорам об ответственности супругов по долгам наследодателей юридическое значение для судов имеет определение правового режима наследственного имущества, то есть, установление обстоятельств, позволяющих отнести спорное имущество к общему имуществу супругов или к личной собственности наследодателя. В статье рассмотрены проблемные вопросы доказывания направления кредитных средств, полученных наследодателем, на общие нужды семьи.

Ключевые слова: наследственное имущество, супруг, наследодатель, кредитный договор, общие нужды.

Введение.

По сведениям Федеральной службы государственной статистики, на начало 2019 года объем кредитов, предоставленных физическим лицам, в Российской Федерации составляет 14 901,4 миллиарда рублей. Указанный объем кредитов вырос по сравнению с 2018 годом на 23 % [Россия в цифрах..., www]. По данным Центрального Банка Российской Федерации в Республике Мордовия объем кредитов, предоставленных физическим лицам только в сентябре 2019 года составил 4473000000 рублей [Сведения о размещенных..., www].

Учитывая объем кредитов, предоставленных населению, следует представить и объем долговых обязательств, которые, зачастую, в связи со смертью должника, ложатся на его наследников (в т.ч. и на переживших супругов), поэтому сего-

Evgeny N. Efremov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Civil Law,
Sredne-Volzhsky Institute (branch)
«All-Russian University of Justice
(RPA of the Ministry of justice of Russia)»
in Saransk
een.pravo@gmail.ru

Natalia A. Fedyakova

Candidate of Law Sciences,
Dean of the faculty of Law,
Sredne-Volzhsky Institute (branch)
of the «All-Russian University of justice
(RPA of the Ministry of justice of Russia)»
in Saransk
n.fedyakova@mail.ru

**ON THE ISSUE
OF THE TESTATOR'S SPOUSE'S
LIABILITY FOR HIS DEBTS**

Annotation. When considering civil cases on disputes on liability of spouses for debts of the testator one of the legally significant circumstances is the determination of the legal regime of the hereditary property, that is, the determination of the circumstances to include the disputed property to the General property of spouses or personal property of the testator. The article deals with problematic issues of proving the direction of credit funds received by the testator for the General needs of the family.

Keywords: inheritance property, spouse, testator, loan agreement, General needs.

дня получение нотариусами претензий от кредиторов наследодателя становится уже нормой производства по наследственным делам, чем исключением.

Основная часть.

Российским законодательством достаточно подробно предусмотрен механизм направления нотариусам претензий кредиторов наследодателя, вопросы ответственности по долгам наследодателя в рамках наследственного дела рассматривается в судебном порядке ввиду ограничения предоставления нотариусами сведений составляющих нотариальную тайну: о наследниках, о пережившем супруге и об имуществе, входящем в наследственную массу.

В данной статье мы остановимся на вопросах доказывания направления кредитных средств,

полученных наследодателем, на общие нужды семьи, в рамках гражданских споров, по искам, предъявленным пережившим супругам.

Согласно пункту 2 статьи 10 СК РФ, права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния. Таким образом, с точки зрения российского законодательства супруги – это лица, чей брак зарегистрирован в установленном законом порядке.

В соответствии с ГК РФ и СК РФ, законным режимом имущества супругов признается режим их совместной собственности, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Статья 45 СК РФ предусматривает, что «по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее взыскания. Взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также - по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. При недостаточности этого имущества супруги несут по указанным обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них».

Анализ судебной практики показывает, что юридическое значение для судов имеет установление факта использования полученных в кредитных учреждениях средств на нужды семьи, поэтому следует более внимательно остановиться на категории «нужды семьи».

Согласно Апелляционному определению Курганского областного суда от 26.05.2015 по делу № 33-1446/2015, банк после смерти заемщика предъявил требования к его пережившей супруге о взыскании 1/2 части долга по выданному кредиту. В обоснование иска банк ссылается на ст. 35, ст. 45 СК РФ, что кредит был потрачен на общие нужды семьи, а значит, должен быть возвращен супругами в солидарном порядке. Ответчица – супруга должника с исковыми требованиями не согласилась, пояснив, что не знает куда умерший потратил предоставленный ему кредит, в связи с чем, задолженность, предъявленную банком к взысканию с нее, не признает. Суд, принимая решение об отказе банку в иске, указал, что для признания денежных средств, полученных заемщиком по кредитному договору общим долгом супругов, материалы дела должны содержать достоверные доказательства использования заемных средств на нужды семьи, каковых в деле не имеется. В связи с изложенным, оснований для удовлетворения исковых требований банка суд не усмотрел и в иске отказал. Таким образом, нахождение в браке не влечет признания долга общим, кредитор необходимо доказать направление средств на нужды семьи.

Понятие «нужды семьи» в законодательстве РФ отсутствует. В бесспорном порядке не представляется возможным установить использовались ли заемные денежные средства на нужды семьи или нет (естественно, при отсутствии согласия пережившего супруга с претензией кредиторов), следовательно, доказать этот факт возможно только при обращении в суд.

В научных исследованиях высказываются различные мнения в отношении понятия «нужды семьи». Л.М. Пчелинцева указывает на то, что «под общими обязательствами (долгами) супругов, следует понимать по смыслу п. 2 ст. 45 СК РФ, обязательства, которые возникли по обоюдному желанию супругов и в интересах всей семьи, или обязательства одного из супругов, по которым все полученное им было использовано на нужды семьи» [Комментарий к постановлениям..., 2008, с. 203].

С точки зрения Самсоновой И.В., к нуждам семьи можно отнести «оплату и приобретение жилого помещения, одежды, продуктов, оплату обучения совместных детей, медицинские услуги для членов семьи и т.д., то есть, затраты на поддержание необходимого уровня жизни семьи, в целом, и каждого из ее членов» [Самсонова, 2010].

Д.А. Шуховцев, понимает под общими нуждами семьи «потребности, которые связаны с совместным проживанием супругов, ведением ими общего хозяйства, совместным содержанием и воспитанием детей, с взаимной заботой о членах семьи» [Шуховцев, 2010, с. 51].

Судебная практика также содержит толкование понятия «нужды семьи». Так, в Апелляционном определении Суда Чукотского автономного округа от 25.04.2013 № 33-59/2013 по делу № 2-29/13 под «нуждами семьи следует понимать расходы, которые используются на личные, семейные, домашние и иные нужды и не связаны с осуществлением предпринимательской деятельности. Например, они могут быть направлены на обеспечение потребностей, как семьи в целом (например, расходы на питание, оплату жилья, коммунальные услуги, организацию отдыха), так и на каждого из ее членов (например, расходы на обучение и содержание детей, оплату обучения одного из супругов, медицинское обслуживание членов семьи)».

Однако следует обратить внимание и на то, что расходы, направленные на осуществление предпринимательской деятельности, так же могут быть признаны «нуждами семьи». Так, Постановлением Президиума Ленинградского областного суда от 07.08.2018 № 44г-49/2018 по делу № 2-74/2017 удовлетворены требования кредитора о признании долговых обязательств по договору займа совместным долгом супругов, определении супружеской доли в долговых обязательствах, включении долгового обязательства в наследственную массу умершего супруга, не являющегося стороной договора займа, но как установлено судом, присутствовавшего при заключении договора займа супругой и поставившего свою подпись на расписке, содержащей

указание на размер займа и его целевое использование. Нужно отметить, что целью займа являлось приобретение нежилого здания магазина, для осуществления коммерческой деятельности с целью извлечения прибыли, которая, как установил суд, поступала в семейный бюджет супругов.

В последнем примере судебной практики в качестве кредитора выступало физическое лицо, находящееся с должником и его супругом в тесных взаимоотношениях, к тому же – наличие расписки с подписью пережившего супруга, могло в суде признать, что средства займа были направлены на нужды семьи. Однако, если в качестве кредитора выступает кредитная организация, то доказать факт направления заемных средств на нужды семьи становится фактически невозможно, с заемщиком заключается типовой кредитный договор, второй супруг кредитором не привлекается и не оповещается о возникших

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 25.04.2013 № 33-59/2013 по делу № 2-29/13 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Курганского областного суда от 26.05.2015 по делу № 33-1446/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума Ленинградского областного суда от 07.08.2018 № 44г-49/2018 по делу № 2-74/2017 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Борисова Е.А.* Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Л.М. Пчелинцева и др.; Под ред. В.М. Жуйкова. М. : НОРМА, 2008. 832 с.
7. *Самсонова И.В.* Раздел имущества супругов : практическое пособие, 2010 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Сведения о размещенных и привлеченных средствах. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL : <https://www.cbr.ru/statistics/pdko/sors/> (дата обращения 13.01.2020).
9. Россия в цифрах, 2019. URL : <https://www.gks.ru/folder/210/documeNet/12993> (дата обращения 13.01.2020).
10. *Шуховцев Д.А.* Правовые проблемы раздела общих обязательств супругов // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25(206). С. 50–53.

обязательствах первого, так как на эти сведения распространяется банковская тайна.

Заключение.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что ответственность супруга – наследодателя по его долгам возникает при одновременном соблюдении следующих условий:

- а) брак между гражданами должен быть зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния;
- б) режим имущества супругов не изменен брачным договором;
- в) в судебном порядке кредитор доказал, что долг наследодателя был направлен на общие нужды семьи.

Literature:

1. Civil code of the Russian Federation. Part one: Federal law № 51-FZ of 30.11.1994. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Family code of the Russian Federation: Federal law № 223-FZ of 29.12.1995. 1996. № 1. Art. 16.
3. Appeal decision of the Chukotka Autonomous district Court of 25.04.2013 № 33-59 / 2013 in case № 2-29/13 // Access from a help legal system ConsultantPlus.
4. Appeal ruling of the Kurgan regional court dated 26.05.2015 in case № 33-1446/2015 // Access from a help legal system ConsultantPlus.
5. Resolution of the Presidium of the Leningrad regional court of 07.08.2018 № 44g-49/2018 in case № 2-74/2017 // Access from a help legal system ConsultantPlus.
6. Comment on the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on civil cases / E.A. Borisova, S.A. Gerasimenko, L.M. Pchelintseva, etc.; edited by V.M. Zhukov. M. : NORMA, 2008. 832 p.
7. *Samsonova I.V.* Division of property of spouses: practical Poso-BIE, 2010 // Access from a help legal system ConsultantPlus.
8. Information about placed and raised funds. Official website of the Central Bank of the Russian Federation. URL : <https://www.cbr.ru/statistics/pdko/sors/> (accessed 13.01.2020).
9. Russia in numbers, 2019. URL : <https://www.gks.ru/folder/210/docume no. t/12993> (accessed 13.01.2020).
10. *Shukhovtsev D.A.* Legal problems of the division of common obligations of spouses // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2010. № 25(206). P. 5053.

Завьялов Владимир Александрович
старший преподаватель кафедры
криминалистики и правовой информатики
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
vladimirzavjalov@lenta.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ, ПРОВОДИМЫЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. В настоящей статье автором проводится анализ использования организаций, фактически не осуществляющих предпринимательскую деятельность, в совершении различных экономических преступлений, таких, как рейдерство, мошенничество, незаконная банковская деятельность, уклонение от уплаты налогов. На основе чего, предлагается для выявления признаков фиктивных организаций проводить тактическую операцию «Проверка фактической деятельности контрагента».

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактические средства, тактические комплексы, тактические операции, частные методики расследования, расследование экономических преступлений, организации, фактически не осуществляющие предпринимательскую деятельность.

В процессе расследования преступлений возникают тактические задачи, которые невозможно разрешить путем производства единичного следственного действия, в связи с их повышенной сложностью. Для этих целей в следственной практике широко применяются тактические операции, под которыми мы понимаем упорядоченную совокупность следственных действий оперативно-разыскных мероприятий и иных, как процессуальных, так и не процессуальных действий, соответствующих процессуальных решений, проводимых по единому плану под единоличным руководством уполномоченного должностного лица, обусловленных сложившейся следственной ситуацией; для решения тактических задач предварительного расследования, когда иными средствами не возможно решить такую задачу.

В настоящее время применение тактических операций осуществляется в различных частных методиках расследования преступлений, таких как расследование сбыта наркотических средств, дача и получение взятки и др. К числу наиболее сложных в расследовании преступлений абсолютно обоснованно относятся экономические преступления, это – прежде всего, связано:

Vladimir A. Zavyalov
Senior teacher of Department
Forensics and Legal Informatics
Law Department name of A.A. Hmyrov,
Kuban State University
vladimirzavjalov@lenta.ru

TACTICAL OPERATIONS ECONOMIC CRIME CASES

Annotation. In this article, the author analyzes the use of organizations that are not actually engaged in entrepreneurial activity in the commission of various economic crimes, such as raiding, fraud, illegal banking, tax evasion. On the basis of what, it is proposed to identify the signs of fictitious organizations to conduct the tactical operation «Check the actual activities of the counterparty».

Keywords: forensic tactics, tactical tools, tactical systems, tactical operations, private investigation techniques, investigation of economic crimes, organizations that do not actually carry out entrepreneurial activity.

– с характеристикой подозреваемого, который, как правило, обладает высоким интеллектом, имеет высшее образование;

– с механизмом слеодообразования, где основные данные о преступлении содержатся в различного рода документах.

В современной криминалистической литературе имеются работы, посвященные тактическим операциям при расследовании указанной категории преступлений. Так, например, Р.Г. Аксенов, В.Д. Кинзин выделяют операцию по изобличению лица, совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности, рассматривая ее в различных следственных ситуациях [1, с. 65–66].

Как показало изучение уголовных дел и криминалистической литературы, при совершении преступлений экономической направленности зачастую используют, так называемые, «фирмы – однодневки», под которыми понимается, «созданная формально в соответствии с законодательством о государственной регистрации юридических лиц, организация, используемая в качестве средства для совершения и (или) сокры-

тия следов правонарушений и преступлений, и обладающая признаками, затрудняющими идентификацию физических лиц, в действительности причастных к ее учреждению и руководству финансово-хозяйственной деятельностью и бухгалтерским учетом» [2, с. 16]. Данный термин был воспринят некоторыми учеными из практики и передает всю суть назначения и использования указанных организаций, но, наш взгляд, он является вульгарным и следует применять термин «организация, фактически не осуществляющая предпринимательскую деятельность».

Фиктивно существующие организации могут использоваться как на стадии подготовки, то есть, как для создания условий для совершения преступлений, так и для совершения и сокрытия различного рода экономических преступлений. Зачастую, они имеют экс-стадийный характер. Так, в некоторых случаях сама регистрация такого рода организации служит способом подготовки к преступлению, а совершение посредством организации, фактически не осуществляющей предпринимательскую деятельность, незаконных банковских операций является средством совершения преступлений. Как способ сокрытия преступления, такого рода организация используется при заключении различного рода сделок, то есть, преступной деятельности придается за счет этого видимость правомерности.

Организации, фактически не осуществляющие предпринимательскую деятельность, используются при совершении недружественного противоправного захвата управления организацией, иными словами – рейдерства [3, с. 7]. При этом рейдерские захваты осуществляются различными способами. Особого внимания заслуживают те из них, при совершении которых используются организации, фактически не осуществляющие предпринимательскую деятельность:

– обременение имущества организации путем заключения договоров залога, долгосрочной аренды;

– покупка задолженности предприятия, искусственное создание сложностей по ее погашению, что влечет введение процедуры банкротства, и смену собственника;

– фальсификация договора купли-продажи акций;

– фальсификация документов, подтверждающих наличие кредиторской задолженности у владельца акций и наложение взыскания на них;

– обращение в суды с исковым заявлением к предприятию, акционеру о взыскании задолженности и обращения его на акции или имущество предприятия, с заявлением о признании организации банкротом. [3, с. 23–24].

Организации, фактически не осуществляющие предпринимательскую деятельность, также используются при совершении экономических мошенничеств и хищений, совершаемых путем присвоения и растрат. Лица, имеющие умысел на хищение имущества путем обмана и злоупотре-

бления, заключают договор с собственником имущества, предметом которого является отчуждение в ее пользу имущества или право на имущество. При помощи данного договора они завладевают имуществом, и при этом не выполняют свою обязанность по оплате этого имущества [4, с. 556]. К примеру, при совершении присвоений и растрат, денежные средства перечисляются на банковские счета фиктивных юридических лиц при заключении субподрядных и иных договоров [4, с. 568].

Способом совершения злоупотребления полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, является заключение убыточных хозяйственных договоров с организациями, не осуществляющими предпринимательскую деятельность. [5, с. 90].

При осуществлении незаконных банковских операций по совершению банковских переводов, обналичивание денежных средств также широко используются указанными организациями. Как правило, они образуют многоступенчатую систему [6, с. 147–159].

Широкое распространение применения организаций, фактически не осуществляющих предпринимательскую деятельность, получило при совершении преступлений, связанных с криминальными банкротствами. Характерным для способа совершения неправомερных действий при банкротстве является:

– заключение с указанными лицами договоров залога, кредитования под залог имущества, аренды;

– заключение иных договоров на заведомо невыгодных условиях;

– перевод денежных средств организациям, не осуществляющим предпринимательскую деятельность, в счет погашения кредиторской задолженности [7, с. 49].

Особую группу представляют собой налоговые преступления, где, практически, при расследовании каждого уголовного дела следователь сталкивается с рассматриваемым нами явлением. Расследованию налоговых преступлений посвящено множество работ (Петросян Е.М. Организационно-методические вопросы первоначального этапа расследования налоговых мошенничеств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 27 с.; Александров И.В. Налоговые преступления: расследование : монография. М., 2017. 286 с). К наиболее распространенным способам совершения налоговых преступлений можно отнести:

– при исчислении налога на прибыль организации производится уменьшение налогооблагаемой базы, то есть, увеличиваются расходы организации или индивидуального предпринимателя за счет заключения фиктивных сделок с организациями, не осуществляющими предпринимательскую деятельность;

– по налогу на добавленную стоимость, путем заключения фиктивных договоров, плательщики незаконно получают налоговые вычеты [8, с. 226].

Анализ преступлений, при совершении которых используются хозяйствующие субъекты, фактически не осуществляющие предпринимательскую деятельность, весьма разнообразен, что свидетельствует о необходимости выработки криминалистических средств, направленных на проверку деятельности организаций с целью установления фактической деятельности. Нам представляет решение данной тактической задачи возможным через реализацию тактической операции «Проверка фактической деятельности контрагента».

В актах судебного толкования имеются критерии отнесения организации к организации, фактически не осуществляющей предпринимательскую деятельность. Так, в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [9] указывается на признаки подозрительных сделок, а соответственно – на привлечение налогоплательщиком подозрительного контрагента:

– невозможность реального осуществления налогоплательщиком указанных операций с учетом времени, места нахождения имущества или объема материальных ресурсов, экономически необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг;

– отсутствие необходимых условий для достижения результатов соответствующей экономической деятельности в силу отсутствия управленческого или технического персонала, основных средств, производственных активов, складских помещений, транспортных средств;

– учет для целей налогообложения только тех хозяйственных операций, которые непосредственно связаны с возникновением налоговой выгоды, если для данного вида деятельности также требуется совершение и учет иных хозяйственных операций;

– совершение операций с товаром, который не производился или не мог быть произведен в объеме, указанном налогоплательщиком в документах бухгалтерского учета.

Таким образом, на фиктивный характер деятельности предприятия указывают следующие данные:

– отсутствие персонала в штате организации;

– осуществление сделки, не предусмотренной уставными целями;

– отсутствие товарно-материальных ценностей для исполнения сделки;

– отсутствие средств производства.

Добавим сюда наличие фиктивных директоров и учредителя, которые, зачастую, не знают о том, что они являются таковыми.

Подготовительный этап операции заключается, в том числе, в создании условий для производства:

– выемок в банках документов по открытию счетов проверяемой организации, выписок движения по счету проверяемой организации;

– выемок в органах ФНС РФ регистрационных документов, уставных документов, налоговых деклараций;

– производство обысков по месту жительства директора, учредителя, главного бухгалтера, по месту регистрации проверяемой организации.

Для этих целей следователю необходимо истребовать из органов ФНС или оперативно-разыскным путем получить выписки из Единого государственного реестра юридических лиц, сведения об открытых счетах, и сопоставить с данными, имеющимися в хозяйственных договорах. Отсюда, следователь получит:

– сведения о месте нахождения органов управления проверяемой организации;

– возможность истребовать сведения из органов УВМ МВД России, учетов лиц, привлекаемых к административной ответственности, с целью установления жительства директора, учредителя.

Также, посредством производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, необходимо установить характеристики личности директора, учредителя, главного бухгалтера, в том числе, и фактическое место их жительства.

ФНС РФ предпринята попытка систематизировать данные о личности лица, создающего фиктивные организации, к которым относятся:

– отсутствие постоянного места работы и (или) незначительный уровень дохода;

– низкий уровень образования;

– проживание в регионе, отличном от места регистрации юридического лица.

Возраст таких лиц, как правило, не превышает 25–30 лет. Характерным признаком, указывающим на деятельность лиц, профессионально создающих номинальные юридические лица, является, также, наличие у таких лиц статуса учредителя (участника) и (или) руководителя нескольких юридических лиц, в отношении которых в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о недостоверности содержащихся в данном реестре сведений [10]. Однако, как показывает практика, не всегда совпадает номинальный руководитель и учредитель организации с лицом, осуществляющим его регистрацию. На наш взгляд, данные сведения

можно также отнести к номинальным директорам, учредителям.

Также, подлежат истребованию из ФНС РФ, ФСС, ФОМС сведения о количестве работников проверяемой организации.

Зачастую, бухгалтерский учет осуществляется специально образованными для этих целей организациями или физическими лицами, привлекаемыми со стороны. В силу требований действующего законодательства, налоговые декларации подаются электронным способом. Для установления места нахождения лица, фактически осуществляющего бухгалтерский учет, в налоговом органе истребуется IP адрес, с которого поступают налоговые декларации. Далее, у провайдера следует запросить сведения о фактическом расположении IP-адреса с указанием населенного пункта, улицы, дома, квартиры.

Также, необходимо истребовать сведения, формируемые СУР «АСК НДС 2», которая является программным обеспечением, распределяющим в автоматическом режиме налогоплательщиков - юридических лиц, представивших декларации по налогу на добавленную стоимость, на основании имеющихся у налогового органа сведений о деятельности налогоплательщиков, на 3 группы налогового риска: высокий, средний, низкий [11].

СУР «АСК НДС 2» позволяет зеркально сопоставить сведения об операциях в декларациях покупателя и продавца. Вместе с тем, сведения, содержащиеся в налоговых декларациях по НДС о счетах-фактурах, не позволяют в полной мере оценить факты хозяйственной деятельности организаций, так как не содержат информации о количестве, стоимости, наименовании товаров (работ, услуг). Использование «АСК НДС-2» в камеральном контроле налоговых деклараций по НДС позволяет в автоматизированном режиме выявлять налоговые разрывы, в отношении которых проводится комплекс контрольных мероприятий [12]. Таким образом, сведения о разрывах по НДС помогут нам установить признаки, указывающие на фиктивный характер деятельности проверяемой организации в виде системно совершаемых сделок с признаками фиктивности, а в дальнейшем – определить иные следственные действия, направленные на проверку контрагентов проверяемой организации, после чего, следователю надлежит подготовить постановления о возбуждении перед судом ходатайств о производстве выемки документов в банках и налоговой службе. Также, в судебном порядке получается решение о производстве обыска в жилище директора, учредителя и главного бухгалтера. Следователем выносится постановление о производстве обыска по месту регистрации и (или) нахождения юридического лица. В данном случае, особое внимание надо уделить характеристикам места регистрации, поскольку, действующее законодательство допускает регистрацию обществом с ограниченной ответственностью в жилых помещениях, при таких условиях

необходимо судебное решение о производстве обыска.

Рабочий этап заключается в производстве выемки в банке в соответствии с требованиями УПК РФ, при этом изъятию и изучению подлежат: договор об открытии банковского счета, карточка с образцами подписей и печатей, возможно, имеется доверенность на третье лицо о заключении договора банковского счета, которая также подлежит изъятию, а третье лицо, действующее в интересах организации, подлежит включению в тактическую операцию. Также, подлежит изъятию выписка движения денежных средств по счету для дальнейшего ее анализа на предмет выплаты заработной платы, контрагентам и характере сделок и операций с ними.

В налоговой службе подлежат изъятию регистрационные документы, куда входит заявление о госрегистрации, уставные документы (устав, решение о создании организации, решение о назначении директора, приказ о его вступлении в должность), а также – налоговые декларации. Данные документы необходимы для анализа хозяйственной деятельности.

По месту жительства директора, учредителя, главного бухгалтера подлежат изъятию свободные образцы почерка, черновики и оригиналы уставных и иных документов, печати, штампы, в том числе и сторонних организаций, ключи от электронной системы «Банк-Клиент», хозяйственные договоры и иные документы, относящиеся к проверяемым сделкам, и указывающие на фиктивный характер деятельности.

По месту нахождения и (или) регистрации проверяемой организации подлежат изъятию указанные выше документы и предметы. Бывают случаи, когда по адресу регистрации и (или) нахождения не обнаруживается проверяемая организация. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в совокупности с другими сведениями, с большей достоверностью указывает на фиктивный характер деятельности проверяемой организации.

После этих действий следуют допросы учредителей, директоров, главных бухгалтеров на предмет фактического осуществления организацией деятельности, заключения договоров с контрагентами, реальных выгодоприобретателей. Зачастую, учредитель и директор проверяемого лица указывают на то, что ранее незнакомый им человек за вознаграждение предложил им стать учредителем или директором в регистрируемой организации, и о противоправном характере деятельности организации они не знали. Также, рекомендуется получить экспериментальные образцы почерка.

Данная тактическая операция позволит следователю выявить ранее указанные признаки фиктивных организаций и использовать ее результаты в дальнейшем расследовании уголовного дела.

Литература:

1. *Аксенов Р.Г.* Изобличение лица, совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности : монография / Р.Г. Аксенов, В.Д. Кинзин. М., 2009.
2. *Соловьев И.Н.* Опасные финансовые схемы: фирмы-однодневки. М., 2013.
3. *Багмет А.М.* Особенности выявления, раскрытия и расследования рейдерских захватов имущественных комплексов : учеб.-метод. пособие / А.М. Багмет и др.; Под ред. А.М. Багмет, В.В. Бычкова. М., 2017.
4. Настольная книга следователя / Рук. авт. кол. Н.П. Дудин; Отв. ред. О.Н. Коршунова, В.С. Шадрин. СПб., 2008.
5. *Попов И.А.* Расследование отдельных видов преступлений в сфере экономики и против общественной безопасности: учебно-методическое пособие. М., 2015.
6. *Олимпиев А.Ю.* Преступления в кредитно-банковской сфере. Общая характеристика, виды и методические рекомендации по их расследованию: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / А.Ю. Олимпиев, Н.Д. Эриашвили; Под. ред. Н.Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
7. *Пахомов С.В.* Расследование преступлений в сфере экономической деятельности : учебное пособие. – Краснодар, 2006.
8. Криминалистическая методика : учеб. пособие для академического бакалавриата / Под. ред. Л.Я. Драпкина. М., 2015
9. Проставление Пленума Высшего Арбитражного Суда Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» // «Вестник ВАС РФ», № 12, декабрь, 2006. СПС «Консультант Плюс».
10. Письмо Федеральной налоговой службы от 29 марта 2019 г. № ГД-4-14/5722@ «О признаках лиц, профессионально создающих номинальные юридические лица» // СПС «Гарант».
11. Письмо Федеральной налоговой службы от 3 июня 2016 г. № ЕД-4-15/9933@ «Об оценке признаков риска СУР» // СПС «Гарант».
12. Письмо Федеральной налоговой службы от 30 декабря 2015 г. № ЕД-4-15/23207@ // СПС «Гарант».

Literature:

1. *Aksenov R.G.* Exposing a person who has committed a crime in the field of entrepreneurial activity: Monograph / R.G. Aksenov, V.D. Kinzin. M., 2009.
2. *Soloviev I.N.* Dangerous financial schemes: one-day firms. M., 2013.
3. *Bagmet A.M.* Features of the identification, disclosure and investigation of raider seizures of property complexes : textbook. Method. allowance / A.M. Bagmet et al.; ed. by A.M. Bagmet, V.V. Bychkova. M., 2017.
4. Handbook of the investigator / Hand. author count N.P. Dudin; open ed. HE. Korshunova, V.S. Shadrin. SPb., 2008.
5. *Popov I.A.* Investigation of certain types of crimes in the field of economics and against public safety: a training manual. M., 2015.
6. *Olimpiev A.Yu.* Crimes in the credit and banking sector. General characteristics, types and guidelines for their investigation: textbook. manual for university students enrolled in the specialty «jurisprudence» / A.Yu. Olimpiev, N.D. Eriashvili; under. ed. N.D. Eriashvili. 2nd ed., Revised. and add. M., 2015.
7. *Pakhomov S.V.* Investigation of crimes in the field of economic activity. Tutorial. Krasnodar, 2006.
8. The forensic technique: textbook. manual for academic undergraduate / under. ed. L.Ya. Drapkina. M., 2015
9. Affixing of the Plenum of the Supreme Arbitration Court Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.10.2006 № 53 «On the assessment by arbitration courts of the justification for obtaining tax benefits by the taxpayer» // Vestnik VAS RF, № 12, December 2006. ATP «Consultant Plus».
10. Letter of the Federal Tax Service of March 29, 2019 № GD-4-14 / 5722@ «On the signs of persons professionally creating nominal legal entities» // ATP «Garant».
11. Letter of the Federal Tax Service of June 3, 2016 № ED-4-15/9933@ «On the assessment of risk signs of RMS» // ATP «Guarant».
12. Letter of the Federal Tax Service of December 30, 2015 N ED-4-15/23207@ // ATP «Guarant».

Зеленская Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
lz10108@rambler.ru

Ludmila A. Zelenskaya

Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor,
Assistant Professor
of the Chair of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
lz10108@rambler.ru

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
ПОНЯТИЙ «ТОЖДЕСТВО СПОРОВ»
И «ТОЖДЕСТВО ИСКОВ»**

**TO THE QUESTION
OF THE RELATIONSHIP BETWEEN
THE IDENTITY «IDENTITY OF DISPUTES»
AND «IDENTITY OF LAWSUIT»**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов соотношения понятий «тождество исков» и «тождество споров». На основе анализа элементов иска и элементов спора автор приходит к выводу о нетождественности обозначенных понятий, указывая на их взаимосвязь, а также – на значение, процессуальные и правовые последствия выявления тождества в гражданском и административном судопроизводстве.

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between the concepts of «identity of lawsuit» and «identity of disputes». Based on the analysis of the elements of the lawsuit and the elements of the dispute, the author comes to the conclusion that the concepts are not identical, indicating their relationship, as well as the significance, procedural and legal consequences of identifying the identity in civil and administrative proceedings.

Ключевые слова: тождество исков, элементы иска, предмет иска, основание иска, стороны иска, тождество споров, элементы спора, субъекты спора.

Keywords: identity of lawsuit, elements of lawsuit, subject of lawsuit, basis of lawsuit, parties of lawsuit, identity of dispute, elements of dispute, subjects of dispute.

Проблема определения тождественности заявленного, рассматриваемого или уже рассмотренного спора, как в гражданском, так и в административном судопроизводстве имеет не только практическое значение, заключающееся в возможности (или невозможности) совершения отдельных процессуальных действий – возбуждение дела в суде, прекращение производства по делу, оставление дела без рассмотрения, что, в целом, способствует достижению цели судебной защиты и реализации задач судопроизводства – как практической реализации права на судебную защиту и обеспечение доступности судебной защиты, а также – на обеспечение вследствие рассмотрения и разрешения дела стабильности судебных решений и определённости правоотношений заинтересованных субъектов.

В современном процессуальном законодательстве одним из распространённых случаев применения тождества представляется запрет на повторное возбуждение, рассмотрение и разрешение дела в суде в случаях, если оно уже было рассмотрено и по нему имеется вступившее в силу судебное постановление. Традиционно, в соответствии со всеми цивилистическими процессуальными кодексами (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), это возможно при наличии обязательного совпадения трёх элементов – предмета, основания и сторон спора (например, п. 2 ч. 1 ст. 127.1 и п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 134 и абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 128 и п. 2 ч. 1 ст. 194 КАС РФ). Обратим внимание на то, что в законодательстве во всех вышеперечисленных статьях закрепление именно понятие «спор» – судебный акт по спору о том же предмете, по тем же основаниям между теми же сторонами.

Теоретическая значимость анализируемой проблемы нам видится, прежде всего, в том, что понятие «тождество» является общенаучной категорией [1, с. 78; 3, с. 4]. Актуальность его исследования обусловлена необходимостью определения понятия, сущности, условий, а также – возможностей использования не только в цивилистических (гражданском, административном) судопроизводствах, но и в конституционном, уголовном.

В процессуальной науке и судебной практике традиционно исследуется и используется понятие «тождество иска», которое определяется путём сравнительного анализа элементов иска – предмета, основания, сторон иска. «Тождественность иска» и «тождественность спора» взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Процессуалистами высказываются различные мнения о соотношении анализируемых понятий, их элементов [2, с. 47–50].

Для выявления тождества различных понятий, мы полагаем, что определяющим началом может служить выявление наличия совпадения структурных элементов – т.е., объектов сравнения. Значение тождества, в свою очередь, для процессуальной науки может заключаться в наступлении определённых правовых и процессуальных последствий в случае полного совпадения (частичного совпадения или несовпадения) сравниваемых структурных элементов.

Тождество исков определяется путём сравнения элементов иска, в числе которых понимается различными авторами либо совпадение предмета и основания иска, либо предмета, основания и сторон иска [1, с. 75; 4, с. 135–136].

Тождество спора большинством процессуалистов понимается как следствие выявления тождества исков, при этом элементы иска и элементы спора как объекты сравнения на практике не различаются, что представляется не вполне обоснованным.

Поскольку процессуальные кодексы используют именно понятие «спор» для выявления тождества, то нецелесообразно существование двух понятий («иск» и «спор»), которые, имея полностью одинаковые структурные элементы, следуя логике, должны также полностью совпадать по своей сущности и значению.

В целом, поддерживая мнение о том, что элементами иска являются предмет, основание и стороны, мы полагаем, что в качестве элементов спора следует выделить: материально-правовое отношение, субъекты спора, нарушение прав (неопределённость прав и обязанностей, препятствие в осуществлении прав и т.д.).

Поскольку возникновение правового спора возможно только в рамках правоотношений, то между субъектами спора обязательно должно существовать материальное правоотношение. Сама сущность понятия «спор» предполагает существование как минимум двух субъектов с противоположными интересами. Но споры могут быть и многосубъектными в тех случаях, когда в силу специфики самого правоотношения допускается такая возможность.

Правовой спор, возникающий между субъектами материальных правоотношений, по своей сущности, представляет собой столкновение интересов, которое может быть следствием нарушения права, создания препятствий в осуществлении права, существующей неопределённости прав и обязанностей и т.п.

Следуя логике, выявляя тождественность споров при возбуждении, рассмотрении и разрешении дела, суд должен исходить из следующего: тождественными могут быть признаны споры, возникающие из одного и того же правоотношения, между теми же субъектами вследствие наличия одного и того же нарушения прав (создания препятствия в осуществлении права, существования неопределённостей прав и обязанностей и т.д.).

При возникновении правового спора лица в качестве средства защиты своего нарушенного права используют иск, облекая его в форму искового заявления. Элементами иска традиционно представляются предмет, основание и стороны иска. Взаимосвязь понятий «иск» и «спор» обусловлена наличием взаимосвязи и взаимодействия структурных элементов анализируемых понятий.

Предмет иска как материально-правовое требование о защите нарушенного или оспариваемого права всегда должно быть обусловлено наличием материального правоотношения между спорящими субъектами, поскольку отсутствие такого материального правоотношения делает иск беспредметным, свидетельствуя об отсутствии одного из необходимых элементов спора. Выяснить факт отсутствия материального правоотношения с достаточной степенью достоверности представляется возможным только в процессе исследования доказательств по делу при рассмотрении дела по существу. Выявление в процессе рассмотрения и разрешения дела отсутствия материального правоотношения между истцом и ответчиком всегда приводит к вынесению судебного решения об отказе в удовлетворении требования.

Основание иска – это те фактические обстоятельства, на которые ссылается истец и обосновывает предъявленное требование. Фактическое основание всегда обусловлено существующим фактом нарушения права (создания препятствий в реализации права и т.п.), в то время как юридическое основание – результат толкования диспозиции нормы материального права, регулирующей спорное правоотношение между субъектами спора.

Таким образом, взаимодействие и взаимосвязь анализируемых элементов иска и элементов спора представляется, прежде всего, в следующем. Существование наличия материального правоотношения между субъектами спора и факта нарушения прав (создание препятствий в реализации права, состояние неопределённости прав и обязанностей) как элементы спора, в свою очередь, представляют в совокупности своего рода основу, без существования которой не представляется вообще возможным не только формулирование материально-правового требования (т.е. предмет иска), но и само существование фактического и юридического обоснования заявленного требования. Иными словами – в отсутствие спора (т.е., совокупности всех элементов спора) не должно и не может быть и иска.

В исследовании элементов спора и элементов иска, наибольшую трудность представляет проблема соотношения субъектного состава – субъектов спора и субъектов иска, которая имеет значение не только для выявления тождества (иска и спора), но также и для разрешения вопроса о надлежащих (или ненадлежащих) сторонах.

Отдельные авторы обосновывают мнение о том, что стороны являются только элементом спора,

не являясь при этом элементом иска [3, с. 6]. Но поскольку законодатель во всех цивилистических процессуальных кодексах закрепляет наряду с тождеством предмета и оснований и тождество субъектов, мы полагаем целесообразным исследование проблемы определения и соотношения понятий «субъекты иска» и «субъекты спора».

Субъектами спора являются именно субъекты спорного материального правоотношения – например, продавец и покупатель по договору купли-продажи, работник и работодатель по трудовому спору, бывшие супруг и супруга при разделе совместно нажитого имущества, определении места жительства несовершеннолетнего ребёнка и т.д.

Сторонами иска, при этом, являются конкретные граждане – истец и ответчик, которые только предполагаются субъектами спорного материального правоотношения в момент возбуждения дела, при этом суд исходит из предположения, что право истца нарушено и предположительно нарушено ответчиком. Выяснение в действительности либо отсутствие материального правоотношения между сторонами, либо факта нарушения права истца ответчиком приводит на практике к различным правовым и процессуальным последствиям – разрешение вопроса о замене ненадлежащего ответчика, отказ в удовлетворении исковых требований.

Обобщение судебной практики позволило сделать вывод о том, что суды, чаще всего, испытывают трудности в определении тождественных споров при разрешении вопроса о тождественности спорящих сторон. Изменение одной стороны (истца или ответчика) как элемента иска при тождественности предмета и основания иска в итоге может привести к тому, что тождественный спор повторно может быть рассмотрен судом. Вопрос о том – являются ли такие споры тождественными – в судебной практике разрешается не единообразно.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. Собственнику земельного участка А. было отказано в признании права на часть смежного участка. После купли-продажи земельного участка в суд обратился новый собственник Ф. с иском, в котором полностью совпадают предмет и основание с уже рассмотренным и разрешённым иском предыдущего собственника А. В анализируемой ситуации при несовпадении сторон иска, мы полагаем, что тождественность сторон спора налицо – сторонами спора выступают собственники смежных земельных участков. В приведённом примере именно наличие вступившего в силу судебного решения по тож-

дественному спору (т.е., в котором совпадают элементы спора – материальное правоотношение, факт неопределённости прав и стороны материального правоотношения) является объективным препятствием для повторного рассмотрения требования. Признавая обозначенные иски нетождественными, на практике это может привести к тому, что суды при любой смене стороны иска могут неограниченное число раз рассматривать, по сути, тождественные споры.

Значимой проблемой, требующей самостоятельного теоретического исследования и осмысления, представляется вопрос о соотношении субъектного состава спора и иска по административным делам в тех случаях, когда прокурор или уполномоченные властные органы обращаются с административным иском заявлением и являются административными истцами [5, с. 254–258].

Возникает закономерный вопрос – почему же законодатель использует в качестве объектов для сравнения именно элементы иска – предмет, основание и стороны, по которым определяется тождественности спора?

Одним из возможных объяснений может служить следующее. Правовой спор как категория, являющаяся в чистом виде принадлежностью материального права, не может быть предметом исследования при разрешении вопроса возможного возникновения процессуальных правоотношений. В момент возбуждения дела в суде суд только исходит из предположения о том, что правовой спор существует в действительности, что между субъектами спора имеется материальное правоотношение, и права одного из них нарушены, либо есть неопределённость в правах и т.д. Но проверить и подтвердить наличие необходимых элементов спора в стадии возбуждения в силу объективных причин не представляется возможным. В то время как проверка элементов иска (как средства защиты права, в котором объединены материальное требование и процессуальная составляющая как требование к суду), который уже был рассмотрен или рассматривается, возможна. Поэтому тождественность спора, в соответствии с процессуальным законодательством, проверяется именно посредством проверки тождества исков, что и объясняет употребление анализируемых понятий как синонимов.

Учитывая вышеизложенное, мы полагаем актуальным дальнейшее теоретическое осмысление анализируемых понятий с целью единообразного определения их сущности, элементов и практического применения.

Литература:

1. *Борисова Ю.А.* Проблема тождества в гражданском процессе // Вестник Моск. ун-та. серия 11. Право. 2009. № 2. С. 74–82.
2. *Борисова Ю.А.* Соотношение тождества исков и тождества споров // Законодательство. 2009. № 7. С. 47–50. URL : <http://www.garant.ru>

Literature:

1. *Borisova Y.A.* The problem of identity in the civil process // Vestnik Moscow. un-ta. series 11. Law. 2009. № 2. P. 74–82.
2. *Borisova Y.A.* The ratio of the identity of claims and the identity of disputes // Legislation. 2009. № 7. P. 47–50. URL : <http://www.garant.ru>

3. *Борисова Ю.А.* Тожество в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL : <http://www.dslib.net/>

4. *Губина Е.Н.* К вопросу о тождестве исков // ВЕСТНИК СамГУ. 2006. № 10/3 (50). С. 134–142.

5. *Куемжиева Е.Г.* Особенности правового статуса прокурора в административном судопроизводстве / Е.Г. Куемжиева, А.С. Черкас // Современная научная мысль. 2019. № 3. С. 254–258.

3. *Borisova Y.A.* Identity in civil proceedings : abstract dis. ... cand. of law sciences. URL : <http://www.dslib.net/>

4. *Gubina E.N.* On the issue of identity of claims // VESTNIK of SamSU. 2006. № 10/3(50). P.134–142.

5. *Kuemzhieva E.G.* Features of the legal status of the prosecutor in administrative proceedings / E.G. Kuemzhieva, A.S. Cherkas // Modern scientific thought. 2019. № 3. P. 254–258.

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

**Классификация опознаний,
проводимых в условиях
повышенных тактических рисков**

Аннотация. Процесс раскрытия и расследования преступлений сопряжен со столкновением интересов разных сторон. Причем, нередко, интерес лица, производящего расследование, не совпадает и с интересом стороны обвинения, и с позициями стороны защиты. Подобные противоречия находят свое отражение в разнообразных трудностях, с которыми сталкивается следователь на пути достижения истины по делу, и образуют тактические риски. В представленной статье рассмотрены современные проблемы и потенциальные возможности предъявления для опознания. Автором предложена классификация опознания в условиях повышенного тактического риска.

Ключевые слова: предъявление для опознания, тактический риск, расследование преступлений, следственные действия.

П процесс раскрытия и расследования преступлений сопряжен со столкновением интересов разных сторон. Причем, нередко, инте-

Daniil A. Zykov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Chief of Public Law Studies Department,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
daniilzykov@mail.ru

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
urgantfk@mail.ru

Sergei A. Semenov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
kurlak09@rambler.ru

**IDENTIFICATION CLASSIFICATION
IN THE CONDITIONS
OF THE INCREASED TACTICAL RISK**

Annotation. The process of solving and investigating crimes involves a clash of interests of different parties. And often the interest of the investigating officer does not coincide with the interest of the prosecution and the positions of the defense. Such contradictions are reflected in the various difficulties faced by the investigator on the way to the truth of the case, and form tactical risks. The paper considers modern problems and potential possibilities as objects offered for identification. The author proposed a classification of identification in the context of increased tactical risk.

Keywords: presentation for identification, tactical risk, investigation of crimes, investigatory activities.

рес лица, производящего расследование, не совпадает и с интересом стороны обвинения, и с позициями стороны защиты. Подобные противо-

речия находят свое отражение в разнообразных трудностях, с которыми сталкивается следователь на пути достижения истины по делу, и образуют тактические риски.

Традиционно, под тактическим риском понимается возможность получения негативного результата при проведении следственного действия или тактической комбинации [1]. Чтобы противодействовать тактическим рискам, следует совершенствовать как криминалистическую методику, так и тактику производства отдельных следственных действий. С учетом нашего научного интереса, мы затронем проблему преодоления тактических рисков при производстве предъявления для опознания.

Необходимо указать на то, что существует множество классификаций рассматриваемого следственного действия. Например, по природе устанавливаемого объекта можно выделить опознание живых лиц, трупов, фотоизображений, предметов. В соответствии со статусом опознающего, можно выделить опознание, осуществляемое потерпевшим, осуществляемое свидетелем, осуществляемое подозреваемым либо обвиняемым. Различаются также простое опознание и опознание, проводимое в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего.

Следует отметить, что общая, определенная законодателем концепция предъявления для опознания, ограничивает производство данного следственного действия только визуальным способом восприятия и возможностью опознания только живых лиц, трупов человека, предметов, а также опознание указанных объектов по фотоизображениям. Данное обстоятельство ранее позволило нам предложить типизировать предъявления для опознания на традиционную и нетрадиционную формы. При этом традиционные формы опознания соответствуют положениям действующего законодательства и, в свою очередь, могут быть классифицированы по указанным выше основаниям. Вопросы классификации предъявления для опознания достаточно освещены в криминалистической литературе [2], и мы не будем заострять на них внимание.

Что касается нетрадиционных (новых) видов предъявления для опознания, то, по нашему мнению, они включают в себя, соответственно, опознавательные акты, облеченные в процессуальную форму предъявления для опознания, но при этом, не имеющие четкой правовой регламентации. К таким опознаниям, по нашему мнению, следует отнести опознание, осуществляемое с помощью иных органов чувств, нежели зрение (посредством осязания, обоняния, вкусового и слухового восприятия), а также опознание объектов, прямо не отраженных в действующем уголовно-процессуальном кодексе: опознание местности, зданий, сооружений, документов, субъективных портретов, животных, частей трупа, а также опознание по видеозаписи [3].

Продолжая развивать идею расширения потенциальных возможностей опознания, целесооб-

разно предложить типологию опознания с учетом степени существующего тактического риска. Соглашаясь с тем, что предъявление для опознания является следственным действием, априори, обладающим тактическим риском [4], мы предлагаем по рассматриваемому основанию выделить предъявление для опознания в условиях повышенного тактического риска и предъявление для опознания в обычных условиях.

По нашему мнению, к условиям повышенного тактического риска в рамках предъявления для опознания следует относить совокупность объективных факторов, характеризующих негативную следственную ситуацию и необходимость использования более сложной организации следственного действия.

При этом негативную следственную ситуацию отражают:

- наличие противодействия при проведении опознания;
- необходимость производства опознания при отсутствии возможности задействования зрительного способа восприятия;
- необходимость производства опознания, прямо не регламентированного действующим законодательством;
- отсутствие у следователя уверенности при прогнозировании результатов опознания и т.п.

Сложная организация следственного действия предполагает необходимость задействования дополнительных сил и средств при производстве опознания, отсутствие научно-обоснованных рекомендаций по тактике его производства и т.д.

В целом, проявление повышенного тактического риска влечет за собой существенное уменьшение вероятности достижения в рамках опознания требуемого результата и оправдать затраченные на производство следственного действия усилия. Поэтому актуализируется потребность, помимо традиционных организационно-тактических рекомендаций по подготовке, проведению и фиксации результатов опознания, применять и некоторые специфические приемы, ориентированные на преодоление возникших или прогнозируемых трудностей, возводящих условия производства опознания в степень повышенного тактического риска. Одновременно, на наш взгляд, существенно увеличивается значение подготовительного этапа опознания.

Следует подчеркнуть, что в рамках предложенной нами типологии, предъявление для опознания может переходить из одного типа в другой в зависимости от развития следственной ситуации. Например, при расследовании уголовного дела по факту тайного хищения чужого имущества, было решено произвести опознание подозреваемого Ш. При этом следователем данное опознание рассматривалось как рядовое следственное действие. На подготовительном этапе опознания никаких трудностей не возникло. Од-

нако когда подозреваемого завели в кабинет, где планировалось производство следственного действия, Щ. уселся на стул, отказался вставать в ряд со статистами и закрыл лицо руками. Таким образом, опознание, начатое производится в обычных условиях, на рабочем этапе стало характеризоваться повышенным тактическим риском. Это потребовало изменения и тактики производства рабочего этапа, активизировало усилия следователя на преодоление противодействия подозреваемого производству следственного действия и способствовало использованию приемов, не характерных для предъявления для опознания, производимого в обычных условиях:

– использование методов моделирования при планировании рабочего этапа;

– консультации со специалистом (руководителем следственного органа и надзирающим прокурором) по поводу тактики следственного действия в условиях противодействия;

– беседа с подозреваемым с целью склонить его к отказу от противодействия следователю.

Безусловно, в ситуациях, когда условия повышенного тактического риска при производстве опознания возникают на начальном этапе следственного действия, то следователь имеет возможность тщательно подготовиться к его производству. Однако в случаях, схожих с представленным нами примером, у следователей в силу внезапности изменения обстановки, нехватки времени и тактических рекомендаций, зачастую возникают трудности в определении алгоритма своих последующих действия. Так, в целях преодоления сопротивления подозреваемого Щ. (в рассматриваемом нами примере), следователь принял решение усадить статистов рядом с демонстративно сидящим подозреваемым на стульях и провести опознание, но, когда ввели опознающую, подозреваемый отвернулся, сорвав следственные действия. Поскольку потерпевшая не могла разглядеть лицо отворачивающегося подозреваемого, она пояснила, что статистов видит впервые и никого из них не видела ранее при обстоятельствах расследуемого преступления. В последующем, подозреваемого Щ. предъявили потерпевшей для опознания по фотографии. Результаты последнего опознания были признаны доказательствами по уголовному делу, однако, вопрос об их допустимости остается, по нашему мнению, дискуссионным, поскольку, формально, потерпевшая наблюдала опознаваемого при очном опознании, хотя и не имела возможности разглядеть его подробно и, следовательно, принять решение. Фактически, последующее опознание подозреваемого по фотографии осуществлялось по уже предъявляемым признакам внешности г-на Щ. В данном случае, на наш взгляд, более тактически и процессуально верным было бы зафиксировать факт противодействия опознаваемого Щ. в протоколе еще до приглашения потерпевшей и прервать следственное действие, а затем, без каких-либо сомнений в допустимости, произвести опознание по фотографии.

В целях последующей разработки тактических рекомендаций по производству опознания в условиях повышенного тактического риска, возникает необходимость классифицировать рассматриваемое опознание по более узким критериям.

В частности, по обстановке организации опознания, можно выделить:

– предъявление для опознания, производимое в местах лишения свободы или заключения под стражу;

– предъявление для опознания, производимое в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего;

– предъявление для опознания при наличии противодействия производству следствия;

– предъявление для опознания при применении систем видеоконференц-связи.

По природе объектов опознания (относящихся к нетрадиционным в правовом отношении объектам) можно выделить:

– предъявление для опознания местности, зданий, сооружений, помещений;

– предъявление для опознания частей трупа человека;

– предъявление для опознания животных, их трупов и необработанных частей;

– предъявление для опознания жидких, газообразных и сыпучих веществ

– предъявление для опознания фото-, фоно- и видеодокументов;

– предъявление для опознания документов;

– предъявление для опознания почерка;

– предъявление для опознания объемных пластических моделей, посмертных масок, результатов портретной реконструкции лица по черепу и субъективных портретов.

По способу восприятия опознаваемого объекта в рамках исследуемого типа можно выделить:

– предъявление объекта для опознания на слух;

– предъявление для опознания посредством осязания;

– предъявление для опознания посредством обоняния и вкусового восприятия.

По форме проявления опознаваемых признаков следует выделить:

– предъявление для опознания лица по походке;

– предъявление для опознания по признакам голоса и особенностям речи.

Следует отметить, что представленная классификация может быть дополнена и другими видами предъявления для опознания, производимыми в условиях повышенного тактического риска. В целом, указанные виды опознаний в следственной практике встречаются как самостоятельно, так и одновременно в рамках конкретного следственного действия, например, опознание преступника по признакам голоса и речи в условиях противодействия со стороны опознаваемого.

Литература:

1. Криминалистика : учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА, 2001. С. 47.
2. Еникеев М.И. Следственные действия : психология, тактика, технология : учеб. пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов М., 2008; Лубин А.Ф. Производство следственных действий: закон и тактика : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 2000.
3. Михайлов А.Е. Предъявление для опознания (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 61–67.
4. Быков В.М. Проблемы выбора и конкуренции следственных действий // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий : сб. науч. тр. Ташкент : ТВШ МВД СССР, 1982. С. 58.

Таким образом, следует отметить, что ситуации, когда предъявление для опознания проводится в условиях повышенного тактического риска, разнообразны и позволяют представить широкую классификацию рассматриваемого следственного действия. Повышенный тактический риск влияет на результативность предъявления для опознания и требует задействования дополнительных сил и средств при производстве следственного действия.

Literature:

1. Criminalistics: textbook for universities / ed. by R.S. Belkin. M. : NORMA, 2001. P. 47.
2. Enikeev M.I. Investigative actions: psychology, tactics, technology: studies. Benefit / M.I. Enikeev, V.A. Obratsov, V.E. Eminov. M., 2008; Lubin A.F. Production of investigative actions: law and tactics: studies.-method. benefit. N. Novgorod, 2000.
3. Mikhailov A.E. Presentation for identification (criminal procedure and forensic aspects) : dis. ... cand. faculty of law. sciences'. Vladimir, 2011. P. 61–67.
4. Bykov V.M. Problems of choice and competition of investigative actions // Actual problems of improving the production of investigative actions: SB.nauch. tr. Tashkent: TVSH MVD of the USSR, 1982. P. 58.

Искендерова Яна Юрьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
философии и истории,
Южно-российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
yaiskenderova@yandex.ru

Левченко Ирина Андреевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры юриспруденции,
философии и истории,
Южно-российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
yaiskenderova@yandex.ru

Сережникова Татьяна Леонидовна

старший преподаватель
кафедры юриспруденции,
философии и истории,
Южно-российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
yaiskenderova@yandex.ru

**ПАРАДОКСЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Представленная статья содержит цельный анализ парадоксов правовой культуры в российском обществе, которые можно охарактеризовать как противоречия, возникающие в восприятии, оценке и интерпретации норм и ценностей права на уровне массового сознания россиян. Применяя теоретическую конструкцию субъектно-деятельностного подхода, в качестве результатов предлагается определение парадоксов правовой культуры в рамках правового субъекта, соотносимого с интегральными показателями социальных групп и слоев российского общества. В статье содержится обобщающий вывод о том, что признавая безальтернативность гражданской правовой культуры как направленности на правовую саморегуляцию, необходимо избежать схематизма правового нормативизма и акцентирования исследовательского внимания на традиции неписаного права в массовом сознании россиян.

Ключевые слова: парадоксы, правовая культура, правовые установки, правовой субъект, правовая компетентность, правовая саморегуляция.

Правовая ситуация в российском обществе характеризуется транзитивным состоянием, так как речь идет о том, что легитимация нового социально-правового порядка обуслов-

Yana Y. Iskenderova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Jurisprudence, Philosophy and History,
Southern Russian State
Polytechnical University (NPI)
name of M.I. Platov
yaiskenderova@yandex.ru

Irina A. Levchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Jurisprudence, Philosophy and History,
Southern Russian State
Polytechnical University (NPI)
name of M.I. Platov
yaiskenderova@yandex.ru

Tatyana L. Serezhnikova

Senior teacher
Departments of Law,
Philosophies and Stories,
Southern Russian State
Polytechnical University (NPI)
name of M.I. Platov
yaiskenderova@yandex.ru

**PARADOXES OF LEGAL CULTURE
IN RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. The article contains a detailed analysis of the paradoxes of legal culture in Russian society, which can be characterized as contradictions arising in the perception, evaluation and interpretation of norms and values of law at the level of mass consciousness of Russians. Applying the theoretical construction of the subject-activity approach, the results are proposed to determine the paradoxes of legal culture within the legal subject, correlated with the integral indicators of social groups and strata of Russian society. The article contains a generalizing conclusion that recognizing the lack of alternative civil legal culture as a focus on legal self-regulation, it is necessary to avoid the schematism of legal normativism and the emphasis of research attention on the tradition of unwritten law in the mass consciousness of Russians.

Keywords: paradoxes, legal culture, legal attitudes, legal subject, legal competence, legal self-regulation.

лена и сопровождается парадоксами правового поведения и правовой культуры россиян. По этой теме неоднократно высказывались видные российские правоведы, политологи и социологи.

Казалось бы, вердикт ясен и вопрос состоит в том, что российскому обществу трудно расстаться с недавним прошлым, что очевидно влияние социокультурной травмы, обусловленной распадом страны и неоднозначными социальными реформами. Тем не менее, есть актуальность анализа правовой культуры как социокультурного феномена, определяющего социальные настроения россиян по отношению к правовой сфере, к модели социально-правового порядка и правовым стратегиям.

В этом смысле, показателен тот факт, что российское общество осознало невозможность поворота к прошлому, что является результатом социальной ностальгии, но не мотивацией массового поведения. Однако стабильными можно назвать парадоксы правовой культуры, то, что российский социолог Ж.Т. Тощенко описывает как метаморфозы общественного сознания [7, с. 36]. Описание современной реальности, согласно его позиции, не позволяет преумножать общеизвестные факты, но сложность изучения правовой культуры российского общества заключается в том, что превращенные формы массового сознания порождают не только эффект «расколотости», но и требуют, во имя достижения объективных критериев исследований, концентрации внимания на парадоксах, имеющих и объективный и субъективный смыслы.

Для того, чтобы не порождать феномены ложного сознания, вероятно, следует, признавая реальность переходного периода, уходить от штампов «маргинализованного сознания», «патологического сознания», отречься от иллюзий по поводу скорых перемен в правовой культуре и, главное, диагностировать правовую культуру в контексте парадоксов как противоречия между оценками и реальным влиянием правовой культуры, расхождением стереотипов и официального дискурса, принятого в правовой сфере. Иными словами, рассматривать парадоксы правовой культуры необходимо не только как следствие субъективных ошибочных намерений и стремлений индивидов, с трудом адаптирующихся к новым социально-экономическим и социально-политическим реалиям, но и принимать во внимание возможность воспроизводства парадоксов в рамках «симбиоза» в правовой культуре социальных групп и слоев, формирующих структуру российского общества, взаимоисключающих друг друга оценок, установок, ориентиров и намерений [7, с. 55].

Актуальность осмысления парадоксов правовой культуры в российском обществе очевидна потому, что вне нейтрализации этих парадоксов нам маловероятным представляется модернизация правовой культуры, приведения ее в соответствие с правовыми нормами и стандартами, уменьшение влияния сферы неправовой свободы и, в конечном счете, создание работающих механизмов правовых практик. Нахождение общества в состоянии социальной и правовой дезориентации имеет негативные последствия для социальной интеграции, вызывает параллелизм жизненных и культурных форм, приводит к отчуждению и недоверию по отношению к полити-

ческим и правовым институтам, и на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия.

Поэтому, осознавая сложность проблемы парадоксов в правовой культуре российского общества, нельзя ограничиться констатацией фактов или предложить мало объяснительную схему. Социологическая мысль наработала определенные концептуальные схемы, которые позволяют охарактеризовать парадоксы правовой культуры и в классическом варианте социальной аномии Э. Дюркгейма, и в неклассической схеме социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Однако правовая культура в российском обществе формируется под влиянием социокультурного контекста и требует, как писал П. Штомпка, включения механизма социологического воображения, выработки социологического языка, позволяющего принять и понять разнообразие форм, в которых проявляется правовая культура в российском обществе, определить перспективы правового поведения в рамках норм и ценностей правовой культуры, принимать во внимание влияние «прошлого» и сделать акцент на возможных изменениях, динамике правовой культуры [11, с. 35–36].

Разумеется, механический перенос аналитических образцов, накопленных зарубежной социологической мыслью, приводит только к рецессивности, к привязке российских реальностей к социологическим абстракциям. И для того, чтобы избежать отдаленности социологического мышления от социальной и правовой реальности, требуется принятие методологических принципов, связанных с субъектно-деятельностным подходом, результативно реализуемым российскими учеными в исследовании социального сознания и самосознания, массовых настроений россиян, описания жизненных стратегий, того, что характеризуется субъективной сферой социальной жизни.

Следует отметить, что парадоксы правового сознания в российском обществе принимались во внимание учеными, но их интерпретация основывалась на приоритете идеологических допущений: либеральная мысль истолковывала парадоксы в рамках отсталости, традиционализма, архаичности «российского человека», в особенностях отношений между обществом, личностью и государством, наследия недавнего прошлого – как современная интерпретация, приоритет неписанного права и негативная мобилизация.

С другой стороны, их оппонентам не хватает аргументов, связанных с тем, что правовая система в российском обществе является мощным инструментом социокультурной модернизации, что правовая культура не эпифеноменальна, что парадоксы правовой культуры не являются кратковременными и их анализ требует применения системных оценок и подходов и определения шансов и перспектив субъективных схем восприятия правовой культуры.

В российском обществе сложилась, как отмечает Н.Е. Тихонова, противоречивая социальная структура, которая показывает расхождения,

существующие между нормативной моделью общества переходного периода и социальной реальностью. Парадокс выявляется в том, что в чистом виде не действуют факторы социальной стратификации, что основные методологические проблемы определяются расхождением между реальным и субъективным социальным статусом россиян. Но, если бы дело ограничивалось только социальными самооценками. Не работает «правило» социетального подхода, которое определяет общество как целостную систему. Дело в том, что в социальных отношениях российского общества присутствует воспроизводство «традиционности», того, что можно описать эффектом неписанного права, с другой стороны, выявляется тенденция «модернизированности», результатом которой можно назвать критериальные приоритеты доходов, образованности, профессионализма личности, а на групповом уровне социальный эффект, социальный капитал.

Эмпирические исследования определяют сложность вертикальной и горизонтальной социальной стратификации [6, с. 20–21]. Выстраивание имеющей высокую социологическую достоверность стратификационной схемы, необходимой для анализа парадоксов правовой культуры в российском обществе содержит ограничения в том, что достаточно не ясны взаимозависимости правовой культуры и социального статуса (позиции) россиян. В попытках ответить на вопрос о влиянии социоструктурного фона на правовую культуру в российском обществе исследователь должен видеть не только одномерные связи жизненных шансов и социальной мобильности личности с принятием определенного типа правовой культуры, но и постараться понять, каким образом можно избежать нормативистского подхода, при котором правовая культура неизбежно попадает под определение незрелой и несостоявшейся.

Кроме того, с учетом трудностей актуализации в исследовании правовой культуры российского общества социально-детерменистской и социоресурсной схем, наиболее важной представляется идея специфики правовых ценностей и установок россиян. Касаясь такого исследовательского шага, требуется помнить о том, что ценности и установки правовой культуры имеют различные значения для социальных слоев и групп: социально-компенсирующее и социально-адаптивное для низкостатусных социальных групп, социально-ориентационное для групп со среднестатусными позициями и «монополистическое» – для властной и экономической элит.

Не утверждая однозначно, что парадоксы правовой культуры в российском обществе порождены установками на принятие или отклонение норм и ценностей правовой культуры, можно говорить о том, что правовая культура определяет активную направленность на личностном и групповом уровнях воспринимать и формировать схемы восприятия права и оценивать свою способность влиять на социальную ситуацию на основе применения правовых норм.

Невозможно понять парадоксы правовой культуры российского общества, если не принять точку зрения, согласно которой внимание исследователя сосредотачивается на социологическом измерении правовой субъектности, конкретных социальных групп и слоев как способности актуализировать правовые нормы, ценности и установки для достижения определенных жизненных планов и выстраивания отношений в социуме.

Определение того, что является критериями правовой субъектности связано с выведением трех показателей. Во-первых, восприятие права в качестве механизма и ценности общественной жизни. Во-вторых, правовая компетентность, знания и способности, ориентированные на реализацию правовых норм, установки на право, как прагматическую, ситуативную или фундаментальную ценности [5, с. 35–36]. В третьих, выведение степени правовой субъектности на основе предпочтительности или отклонения правового поведения, реализуемого в легальных или иллегальных практиках.

Анализ схем восприятия права в российском обществе показывает, на основе результатов социологических исследований, парадоксальную картину, в которой обнаруживаются расхождения между позитивным принятием правовой культуры как необходимой современному человеку, ее приоритета в оценке культурных и интеллектуальных горизонтов личности и инструментальным активизмом, ситуативным выбором правовых норм и ценностей, что демонстрирует взаимоисключающие оценки, особенно на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия.

Россияне уверенно оценивают сложившуюся правовую систему как итог произошедших в обществе социальных и политических преобразований. И, вместе с тем, правовая система не относится к значимым результатам в массовых оценках и суждениях. Точнее, проблемы развития правовой системы воспринимаются через такие опосредующие факторы, как «социальная несправедливость», «преступность», «бюрократия», «дисциплина и порядок» [2, с. 146]. Пожалуй, наиболее приближенным показателем, характеризующем реальную правовую культуру, можно квалифицировать дисциплину и порядок. Иными словами, в обществе сохраняется запрос на принудительное право, ориентированное на авторитет государства. Здесь следует учитывать, что, так как дисциплина и порядок носят характер позитивного определения, данная позиция обуславливает парадокс правовой культуры в том, что фиксируется императивность правовых норм и ценностей, но правовая культура не входит в понятие «духовность личности». Акцент делается на прагматике права, что приводит к оттеснению правовой культуры на уровень «необязательности».

В сложившихся социальных диспропорциях социальная справедливость, являясь «пустым понятием», под которое попадают разнонаправленные интерпретации «затеняет» правовую культуру с идеалами правовой справедливости и

правового равенства. Исследователю может показаться, что россияне испытывают недоверие к институту права в силу формализма и нереализуемости правовых норм и ценностей, но в этом контексте игнорируется парадокс правовой культуры в российском обществе. Правовая субъектность россиян является «частичной», то есть, достаточной для признания и одобрения права как имеющей конкретную социальную функцию, но не соответствующую тому, что можно назвать доверием к правовой системе и ее принятию в качестве необходимого условия развития личности и общества.

Конечно, можно сослаться на тенденцию в правовой культуре за рубежом, о которой немецкий ученый Ю. Хабермас пишет как о двойственности правовых стандартов, отходе от норм и ценностей правового модерна, как об эрозии и исчезновении ценности права в рамках принятия концепции мультикультурализма [8, с. 71–72]. В российском обществе доминирует суждение о правовой культуре на уровне здравого смысла, что означает парадокс (расхождение) между правовыми институтами, ассоциируемыми с властью, и стереотипами массового сознания, в которых правовая культура не присутствует системно, интенсивно проявляется на социально-реактивном уровне, но не может быть охарактеризована как качество субъектности. В этом смысле, есть основание считать, что в обществе не сложилась референтная группа как образец правовой культуры, что ожидания по поводу выполнения такой общественной миссии российского среднего класса оказались неверными.

Судя по социологическим данным, приоритетным является противоречие между «чиновниками и гражданами», и парадокс проявляется в том, что население на уровне повседневных практик не осознает себя правовым субъектом, так как ориентировано на актуальность формулы «сложности отстаивания интересов» на основе ориентации на ценность права [2, с. 82]. Подобная ситуация может охарактеризоваться как деформация правовых ориентаций россиян, поскольку возникает расхождение между признанием правовой культуры как общественной ценности, и, в то же время, ее назначение определяется, преимущественно, негативными коннотациями общественной жизни. К тому же, снижается интерес к становлению правового субъекта, так как, «по умолчанию», респонденты полагают свое отношение к общественной ценности права через опосредующие условия «присвоения» права. Имеется в виду, что возникает предопределенность, связанная с тем, что правовые институты не действуют в интересах граждан и закрепляют монополизм элитных групп.

Возможно, поэтому российские социологи отмечают, что «средний класс» в российском варианте оказался не готовым к тому, чтобы быть носителем гражданско-правовых добродетелей, что приоритет потребительских интенций среднего класса не означает соразмерность правовых притязаний. Российский социолог О.И. Шкаратан пишет о том, что господствующий в России тип социальности содержит основные черты

этакратизма [10, с. 269]. В данном смысле, социолог подчеркивает, что огромное влияние на становление правовой культуры в российском обществе оказывает то, что можно назвать «странностями» правовой системы: прочность и устойчивость социально-правовому порядку придают массовые установки на принятие права в контексте отношений личности и государства. Что же касается такого аспекта, как общественная ценность права, можно говорить только с уверенностью о преемственности «номенклатурности», соизмерения ценности права с социально-дистрибутивным отношением.

Социологический анализ состояния правовых субъектов в российском обществе дает основания считать, что доминирование «частичных» правовых субъектов создает двойственный парадокс. С одной стороны, не возникают референтные по отношению к праву группы, и правовая культура рассматривается в контексте реального доступа к ресурсам права, что отменяет принцип универсализма правовой культуры. С другой стороны, наблюдаемая институционализация иллегальных и полулегальных поведенческих практик выводит на мысль о замещении корпоративного права и корпоративной этики позицией отклонения права.

В любом случае не работают схемы «азиатской государственности», в которых правовая культура не может утвердиться в силу произвола власти и закрытости возможностей обретения гражданско-правовых качеств. Необходимо отметить, что возникает желание «быть в тени» и использовать правовые нормы выборочно, инструментально. В этих условиях правовая культура не может быть иной, как содержащей парадоксы, расхождения между декларируемыми позициями одобрения права и реальными установками на допустимость полулегальных и иллегальных практик.

Возникает явление правовой гиперреальности, когда у респондентов формируются особые «фоновые ожидания», правовые установки, имеющие несистемный, ситуационный характер, но позволяющие адаптироваться в «размытой» правовой среде [9, с. 57]. Не стоит удивляться тому, что правовая культура в российском обществе не выполняет полностью миссию рационализации общественных отношений: этому препятствует не доминирующий частичный правовой субъект, а то, что можно описать как состояние сниженной правовой компетентности. Американские социологи в 70-е годы XX века отмечали риски корпоративизации правовой культуры, то, что в общественных отношениях формируются механизмы функционирования правовых институтов, которые нельзя объяснить с помощью правовых норм и концепций, поскольку есть расхождение между реальными установками и нормами права [1, с. 329]. Парадоксальность описываемой ситуации заключалась в том, что при декларировании приоритета правовых норм возникали риски правового присвоения юридической корпорации в силу обоснования правовой некомпетентности большинства населения.

Обращая внимание на уровень правовой компетентности в российском обществе как стартового условия для перехода от частичного правового субъекта к состоянию правовой саморегуляции на межличностном и групповом уровнях обращает на себя внимание тот факт, что, анализируя «идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае, подчеркивается, что в Китае действует непрерывность традиции «справедливость как порядок», то есть, правовая система воспринимается как «веление власти», но предполагает правовую компетентность населения, способность обращаться к правовым нормам для достижения социальной справедливости [4, с. 182].

В российском «варианте» проявляется парадоксальность восприятия правовой компетентности как желательной, но не обязательной, не имеющей влияния на социальное самочувствие, социальную самоидентификацию и социальную самооценку. В этом смысле, правовая компетентность уступает правовой ресурсности личности и ассоциируется не столько с достижением социальной справедливости или успехами личности. Речь идет о формировании личности по образу жизни, набору ценностей, правовым предпочтениям «консенсуса» относительно минимальных стандартов правовой компетентности, как социального маркера, позволяющего действовать с определенной степенью доверия к конкретной личности и конкретной группе. Это выражается в том, что нами при анализе показателей доверия в отношении правовых институтов обращается внимание на средний «уровень» доверия (32 % – к правоохранительным органам, 26 % – к судебной системе) [3, с. 132]. На первый взгляд напрашивается вывод о том, что правовые институты обладают более низкими показателями доверия не в силу дисфункциональности, неэффективности правовой системы, а под влиянием традиции «неписанного права». Однако в этом и проявляется парадоксальность правовой культуры, которая акцентирует внимание на допущении недоверия, и в правовых установках россиян прослеживается «отсутствие сопричастности правовой регуляции».

Отмеченный уровень доверия к правовым институтам отражает парадоксальную ситуацию, которая может быть описана как расхождение между принятием права «должным» в обществе, но не подтверждающимся на уровне оценок здравого смысла. Это при том, что, не конкурируя с значимостью власти, культуры, науки, правовые ценности и нормы характеризуются необходимыми свойствами, ограничивающими влияние неправовой свободы. В то же время, правовые установки не достигают диспозиционной регуляции, не являются феноменами ценностных ориентаций и не формируют направленность личности на принятие права как содержащей не только оценочный, но и когнитивный, и поведенческий смыслы.

Иными словами, в преодолении «частичного» правового субъекта в российском обществе для перехода к действующей правовой субъектности

проявляется разрыв между признанием доминанты права в современном российском обществе и принятием социально фиксированных установок на осознание частичности права. В таком контексте нет уверенности в том, что преодолеваются различия уровня доминирующей направленности интересов, которые могут иметь неправовой характер, и декларируемых ориентаций на ценность права.

Очевидно, что выход на состояние правовой субъектности как действия гражданско-правовых норм, сопряженных с ответственной личностью и стремлением к правовой идентификации на групповом уровне не является достижением ближайшего будущего. Парадоксальность правового сознания в российском обществе реально отражает сложности социальных транзитов и не может быть интерпретирована в качестве противоречий между прошлым неправовым состоянием и внедрением правового порядка в постсоветский период его истории. Как показывает анализ правовой культуры россиян, если определять ее интегральные характеристики, которые, разумеется, дифференцированы в различных социальных группах и слоях, парадоксы выявляются на уровне восприятия, интерпретации и поведения.

Во-первых, правовая культура в российском обществе содержит парадоксы «сознания», взаимоисключающие ориентации на «должное» право и необязательность в повседневных практиках на уровне «здравого смысла». Это связано с тем, что действует «дуализм» правовых норм и социальных стереотипов.

Во-вторых, в этой ситуации правовой субъект в российском обществе, которого можно характеризовать как носителя нормативной правовой культуры «частичен», ориентирован на принятие общей обязательности права в соотношении с групповыми интересами. В восприятии права присутствуют социально фиксированные установки, направленные на полезность правовых норм, но не включающие отношение к праву на основе правовой компетентности, способствующей осознанию права на уровне правовой саморегуляции.

И, наконец, работает механизм отклонения от сопричастности к правовым нормам. Здесь можно сослаться и на подданическую культуру, этатризм и, как следствие, на апатию в отношении иллегальных практик. Однако попытка взглянуть на парадоксы правового сознания в российском обществе как на состояние бесконечной правовой незрелости не могут быть интерпретированы как продуктивные.

Парадоксы правовой культуры фиксируют проблемную ситуацию построения правового общества, в котором достижение правовой саморегуляции не может быть подвержено сомнению, так как является реальным способом преодоления социокультурных травм и формирует базовый ценностный консенсус, вне которого трудно говорить о легитимации права на уровне субъективных социальных значений и смыслов.

Литература:

1. Американская социология Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
2. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. М., 2016. Т. 1.
3. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М., 2015.
4. Россия и Китай «идеальное общество» в мечтах людей в России и Китае. М., 2016.
5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция М., 2013.
6. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теория и реальность М., 2014.
7. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001.
8. *Хабермас Ю.* Расколотый запад. М., 2008.
9. *Чупров В.И.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В.И. Чупров Ю.А. Зубок Н.А Романович. М., 2014.
10. *Шкаратан О.И.* Теория и реальность М., 2012.
11. *Штомпка П.* Социология М., 2005.

Literature:

1. American sociology Perspectives. Problems. Methods. M., 1972.
2. *Gorshkov M.K.* Russian society as it is. M., 2016. Vol. 1
3. Russian society and the challenges of time. Book 2. M., 2015.
4. Russia and China «ideal society» in the dreams of people in Russia and China. M., 2016.
5. Self-regulation and forecasting of social behavior of the person: dispositional concept. M., 2013.
6. *Tikhonova N.E.* Social structure of Russia: theory and reality. M., 2014.
7. *Toshchenko J.T.* Paradoxical man. M., 2001.
8. *Habermas Y.* The split West. M., 2008.
9. *Chuprov V.I.* Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, N.A. Romanovich. M., 2014.
10. *Shkaratan O.I.* Theory and reality. M., 2012.
11. *Shtompka P.* Sotsiologiya. M., 2005.

Косынкин Александр Александрович
кандидат юридических наук,
кафедра гражданского права,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
kosynkinaa@yandex.ru

К ВОПРОСУ О БАНКРОТСТВЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Аннотация. На сегодняшний день актуальной проблемой гражданского законодательства является нерешенность вопросов, связанных с толкованием отечественного законодательства, регулирующего институт банкротства индивидуального предпринимателя. Недостаточно изучена правовая природа имущественно-организационных ограничений, возникающих в связи с банкротством индивидуального предпринимателя, мало изучены критерии восстановления его платёжеспособности и вопросы возможного предупреждения банкротства.

В статье рассматриваются особенности банкротства индивидуального предпринимателя, анализируются последствия признания предпринимателя банкротом, а также - пробелы законодательного регулирования в данном процессе.

Автором проведен анализ и исследованы проблемы, связанные с реализацией гражданского законодательства, регулирующего процедуру банкротства индивидуального предпринимателя. Особое внимание автором уделено рассмотрению проблем, связанных с отсутствием единства в выделении механизмов решения рассматриваемых проблем, поскольку иногда они являются прямо противоположными.

Автором сделан вывод о значительном резерве, существующем для совершенствования законодательства о банкротстве индивидуального предпринимателя, недостаточной развитости данного института, имеющихся пробелах в нормативном закреплении института банкротства.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, индивидуальный предприниматель, банкротство индивидуальных предпринимателей, платёжеспособность должника, реализация имущества, законодательство о банкротстве.

Институт банкротства на сегодняшний день является дискуссионной темой, поскольку нормативная база, регулирующая данный институт, довольно обширна.

Alexander A. Kosynkin
Candidate of Law Sciences,
Department of Civil Law,
Average and Volga Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice
of the Russian Federation)
kosynkinaa@yandex.ru

ON THE ISSUE OF BANKRUPTCY OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

Annotation. To date, an urgent problem of civil legislation is the unresolved issues related to the interpretation of domestic legislation regulating the institution of bankruptcy of an individual entrepreneur. The legal nature of property and organizational restrictions that arise in connection with the bankruptcy of an individual entrepreneur has not been sufficiently studied, the criteria for restoring its solvency and the issues of possible bankruptcy prevention have not been studied enough.

The article deals with the peculiarities of bankruptcy of an individual entrepreneur, analyzes the consequences of recognition of an entrepreneur as a bankrupt, as well as gaps in legislative regulation in this process.

The author analyzes and studies the problems associated with the implementation of civil legislation regulating the bankruptcy procedure of an individual entrepreneur. The author pays special attention to the problems associated with the lack of unity in the allocation of mechanisms for solving the problems under consideration, since sometimes they are directly opposite.

The authors conclude that there is a significant reserve for improving the legislation on bankruptcy of an individual entrepreneur, the lack of development of this institution, and the existing gaps in the regulatory consolidation of the bankruptcy institution.

Keywords: bankruptcy, insolvency, individual entrepreneur, bankruptcy of individual entrepreneurs, solvency of the debtor, sale of property, bankruptcy legislation.

В гражданском законодательстве предусмотрено два основания для введения процедур банкротства. Первое основание представляет собой неплатёжеспособность должника, когда юридическое лицо прекращает исполнять свои обязан-

ности перед кредиторами и не имеет финансовой возможности оплатить имеющуюся задолженность. Вторым основанием для обращения с заявлением о банкротстве является недостаточность имущества, когда сумма обязательств превышает стоимость имущества, которое принадлежит должнику.

Признать индивидуального предпринимателя банкротом вправе арбитражный суд по месту жительства индивидуального предпринимателя при наличии указанных в Законе о банкротстве условий [1]. Заявление о признании индивидуального предпринимателя банкротом может быть подано самим индивидуальным предпринимателем, уполномоченными органами, а также кредиторами, требования которых связаны с обязательствами при осуществлении должником предпринимательской деятельности.

Двойственный статус индивидуального предпринимателя как объекта предпринимательской деятельности и элемента правового статуса гражданина влечет определенного рода правовые последствия признания гражданина банкротом. В статье 214 Закона о банкротстве [1] предусмотрен признак банкротства индивидуального предпринимателя – неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. В статье 3 Закона о банкротстве предусмотрена такая же формулировка нормы в отношении юридического лица. Соответственно, для индивидуального предпринимателя должен быть использован признак неплатежеспособности.

Признак банкротства индивидуального предпринимателя – это неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

С заявлением о несостоятельности (банкротстве) индивидуального предпринимателя вправе обратиться как сам индивидуальный предприниматель, так и его кредиторы. Однако, имея просроченную задолженность, предприниматели не всегда обращаются в суд. Большое число обращений с заявлениями о признании должников банкротами также инициировано налоговыми органами, как раз ввиду того, что предприниматели, обязанные заявить о своей несостоятельности, не делают этого, а кредиторы, в свою очередь, не могут получить информацию о платежеспособности своих должников.

Среди основных аспектов правового регулирования банкротства индивидуального предпринимателя необходимо назвать следующие:

Процесс признания индивидуального предпринимателя несостоятельным (банкротом) ничем не отличается от признания несостоятельным обычного физического лица.

Существует проблема предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности индивидуального предпринимателя. Ввиду размы-

того определения целей предупреждения несостоятельности и неопределенного круга средств по обеспечению мер профилактического характера, направленных на возможность восстановления платежеспособности юридического лица, данная тема является особо актуальной.

Для решения данной проблемы необходимо законодательно очертить круг конкретных мер по предупреждению банкротства, предусмотреть обязанность субъекта предпринимательской деятельности предупреждать об ухудшении финансового положения.

Низкая результативность заключением мирового соглашения в деле о банкротстве. Эта проблема связано с участием в ней уполномоченного органа, который существенно ограничен в возможностях заключить мировое соглашение. Именно поэтому доля мировых соглашений в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей остается крайне низкой. Мировое соглашение – это процедура, подразумевающая достижение устных или письменных договоренностей, подтвержденных в суде, при которых стороны идут на определённые уступки и самостоятельно устанавливают план дальнейших действий по разрешению конфликтной ситуации.

Основаниями для отказа в утверждении мирового соглашения являются:

- нарушение установленного порядка заключения мирового соглашения;
- несоблюдение формы мирового соглашения;
- нарушение прав третьих лиц;
- противоречие условий мирового соглашения Закону о банкротстве, другим федеральным законам и иным нормативно-правовым актам;
- наличие иных предусмотренных гражданским законодательством оснований ничтожности сделок.

Согласно статье 216 Закона о банкротстве, банкротство индивидуального предпринимателя влечет последствия связанные с его предпринимательской деятельностью:

- 1) утрачивает силу государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя;
- 2) аннулируются лицензии на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности. Индивидуальный предприниматель, признанный банкротом, не может быть повторно зарегистрирован в этом же качестве в течение года с момента признания его банкротом [2, с. 110].

Немаловажным последствием при признании банкротом заключается в том, что в течение одного года после вынесения решения о признании его банкротом, он не может зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель. С одной стороны, статья 22 Гражданского Кодекса Рос-

сийской Федерации [3] говорит о том, что никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности. При этом данная же статья говорит о том, что из данного правила имеются исключения, установленные законом.

По своей правовой природе право гражданина зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя является важнейшей составляющей его правоспособности. Однако именно данный случай и является одним из исключений из правила, установленного статьей 22 Гражданского Кодекса Российской Федерации. И это исключение установлено законом о банкротстве, его целью является недопущение злоупотребления правом на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя и повышение эффективности института банкротства.

Пункт 3 статьи 216 Закона о банкротстве говорит о том, что копия решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом и о введении реализации имущества направляется арбитражным судом в орган, зарегистрировавший гражданина в качестве индивидуального предпринимателя. Это, собственно, и является механизмом контроля за индивидуальным предпринимателем, который признан банкротом. Так, пункт 4 статьи 22.1 ФЗ № 129 говорит о том, что нельзя регистрировать физлицо в качестве индивидуального предпринимателя, если не прошел год со дня, когда принято решение о признании его банкротом. Это связано с тем, что невозможно удовлетворить требования кредиторов бывшего предпринимателя.

После завершения конкурсного производства индивидуальный предприниматель, признанный банкротом, освобождается от исполнения оставшихся обязательств, связанных с его предпринимательской деятельностью, и иных требований, предъявленных к исполнению и учтенных при признании предпринимателя банкротом. Однако сохраняют силу требования граждан,

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Справочно-правовая система Консультант Плюс.
2. Шахова В.Н. Мировое соглашение как процедура банкротства индивидуального предпринимателя и правовое положение должника при ее осуществлении // Актуальные проблемы правоведения. 2018 № 2. С. 22–25.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Справочно-правовая система Консультант Плюс.
4. Суровнева А.А. Особенности банкротства индивидуальных предпринимателей // В сборнике: Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Курск, 28–30 мая 2015 г. 2015. С. 379–382.

перед которыми лицо, объявленное банкротом, несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, а также иные требования личного характера [4, с. 382].

Отдельные проблемы банкротства индивидуальных предпринимателей получили свое решение в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 51. Несомненно, данное постановление будет способствовать обеспечению единообразного применения законодательства о банкротстве индивидуальных предпринимателей. [5, с. 39]. Указанное постановление не решает все проблемы правоприменительной практики института банкротства, однако, содержит ряд уточнений по поводу информирования кредиторов должника, по проблемам определения критериев платежеспособности, вопрос об ограничениях возможности введения процедур финансового оздоровления и внешнего управления наличием, вопросы повторной регистрации индивидуального предпринимателя. Пленум в рамках своей концепции решил довольно много вопросов, однако отдельные его положения нуждаются в доработке

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время в сфере регулирования процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей остаются нерешенными большое количество проблем, которые приводят к недостаточной эффективности данной процедуры, низкому проценту восстановления платёжеспособности предпринимателей после введения восстановительных процедур, низкой доли мировых соглашений в сфере банкротства, значительным злоупотреблениям как индивидуальных предпринимателей, так и уполномоченных органов в процессе банкротства. Все вышесказанное свидетельствует о тех значительных резервах повышения эффективности, которые имеет институт банкротства индивидуальных предпринимателей в России.

Literature:

1. Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 10.26.2002 № 127-ФЗ // Reference Legal System Consultant Plus.
2. Shakhova V.N. The settlement agreement as a bankruptcy procedure of an individual entrepreneur and the legal status of the debtor in its implementation // Actual problems of law. 2018. № 2. P. 22–25
3. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994. № 51-ФЗ // Reference and Legal System Consultant Plus.
4. Surovneva A.A. Features of the bankruptcy of individual entrepreneurs // In the collection: Actual problems of the development of business entities, territories and systems of regional and municipal government. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Kursk, May 28–30, 2015. P. 379–382

5. *Пахаруков А.А.* Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей / А.А. Пахаруков, А.А. Тюкавкин-Плотников // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4(59). С. 39–50.

5. *Pakharukov A.A.* Problems of legal regulation of insolvency (bankruptcy) of individual entrepreneurs / A.A. Pakharukov, A.A. Tyukavkin-Plotnikov // Siberian Law Journal. 2012. № 4(59). P. 39–50.

Кузнецова Инна Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kuzina33@mail.ru

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье проведен анализ истории развития нормативного правового регулирования авторского права за рубежом и в Российской Федерации, уточнены аспекты возможного латентного нарушения прав авторов звукозаписывающими компаниями, продюсерскими центрами, студиями звукозаписи и мастеринговыми лабораториями, действующие как коммерческие организации. Рассмотрены первые результаты действия контрпиратского меморандума. Выявлены проблемы регистрации авторства в России, внесены предложения по законодательному реформированию порядка регистрации авторского права в РФ путем использования новых информационных технологий и отечественного программного обеспечения.

Ключевые слова: история авторского права, авторское право, объекты авторского права, регистрация прав автора.

Первопроходцем из всех государств можно считать Великобританию. Именно это государство закрепило за собой статус «родителя» термина «copyright», который до сих пор используется по всему миру как знак правовой охраны авторских и смежных прав. В разных странах развитие законодательства о защите авторских и смежных прав происходило по-разному, однако все-таки можно выделить следующие общие подходы:

Континентальный подход, преимущественно использовавшийся в англоязычных странах и базирувавшийся на охране прав авторов.

Англо-американский подход, где акцент делался именно на защите имущественных прав авторов и издателей.

Позже, по аналогии со «Статутом Королевы Анны», стали появляться термины и формулировки на уровне международных соглашений и конвенций и в законодательстве зарубежных стран.

Inna A. Kuznetsova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vladimir branch of Ranepa
under the President
of the Russian Federation
kuzina33@mail.ru

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECT
AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The article analyzes the history of the development of normative legal regulation of copyright abroad and in the Russian Federation, clarifies the aspects of possible latent violation of the rights of authors by record companies, production centers, recording studios and mastering laboratories acting as commercial organizations. The first results of the counter-piracy Memorandum are considered. The problems of authorship registration in Russia are revealed, proposals for legislative reform of the procedure of copyright registration in the Russian Federation through the use of new information technologies and domestic software are made.

Keywords: history of copyright, copyright, objects of copyright, registration of author's rights.

Создавались знаменитая Бернская конвенция (Швейцария, 1886 год), Парижская конвенция об охране промышленной собственности (Брюссель, 1883) год и другие основополагающие международные соглашения» [1].

История отечественного авторского права отлична от истории авторского права других стран не только в связи с особенностями государственного характера, но и с достаточно запоздалым его появлением на правовой арене. В Российскую практику оно пришло позже французского и всех остальных других ввиду того, что до конца 18-го века действовала государственная монополия на издательское дело.

Отличительной чертой авторского права в России являлось то, что защиты экономических прав на законодательном уровне не было, и привилегии получали больше издатели, а не авторы. Первым прогрессивным актом можно назвать цензурный устав от 22.04.1828 года. Он содержал положения «О сочинителях и издателях

книг... Срок действия авторского права составлял 25 лет со дня смерти автора, а затем произведение переходило в общественное достояние» [2]. Далее, спустя достаточный промежуток времени, область использования авторских и смежных прав начала регулироваться более детально путём принятия Положения «Об авторском праве» в 1911 году и Декрета «О научных, музыкальных и литературных произведениях», что говорит о полном осознании имущественной ценности и неимущественной ценности авторских и смежных прав. Следствием этого, как обобщение всего изданного ранее, явился закон «О собственности РСФСР», который фундаментализировал понятие «интеллектуальная собственность», в целом.

Рассматривая современный аспект регулирования правоотношений, связанных с использованием объектов авторских и смежных прав, необходимо сказать о ранее действовавшем законе РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1. Принятие данного нормативного правового акта можно смело назвать новым этапом регулирования данных правоотношений. Он приобрёл ключевое отраслевое значение и был единственным регулятором в то время. Позднее, в 1995 году Россия присоединилась к всемирной конвенции «Об авторском праве» 1971 года и Бернской конвенции «Об охране литературных и художественных произведений» 1886 года. Данные международные соглашения оказали достаточно заметное влияние на развитие правового регулирования данной отрасли права. Был введен более высокий уровень минимальной охраны произведений, обнародованных за рубежом и принцип национального режима. Далее, в 2004 году данный закон приобрел фундаментальные изменения, например, восстановил положения ретроохраны в соответствии с Бернской конвенцией, были скорректированы все сроки и введено новое «интернет-право» для эффективного правового регулирования авторских и смежных прав в интернет сети. Уже позднее, нововведенная 4-я часть ГК РФ, полностью посвященная интеллектуальным правам, за личный вклад в которую, Президент РФ Д.А. Медведев удостоился в 2008 году премии «Фемида» [3], переняла все сильные стороны ранее существовавшего закона и обзавелась некоторыми новеллами.

В современной России процедура регистрации авторского права максимально доступна и упрощена. По большому счету, существующий на данный момент времени механизм депонирования и регистрации данных прав является достаточно эффективным, но тогда, когда объект авторских прав имеет достаточно высокую экономическую ценность, зачастую, обусловленную высокими экономическими вложениями, и, в первую очередь, выгоден только для весомых лейблов, продюсерских центров, студий звукозаписи и мастеринговых лабораторий, действующих как коммерческие организации, в то время, как «рядовой» создатель продукта интеллектуальной деятельности – начинающий аранжировщик, музыкант или художник, не менее заинтересованный в сохранении прав на свое произ-

ведение, которое так же обладает главным критерием охраноспособности – оригинальностью, депонировать его просто не будет во избежание имущественных вложений и, если не длительной волокиты, то попросту, из-за присутствия самого факта официального бюрократического порядка регистрации авторских и смежных прав.

Упрощенная процедура регистрации и депонирования должна быть:

- доступной каждому желающему из любой точки земного шара посредством информационно-телекоммуникационных сетей;

- соответствовать критериям прозрачности и максимальной доступности.

Создание сервиса по загрузке объектов авторских и смежных прав, деятельность которого будет урегулирована и идентификация в котором будет происходить путем внесения биометрических данных – сканером лица или отпечатком пальца, датчики которых есть в каждом даже бюджетном смартфоне, что позволит в последствии определить первоисточник и единственно-го автора.

Весомой альтернативой данному способу официального сохранения за собой авторства и подтверждения его в случае спорной ситуации являлось бы отечественное программное обеспечение, целью которого было бы шифровка и дешифровка первичной информации, созданной автором в ходе написания произведения и привязывающейся к используемому в ходе создания произведения – графическим, видео и аудиоредакторам. Частью функционала данной процедуры явилась бы и авторизация лица только через государственные электронные сервисы, и будет хранить информацию о первичных действиях автора над своим творением, виде цифровых кодов, что уже урегулировано с существующей позицией отечественного законодательства, которая позволяет «признавать информацию об авторском праве в виде цифр и кодов» [4].

1 ноября 2018 года на территории России начал действовать контрпиратский меморандум. Он был подписан крупнейшими интернет-компаниями и правообладателями. Посредником данной сделки выступил профильный орган государственной власти – Роскомнадзор. «Стороны соглашения договорились о совместной борьбе с незаконным размещением видеофайлов и видеотрансляций, а также музыкальных и звуковых сопровождений к ним, об удалении различных пиратских файлов с интернет-пространства. Роскомнадзор, в свою очередь, администрирует специальный реестр с запрещенными сайтами. Он получает право принимать решение по внесению того или иного ресурса в реестр пиратских. Пока данное соглашение ограничивается лишь кругом лиц, подписавших его на сегодняшний момент, но в дальнейшем предусмотрена возможность расширения списка участников меморандума. Основное отличие данного меморандума от уже существующего антипиратского

закона состоит в том, что правообладатель может добиваться блокировки нелегальных ресурсов без разбирательств в суде». Большая же часть правообладателей настаивает на том, чтобы положения меморандума в дальнейшем получили законодательное закрепление. Соответствующие инициативы будут разработаны Минкультом РФ и Минкомсвязи РФ. «Ущерб, понесенный правообладателями в 2018 году, составил около 70-и миллиардов рублей» [5].

Действие одноименного антипиратского закона в нашей стране во всех отчетах уже отмечают профильные службы и агентства. Так, отмечается, что «в связи с принятием мер по удалению информации, распространяемой с нарушением авторских и смежных прав – в настоящее время ограничен доступ к 2,2 тысячам Интернет-ресурсам» [6]. Антипиратский, ещё в среде пользователей называемый как антипиратский закон, несомненно, внес свою лепту в борьбу с пиратством, но, по мнению специалистов ведущих медиа-холдингов, все-таки является не совсем эффективным. Невозможно не согласиться с тем, что часть торрент-трекеров все-таки получилось заблокировать и при этом погасить интерес части пользователей в сети к пользованию такими ресурсами через возможные пути обхода, однако, вопрос пользования зарубежным VPN, который позволяет пользоваться этими и иными

Литература:

1. Источник: Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL : <https://www.wipo.int/portal/ru>
2. Библиотека репринтных изданий «Классика Российского права». URL : <http://civil.consultant.ru/reprint/>
3. Источник: РИА-Новости. URL : <https://ria.ru/16.02.2008 год>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.09.2019).
5. Газета «Коммерсант» № 190 от 17.10.2018. URL : <https://www.kommersant.ru>
6. По данным Федеральной службы по надзору в сфере, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL : <http://rkn.gov.ru>

однородными ресурсами в обход существующего законодательства, остается открытым и весьма актуальным.

Продукты интеллектуальной деятельности человека и, в частности, рассматриваемый нами аспект реализации и использования авторских и смежных прав, в современном мире приобретают большую востребованность как имущественный актив. Во многом это обусловлено развитием информационных технологий и интернет-пространства, так часто являющихся инструментом и посредником для реализации авторского и смежного права, с одной стороны, так и площадкой для реализации противоправного умысла – с другой. Все предложенные выше изменения необходимо учесть и проанализировать с точки зрения теоретических и практических аспектов их действия и применять в отечественном правовом поле. Так, усовершенствование процедуры регистрации авторских и смежных прав путем введения упрощенного, общедоступного порядка позволит более широкому кругу авторов и создателей получить формально-определенные гарантии защиты своих прав: от фотографов и музыкантов до научных деятелей. Альтернативное использование программного обеспечения, также упомянутое выше, обеспечит высокую эффективность защиты авторских и смежных прав.

Literature:

1. Istochnik: Vsemirnaya organizatsiya intelektual'noy sobstvennosti. URL : <https://www.wipo.int/portal/ru>
2. Biblioteka reprintnykh izdaniy «Klassika Rossiyskogo prava». URL : <http://civil.consultant.ru/reprint/>
3. Istochnik: RIA-Novosti. URL : <https://ria.ru/16.02.2008 год>.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 23.09.2019).
5. Gazeta «Kommersant» №190 ot 17.10.2018. URL : <https://www.kommersant.ru>
6. Po dannym Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere, informatsionnykh tekhnologiy i massovykh kommunikatsiy. URL : <http://rkn.gov.ru>

Маховская Анастасия Андреевна
аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
a_makhovskaya@mail.ru

РАССМОТРЕНИЕ СООБЩЕНИЯ О НЕЗАКОННОМ ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ: ВОЗМОЖНЫЙ АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ НАДЛЕЖАЩИХ СУБЪЕКТОВ В ТИПИЧНЫХ ЕГО СИТУАЦИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются типичные криминалистические ситуации, сформулированные в соответствии с положениями ч. 1 ст. 140 УПК РФ, возникающие в ходе рассмотрения сообщения о незаконном лишении свободы, как самостоятельного этапа административной, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, и возможный алгоритм действия следователя (дознавателя) в каждой из них.

Ключевые слова: криминалистика, преступление, рассмотрение сообщения о преступлении, методика раскрытия и расследования преступлений, незаконное лишение свободы, криминалистическая ситуация.

Досудебное производство в уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее УПК РФ), как известно, включает две стадии: а) возбуждения уголовного дела и б) предварительного расследования.

Стадия возбуждения уголовного дела является исходной, отправной «позицией» в расследовании любого преступления и содержит в себе комплекс действий, имеющих процессуальный, организационный и иной характер, направленных на: 1) принятие уполномоченным должностным лицом сообщения о преступлении; 2) проверку надлежащим субъектом фактов и обстоятельств, содержащихся в сообщении; 3) принятие им процессуального решения по итогам осуществленной проверки. [1, с. 48, 52, 59].

Результаты проведенного нами исследования [6] показали, что проверка сообщений о незаконном лишении свободы, как криминалистический этап деятельности надлежащих субъектов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) проводилась в 100 % случаев и это является достаточно характерным показателем для рассматриваемого состава преступления и не только.

Anastasiya A. Makhovskaya
Graduate student
of the Criminalistics Department,
Kuban State University
a_makhovskaya@mail.ru

CONSIDERATION OF A REPORT OF UNLAWFUL DEPRIVATION OF LIBERTY: A POSSIBLE ALGORITHM FOR APPROPRIATE ACTORS TO ACT IN TYPICAL SITUATIONS

Annotation. The article discusses typical forensic situations formulated in accordance with the provisions of Part 1 of Art. 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation arising during the consideration of reports of unlawful deprivation of liberty as an independent stage of the administrative, criminal procedural and operational-search activities of an inquiry officer, inquiry body, investigator, head of the investigating authority, and a possible algorithm for the actions of the investigator (interrogator) in each of them.

Keywords: forensic science, crime, consideration of a report of a crime, methods of disclosing and investigating crimes, illegal imprisonment, forensic situation.

По нашему мнению, рассматриваемый этап имеет определенную организационную, тактическую и методическую специфику деятельности дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного подразделения, в связи с чем, для субъекта проверки очень важно своевременно определить и дать объективную оценку криминалистической ситуации, складывающейся в ходе ее проведения, в соответствии с требованиями ст. 140, 145 УПК РФ [3, с. 75–79].

Значение типичных криминалистических ситуаций в ходе *рассмотрения сообщения о незаконном лишении свободы* заключается в том, что на их основе надлежащий субъект проверки может сформулировать общие и частные криминалистические версии и начать их реализацию уже в ходе проверки сообщения (второй стадии рассмотрения сообщения о преступлении) [2, с. 48, 52], получая при этом, не только ориентирующую, но и доказательственную информацию по обстоятельствам, изложенным в сообщении (заявлении).

Криминалистическую ситуацию, сложившуюся в ходе рассмотрения сообщения о преступле-

нии, возможно представить, как сложную поисковую и информационно-познавательную систему действий, обусловленных ограниченным промежуточным временем, соответствующими процессуальными, административными и розыскными действиями, а также наиболее важными как профессиональными, так и личностными качествами надлежащего субъекта рассмотрения сообщения о преступлении.

И так, *типичные ситуации рассмотрения сообщения о незаконном лишении свободы*, в случае реализации положений ст. 144 УПК РФ при наличии одного из поводов, регламентированных ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Известно, что поводами для возбуждения уголовных дел, в том числе и о незаконном лишении свободы, как основанием для классификации типичных ситуаций, являются:

- 1) заявление о преступлении, поступившее от потерпевшего – почти в 73 % случаев;
- 2) явка с повинной – более чем в 21 % случаев;
- 3) постановление прокурора (п. 4. ч. 1 ст. 140 УПК РФ) — около 3% случаев;
- 4) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, примерно, в 2 % случаев.

Первая ситуация. *В правоохранительный орган по мобильной связи поступило сообщение о совершении незаконного лишения свободы от пострадавшего, очевидца или иного осведомленного лица.*

В указанной ситуации возможный алгоритм действий надлежащего субъекта проверки может выглядеть следующим образом:

- 1) получение от заявителя информации в письменном виде о сообщаемом происшествии; при этом, обязательно устанавливаются (выясняются): а) характер правонарушения; б) адрес и его точное место; в) время совершения; г) номер телефона заявителя (адрес проживания); д) имеется ли у лица, заподозренного в совершении незаконного лишения свободы, оружие или предметы, используемые в качестве оружия; д) необходимость вызова кареты скорой медицинской помощи; з) имеются ли очевидцы происшествия и (или) иные осведомленные лица;

- 2) заявителю сообщается о наиболее вероятном времени прибытия наряда полиции, СОГ (следственно-оперативной группы) на место происшествия, которые обязательно информируются о характере происшествия и о возможной необходимости применения табельного оружия или организации преследования подозреваемого по «горячим следам».

Задача сотрудников полиции, выехавших на место происшествия, заключается в том, чтобы: а) проверить полученную в сообщении информацию на месте: соответствуют ли факты, изложенные в нем, действительности; б) установить

личность заявителя, возможно, иных очевидцев или осведомленных лиц; в) в случае необходимости, пресечь противоправные действия, оказавшие первую медицинскую помощь пострадавшему; г) получить объяснения у пострадавшего, заподозренного лица и, возможно, очевидцев происшествия; д) провести осмотр места происшествия; е) если лицо, заподозренное в совершении незаконного лишения свободы скрылось, по возможности: уточнить его личность, место жительства, габитоскопические данные (возраст, рост, телосложение, элементы лица и их признаки, одежда, обувь, головной убор и др.) и организовать, с помощью оперативных служб, поиск «по горячим следам».

Вторая ситуация. *В правоохранительный орган поступило надлежаще оформленное сообщение в письменном виде о совершении незаконного лишения свободы от пострадавшего, очевидца или иного осведомленного о преступлении (его эпизодах, особенностях) лица.*

В этой ситуации субъект проверки: а) после получения (принятия) письменного заявления о незаконном лишении свободы, подробно опрашивает заявителя о произошедшем событии и о лице, возможно, к нему причастном (его внешние элементы и их признаки, место жительства, круг общения, телефон и т.п.); б) выезжает на место происшествия и проводит его осмотр, возможно, с участием заявителя; в) устанавливает очевидцев и (или) осведомленных лиц; г) в случае необходимости, направляет пострадавшего на судебно-медицинское освидетельствование; д) если заподозренное лицо известно, предпринимает меры для его задержания по «горячим следам»; е) если же данное лицо неизвестно, предпринимает меры по его установлению с помощью оперативных служб, задержанию и идентификации.

Третья ситуация. *Лицо, совершившее незаконное лишение свободы, задержано на месте происшествия или сразу же после него «по горячим следам»; субъект расследования обладает информацией о месте, времени, обстановке и способе совершения преступления; отдельных материальных следах и механизме их образования; некоторыми персональными данными задержанного; возможно, о мотиве совершения преступления и некоторые др.*

В данном случае, порядок действий субъекта проверки может быть следующим: 1) получение объяснений: от пострадавшего и иных лиц, обладающих необходимой и достаточной информацией о произошедшем событии; заподозренного в совершении незаконного лишения свободы; 2) осмотр места происшествия; 3) назначение судебно-медицинского освидетельствования (экспертизы) пострадавшего в целях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью; 4) назначение, в случае необходимости: криминалистической экспертизы материалов и веществ, баллистической экспертизы, экспертизы холодного оружия и др.

Четвертая ситуация. В правоохранительном органе имеется надлежаще оформленное сообщение о совершённом или готовящемся незаконном лишении свободы лица из иных источников: рапорта сотрудника ППС, ДПС, участкового уполномоченного полиции и т.п., а также следователя, дознавателя, обнаруживших, в ходе расследования других преступлений, признаки объективной стороны данного вида преступления.

В предлагаемой ситуации субъект проверки: а) вызывает и получает надлежаще оформленные объяснения от пострадавшего, очевидцев и иных осведомленных лиц, обладающих необходимой информацией; б) проводит, в случае необходимости, судебно-медицинское освидетельствование пострадавшего или назначает проведение судебно-медицинской экспертизы; в) проводит осмотр места происшествия; г) назначает проведение возможных и необходимых криминалистических экспертиз; в случае необходимости, принимает участие в ее производстве и получает заключение эксперта в разумный срок; д) истребует предметы и документы, содержащие сведения, имеющие сейчас или, возможно, в последствии – отношение к преступному событию; е) в случае задержания подозреваемого, получает от него надлежаще оформленное объяснение о произошедшем событии и его роли (участии) в нем.

Пятая ситуация. В правоохранительный орган поступило постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по факту незаконного лишения свободы лица. Пример такой ситуации: «... в ходе судебного заседания по обвинению гр. Б. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 156 («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего») и ч. 1. ст. 117 УК РФ («Истязание»), в ходе допроса сторон, государственный обвинитель выявил признаки совершения объективной стороны еще и незаконного лишения свободы (п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ), которые не были обнаружены и не получили оценку в ходе предварительного расследования...» [5].

В данной ситуации возможны следующие действия субъекта проверки: а) вызов и получение объяснения от пострадавшего; его надлежащее оформление; б) установление, вызов и опросы очевидцев и иных лиц, обладающих необходимой информацией; их надлежащее оформление; в) проведение судебно-медицинского освидетельствования пострадавшего (в случае необходимости); г) вызов и получение объяснений от лица, заподозренного в совершении незаконного лишения свободы; надлежащее его оформление; в) проведение осмотра места происшествия; г) назначение необходимых судебных экспертиз; д) истребование предметов и документов, содержащих сведения, относящихся к совершенному событию, в том числе, из материалов уголовного дела и пр.

Шестая ситуация. В правоохранительный орган обратилось лицо, совершившее незаконное лишение свободы, с намерением изложить все обстоятельства преступления; «явка с повинной» данного лица принята и надлежащим образом оформлена уполномоченным лицом к исполнению.

Возможные действия субъекта проверки в данной ситуации: а) опросить лицо, обратившееся с явкой с повинной; в случае сомнения во вменяемости заподозренного лица, назначить судебно-психиатрическую экспертизу; б) установить, вызвать и опросить пострадавшего от совершения преступления; надлежаще оформить его результаты; в) выехать на место происшествия и провести его осмотр с участием заподозренного лица; в) установить, вызвать и опросить очевидцев преступления; надлежаще оформить результаты опросов; г) в случае необходимости, назначить соответствующие судебные экспертизы; д) истребовать предметы и документы, имеющие сейчас или могущие иметь отношение к произошедшему событию, впоследствии; е) направить запросы о предоставлении материалов, характеризующих лицо, обратившегося с явкой с повинной.

Седьмая ситуация. Следователь (дознаватель) в рамках рассмотрения сообщения о преступлении, получил протокол принятия устного сообщения о преступлении; имеется протокол осмотра места происшествия, а также письменные «объяснительные» в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ от пострадавшего, очевидца, осведомленного лица.

В ходе изучения этих материалов, в целях устранения неточности в квалификации преступного деяния (ст. 126 УК РФ или ст. 127 УК РФ), субъект проверки может: а) истребовать (по возможности) записи с камер видео-наблюдения; б) назначить судебно-медицинскую экспертизу; в) провести судебно-медицинское освидетельствование, к примеру, в случае выявления признаков совершения незаконного лишения свободы с применением насилия опасного для жизни и здоровья и др.

Согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ, по сообщению о преступлении могут быть приняты решения: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд. О принятом решении сообщается заявителю.

В соответствии с изложенным выше, возможно сформулировать вывод о том, что рассмотрение сообщения о преступлении является важным самостоятельным этапом административной, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в досудебном производстве [4, с. 75–79]. Указанные субъекты обязаны своевременно и правильно определить ситуацию, сложившуюся на момент рассмотрения сообщения о преступле-

нии; объективно оценить возможность и (или) необходимость проверки фактов и обстоятельств, изложенных в нем; в случае ее проведения:

Литература:

1. *Рябов Е.В.* Методика расследования хулиганства : научно-практическое пособие / Е.В. Рябов, А.И. Натура; Под общ. ред. проф. А.И. Натеры. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 48, 52, 59.
2. *Рябов Е.А.* Указ. раб. / Е.А. Рябов, А.И. Натура. С. 48, 52.
3. *Натура А.И.* Рассмотрение сообщения о преступлении как криминалистический этап получения доказательств и иной информации о незаконном лишении свободы / А.И. Натура, А.А. Маховская // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 75–79.
4. *Натура А.И.* Указ. раб. / А.И. Натура, А.А. Маховская. С. 75–79.
5. Уголовное дело № 1. 207/2018 Отрадненский районный суд Краснодарского края. Архив за 2018г. Уголовное дело № 1. 24/2018 судебный участок № 187 Отрадненского района Краснодарского края. Архив за 2018 г.
6. Здесь и весь последующий материал в статье основан на результатах опроса 162 следователей и дознавателей; 102 оперативных уполномоченных полиции и участковых уполномоченных полиции, а также изучения 132 архивных уголовных дел исследуемого вида преступления.

объективно оценить полученный результат и, в соответствии со ст. 145 УПК РФ, принять одно из трех процессуальных решений.

Literature:

1. *Ryabov E.V.* Methods of investigation of hooliganism: a scientific and practical manual / E.V. Ryabov, A.I. Natura; under the total. ed. prof. A.I. Nature. M. : Yurlitinform, 2014. P. 48, 52, 59.
2. *Ryabov E.A.* Decree. slave / E.A. Ryabov, A.I. Natura. P. 48, 52.
3. *Natura A.I.* Consideration of a crime report as a forensic stage in obtaining evidence and other information about illegal deprivation of liberty / Natura A.I., Makhovskaya A.A. // Theory and Practice of Social Development. 2018. № 1. P. 75–79.
4. *Natura A.I.* Decree. slave / A.I. Natura, A.A. Makhovskaya. P. 75–79.
5. Criminal case № 1. 207/2018 Otradnensky District Court of the №. 1. 24/2018 judicial section № 187 of the Otradnensky district of the Krasnodar Territory. Archive for 2018.
6. Here, and all subsequent material in the article is based on a survey of 162 investigators and interrogators; 102 operational police commissioners and precinct police officers, as well as the study of 132 archived criminal cases of the investigated type of crime.

Овсянникова Мария Александровна
студентка 5 курса
юридического факультета,
Юго-Западный
государственный университет
diabolica13@mari@mail.ru

Тарькин Владимир Константинович
доцент,
кафедра уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
tarykin.vladimir@yandex.ru

Тулиёва Виктория Витальевна
студентка 5 курса
юридического факультета,
Юго-Западный
государственный университет
tulyyova@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики преступности в местах лишения свободы за последние 5 лет. На основе полученных результатов авторами рассмотрены основные предложения по проведению предупредительных мероприятий в целях недопущения совершения новых преступлений в исправительных учреждениях. Исследована динамика изменения преступности в местах лишения свободы, а также проанализированы основные аспекты предупреждения пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарная преступность, преступность в местах лишения свободы, исправительные учреждения, предупреждение, состояние преступности, отбывание наказания, осужденные.

В реалиях современности существует множество социально обусловленных проблем, однако, наиболее серьезной, как нам представляется, является преступность в местах лишения свободы. Это обусловлено тем, что совершение осужденными преступных деяний в период отбывания наказания в виде лишения свободы свидетельствует о наличии серьезных недостатков в деятельности органов уголовно-исполнительной системы. В связи с этим, нам представляется актуальным исследовать динамику изменения преступности в местах лишения свободы, а также рассмотреть основные аспекты предупреждения пенитенциарной преступности.

Maria A. Ovsyannikova
Student of the 5th course
Law Department,
South-West State University
diabolica13@mari@mail.ru

Vladimir K. Tarykin
Assistant Professor,
Department of Criminal Law
South-West State University
tarykin.vladimir@yandex.ru

Victoria V. Tulyyova
Student of the 5th course
Law Department,
South-West State University
tulyyova@yandex.ru

PREVENTION OF VARIOUS TYPES OF CRIMES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY: THEORY AND PRACTICE

Annotation. The article is devoted to the analysis of the dynamics of crime in prison over the past 5 years. Based on the results obtained, the main proposals for preventive measures to prevent the Commission of new crimes in correctional institutions are considered. The dynamics of changes in crime in places of deprivation of liberty is studied, as well as the main aspects of the prevention of penitentiary crime are analyzed.

Keywords: criminal-executive system, penitentiary crime, crime in places of deprivation of liberty, correctional institutions, prevention, state of crime, serving of punishment, convicted persons.

Новая основная цель Концепции развития УИС до 2020 года и ФЦП на 2017–2025 годы – сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы – не реализуется в должной мере, а преступность в местах лишения свободы по-прежнему представляет собой сложную проблему не только для пенитенциарных учреждений, но и для всего современного общества, что подтверждают статистические данные стабильного роста числа осужденных в три и более раз [5, с. 91–92].

Динамику преступности в местах лишения свободы целесообразно изучить посредством анализа статистических данных ФСИН России, от-

ражающих основные показатели рассматриваемого вида преступности [7]. Обратимся к данным, указанным в таблице 1.

Таблица 1

Сведения о совершенных преступлениях в исправительных колониях за период 2014–2018 гг.

		2014	2015	2016	2017	2018
Совершено преступлений – всего		754	838	851	875	913
В том числе	убийства (ст.105 УК РФ)	14	18	10	14	4
	действия, дезорганизирующие работу ИУ (ч. 3 ст. 321 УК РФ)	12	13	8	6	13
	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1–4 ст. 111 УК РФ)	42	49	47	23	29
	побеги (ст. 313 УК РФ)	121	123	101	106	103
	в том числе покушения	6	7	8	8	3
	Захваты заложников (ст. 206 УК РФ)	0	2	0	1	0

Вышеуказанные данные свидетельствуют об увеличении числа преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Наибольший прирост преступлений характерен для 2015 года и составляет 11 %. В период с 2015 по 2016 гг. такой прирост составил 2 %; с 2016 по 2017 – 3 %; с 2017 по 2018 гг. – 4 %. За рассматриваемый период (2014–2018 гг.) общее количество преступлений, совершенных в местах лишения свободы, составило приблизительно, 20 %.

Как справедливо отмечает И.С.Фомин, «преступность в местах лишения свободы заметно изменилась: образовались новые виды преступлений, связанные с развитием нанотехнологий, заметным имущественным расслоением общества, разрастанием межэтнических и межрелигиозных конфликтов, преступности иностранных граждан транснационального характера, увеличением количества преступлений на почве религиозного экстремизма и терроризма, а также, появлением этнической преступности» [6, с. 244].

Под предупреждением преступности как совокупности системных и взаимосвязанных мероприятий И.Х. Дакашев предлагает понимать «интегрированную деятельность уголовно-исполнительной системы в целях снижения риска совершения преступлений в местах лишения свободы посредством выявления и устранения факторов, им способствующих (профилактика), недопущения готовящихся преступлений» [2, с. 151].

Задачи по предупреждению преступности в местах лишения свободы возложены на сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, деятельность которых также заключается в выявлении причин, способствующих совершению преступлений.

Специалисты выделяют следующие задачи указанной деятельности:

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, со-

вершающих или совершивших преступления;

– добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации [1, с. 57].

Рассматривая вопрос предупреждения преступности в местах лишения свободы, А.М. Игнатъев отмечает, что «необходимо выработать комплексный подход к предупреждению совершения осужденными новых преступлений путем анализа основных детерминант и последующего влияния на них с целью исключения возможности дальнейшей преступной деятельности лиц, находящихся под надзором в учреждениях УИС» [3, с. 151].

Ранее рассматривался вопрос о формировании новых видов преступлений для мест лишения свободы – преступления экстремистской направленности. В свою очередь, Н.В. Редега считает, что «важное место в направлении предупреждения преступлений экстремистской направленности должна занимать индивидуальная работа, как с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, за подобные деяния, так и с осужденными, имеющими склонность к усвоению радикальной идеологии, при этом планирование этого процесса и его реализация осуществляются с учетом причин и условий преступного поведения» [4].

Таким образом, исследование статистических показателей, совершаемых в местах лишения свободы преступлений за последние 5 лет, свидетельствует о наличии тенденции к увеличению общего числа преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. При этом появляются новые виды преступных деяний, наличие которых ранее не было свойственно учреждениям УИС (например, преступления экстремисткой направленности), в связи с чем, возникает необходимость в разработке эффективных мер по предупреждению таких преступлений.

Литература:

1. Берстнева О.А. Преступность в местах лишения свободы / О.А. Берстнева, А.Е. Егер //

Literature:

1. *Berstneva O.A.* Crime in places of deprivation of liberty / O.A. Berstneva, A.E. Eger // Innovative sci-

Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: мат. Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. 2018. С. 55–60.

2. *Дакашев И.Х.* Предупреждение преступности в местах лишения свободы на современном этапе // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: мат. Междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. 2018. С. 64–67.

3. *Игнатьев А.М.* Преступность в местах лишения свободы и её детерминанты // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: мат. II Междунар. науч.-практ. конф. приуроченный ко дню принятия Уголовного кодекса РФ. 2018. С. 148–151.

4. Сотрудники психологической службы обсудили выполнение актуальных вопросов профилактики идеологии терроризма в учреждениях уфсин россии по калужской области : официальный сайт ФСИН России. URL : http://фсин.рф/news/detail.php?ELEMENT_ID=451142&phrase_id=1211602 (дата обращения 12.05.2019).

5. *Тарыкин В.К.* Динамика изменения преступности в местах лишения свободы: проблемы профилактики / В.К. Тарыкин, И.А. Шуклин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 85–94.

6. *Фомин И.С.* Аспекты предупреждения этнической преступности, религиозного экстремизма в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология, право: мат. Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 243–246.

7. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых: официальный сайт ФСИН России. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20soderghixsya%20v%20IK/> (дата обращения 12.05.2019).

entific research: eoria, methodology, pratkika: mat. Mezhdunar. (заоч.) науч. -практ. конф. 2018. P. 55–60.

2. *Dhakashev I.H.* Prevention of Crime in Places of Deprivation of Liberty at the Present Stage // Problems and Prospects of Development of the Penal Correction System of Russia at the Collective Stage: Mat. Mezhdunar. academic and research conference, graduate students, cadets and students. 2018. P. 64–67.

3. *Ignatiev A.M.* Criminal in places of deprivation of liberty and its determinants // Criminal law: modern state and prospects of development: mat. The II Mezhdunar. academic and research conference, dedicated to the day of adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. 2018. С. 148–151.

4. Employees of the psychological service discussed the implementation of topical issues of prevention of the ideology of terrorism in the institutions of the ufsin of Russia in the Kaluga region: the official website of the Federal Penal Correction Service of Russia. URL : http://фсин.рф/news/detail.php?ELEMENT_ID=451142&phrase_id=1211602 (date of appeal 12.05.2019).

5. *Tarykin V.K.* Dynamics of crime change in places of deprivation of liberty: problems of prevention / V.K. Tarykin, I.A. Shuklin // News of the South-West State University. Series: History and Law. 2019. Vol. 9. № 3. P. 85–94.

6. *Fomin I.S.* Aspects of prevention of ethnic crime, religious extremism in places of deprivation of liberty // Penal enforcement system: pedagogy, psychology, law: mat. All-Russian scientific and practical conference. 2018. P. 243–246.

7. Description of persons detained in adult correctional colonies: official website of the Federal Penal Correction Service of Russia. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-kalicsodergahixsyavIK/> (date of appeal 12.05.2019).

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

СУЩНОСТЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Принудительные меры медицинского характера (далее ПММХ) призваны защитить общество от посягательств лиц, страдающих психическими заболеваниями, и, в то же время, они позволяют оказывать им медицинскую помощь для лечения или улучшения их психического состояния. Рассмотрение видов принудительных медицинских мер, в основном, ограничивается характеристиками наблюдения, проводимого в медицинском учреждении или там, где постоянно находится пациент. В то же время, меры, включенные в содержание каждого их вида и которые направлены на достижение юридической цели, не принимаются во внимание. Автор делает попытку привлечь внимание на необходимость более углубленного изучения самой природы ПММХ.

Ключевые слова: медицинские меры, принудительный характер, преступление, ответственность, вменяемость.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства РФ, основными задачами уголовного производства являются пресечение преступлений и назначение справедливого наказания виновным в их совершении лицам. Кроме того, недопустимым является привлечение к ответственности и осуждение невиновных.

В то же время, случается, несмотря на то, что в действиях лица имеются признаки объективной стороны преступления, которые вполне могли бы найти подтверждение в рамках состязательного уголовного процесса, достичь необходимых целей невозможно. Таковое происходит, когда лицо, совершившее преступление, не подлежит привлечению к уголовной ответственности в силу психического состояния его здоровья.

Вопрос о генезисе принудительных мер медицинского характера (далее, ПММХ) остается спорным. И.Н. Быканов отмечает, что «принудительные меры медицинского характера – это принудительное психиатрическое лечение, применяемое судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы к лицам, страдающим определенными психическими рас-

Andrei A. Savin
Senior teacher of Department
Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Aasavin33@mail.ru

ESSENCE OF FORCED MEASURES OF MEDICAL CHARACTER

Annotation. Coercive measures of a medical nature (hereinafter referred to as PMMX) are designed to protect society from the attacks of persons suffering from mental illness, and at the same time they allow them to provide medical care to treat or improve their mental state. Consideration of the types of compulsory medical measures is mainly limited to the characteristics of surveillance conducted in a medical institution or where the patient is constantly located. At the same time, the measures included in the content of each type and which are aimed at achieving a legal goal are not taken into account. The author makes an attempt to draw attention to the need for a more in-depth study of the very nature of PMMX.

Keywords: medical measures, coercive nature, crime, responsibility, sanity.

стройствами и совершившими деяния, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса, а также – к алкоголикам, наркоманам и лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, виновным в совершении преступлений» [1].

Мы не готовы полностью с этим согласиться. С одной стороны, решая вопросы о возможности и необходимости применения ПММХ в порядке ст. 439 УПК РФ, суд принимает результаты судебно-психиатрической экспертизы в отношении подсудимого лица как установленный факт. Одновременно, заключение указанной экспертизы является лишь одним из доказательств по делу, не имеющим, в соответствии со статьей 88 УПК РФ, установленной силы в отсутствие совокупности иных доказательств. Мы полагаем, что в случае, если судебно-психиатрическая экспертиза признает лицо на момент совершения преступления невменяемым или страдающим опасным психическим заболеванием, или прибредшим данное состояние после совершения преступления, суд вправе обоснованно отказать применять ПММХ. В связи с этим, указанную дефиницию, по нашему мнению, целесообразно

расширить, изложив в следующей редакции: «Принудительные меры медицинского характера – это принудительное психиатрическое лечение, назначаемое судом на основании результатов судебно-психиатрической экспертизы и иных доказательств по делу в их совокупности».

Сущность ПММХ по устоявшемуся мнению состоит в том, «чтобы обеспечить – как отмечает Г.В. Назаренко – безопасность психически больных и защитить от них общество» [2]. Одновременно, указанные меры нельзя объединять с гражданско-правовой процедурой принудительного помещения в психиатрический стационар, так как безусловным основанием для применения ПММХ является совершение лицом деяния, включенного в Особенную часть уголовного кодекса РФ. Принудительные медицинские меры, хотя и не являются мерой наказания, очевидно, связаны с существенным ограничением прав граждан.

П.А. Колмаков рассматривает ПММХ как «особый вид меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законодательством, применяемые судом в определенном уголовно-процессуальном порядке к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости либо делающим невозможным назначение, либо исполнение наказания...» [3]. П.А. Колмаков, как и многие ученые, интересующиеся рассматриваемой тематикой, стремится не только отразить содержание и цели ПММХ, но и – указать категории лиц, в отношении которых они должны быть применимы.

Проанализировав предложенные определения сущности ПММХ, можно выделить их основные черты.

ПММХ – это, в первую очередь, форма государственного принуждения; мера уголовно-правового характера; она может быть применима исключительно к ограниченному кругу лиц.

Существует и другая точка зрения, согласно которой ПММХ являются мерами социальной защиты от общественно-опасных деяний психически нездоровых лиц [4]. Сторонники данного довода отмечают, что принудительные медицинские меры по своей природе не являются исключительно уголовно-правовыми, хотя и закреплены в Уголовном кодексе РФ [5].

По мнению ряда авторов, задачей уголовного закона является защита от преступных посягательств, тогда как деяние, совершаемое лицом невменяемым, не может рассматриваться как преступное [6]. Соглашаясь с таким мнением, мы также полагаем, что не имеет умысла соверше-

ние преступления лицом, которое, в силу своего болезненного психического состояния, не может отдавать отчет своим действиям и руководить ими.

А.Ю. Коптяев, рассматривая природу ПММХ, высказывает мнение о том, что они носят исключительно характер гражданско-правовых отношений, и предлагает перенести судопроизводство об их применении из уголовного в гражданское с учетом требований Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [7]. По его мнению, указанный закон больше соответствует специфике ПММХ, поскольку создан для регулирования общественных отношений, возникающих в связи с психическими расстройствами у граждан [8].

Каждое из вышеуказанных мнений и взглядов на природу и сущность принудительных медицинских мер заслуживают отдельного и особого внимания и обсуждения. Каждый приведенный довод достоин законодательно и научно мотивирован и имеет право, по нашему мнению, на существование. Однако мы в большей степени придерживаемся той точки зрения, что принудительные меры медицинского характера являются, в первую очередь, одной из разновидностей мер безопасности. От юридической ответственности, как отмечает Е.В. Шпынова, меры безопасности отличаются ряд существенных признаков, таких как непосредственная цель, фактические основания и процедура их реализации [9].

Как для нас очевидно, цель применения ПММХ – это, в своей основе, не наказание за совершенное деяние, а ограждение лица, совершившего его, в условия, при которых общество будет обезопасено от его возможных преступных посягательств и, одновременно, оно не сможет причинить вред самому себе. Необходимо учитывать, что принудительные медицинские меры существенно ограничивают конституционные права гражданина и могут быть применены только в том случае, когда факт совершенного преступления очевиден. Одновременно, нельзя ограничиваться только случаями фактического установления факта проступка. Должно быть достаточным и наличие угрозы их наступления.

Исходя из приведенных доводов и мнений по ПММХ, мы предлагаем рассматривать вид государственного принуждения, направленный на установление безопасной среды в обществе, назначаемый только по решению суда в отношении лица, совершившего включенное в уголовный закон деяние в состоянии невменяемости, или у которого такое состояние наступило после совершения преступления и сделало невозможным назначение ему наказания.

Литература:

1. *Быканов И.Н.* О генезисе принудительных мер медицинского характера // ВЭПИ. Территория науки. 2014. № 1. С. 146.

Literature:

1. *Bykanov I.N.* On the genesis of compulsory medical measures // VEPI. The territory of science. 2014. № 1. P. 146.

2. Назаренко Г.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2008. № 4(17). С. 130–134.
3. Колмаков П.А. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера : учеб. пособие. Сыктывкар, 1999. С. 17.
4. Овчинникова А.П. Сущность и назначение принудительных мер медицинского характера. М., 1977. С. 7.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 4 ноября 2019 г. № 354-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Ленский А.В. Производство по применению принудительных мер медицинского характера / А.В. Ленский, Ю.К. Якимович. М., 1999. С. 13.
7. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон Рос. Федерации от 2 июля 1992 № 3185-1 // СПС «Консультант-Плюс».
8. Коптяев А.Ю. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 14.
9. Шпынова Е.В. Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4(53). С. 66.
2. Nazarenko G.V. The legal nature of coercive measures of a medical nature // Bulletin of Omsk State University. Series «Law». 2008. № 4(17). P. 130–134.
3. Kolmakov P.A. The essence, goals and types of coercive measures of a medical nature : manual. Syktyvkar, 1999. P. 17.
4. Ovchinnikova A.P. The essence and purpose of coercive measures of a medical nature. M., 1977. P. 7.
5. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on November 4, 2019 № 354-FZ) // Sobr. Legislation Ros. Federation. 1996. № 25, Article 2954.
6. Lensky A.V. Proceedings for the application of compulsory medical measures / A.V. Lensky, Yu.K. Yakimovich. M., 1999. P. 13.
7. On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision: the law Ros. Federation of July 2, 1992 № 3185-1 // ATP «Consultant Plus».
8. Koptyaev A.Yu. Production on the application of coercive measures of a medical nature : author. dis cand. legal sciences. Tyumen, 2010. P. 14.
9. Shpinova E.V. Coercive measures of a medical nature: theoretical and law enforcement problems // Actual problems of Russian law. 2015. № 4(53). P. 66.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНДАМЕНТАЛЬНО- ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье изложены основные аспекты фундаментально-теоретической модели изучения личности преступника. Делается вывод о том, что для составления характеристики личности преступника в криминологии выработан метод структурной классификации их отдельных признаков, объединенных в группы, к которым, в основном, относятся социально-демографические, уголовно-правовые, социально-ролевые, морально-нравственные, психологические и физиологические (психофизиологические) составляющие. Изучение признаков личности преступника, входящих в эти группы, позволяет максимально глубоко и объективно понять личность субъекта, совершающего определенный вид преступлений, для выработки оптимальных и эффективных мер для последующей профилактики криминальной активности таких лиц.

Ключевые слова: преступник, личность преступника, субъект преступления, изучение личности преступника.

Для объективного понимания обстоятельств совершения преступного деяния и выработки эффективных мер по его профилактике необходимо иметь представление о личности субъекта данного деяния, поскольку именно она аккумулирует в себе причины совершения противоправных деяний криминального характера и является основным составляющим механизма их реализации [1]. Условием эффективного изучения данной личности является рассмотрение ее с точки зрения выработанных и устоявшихся общетеоретических позиций, с применением фундаментальной научно-обоснованной методологии [2].

Поскольку базовой основой для проведения криминологических исследований являются положения уголовного закона, то о личности преступника можно вести речь только в том случае, когда ей будут присущи все признаки субъекта преступления. Вместе с тем, в криминологии

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of NIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

TO THE QUESTION OF A FUNDAMENTAL-THEORETICAL MODEL OF STUDYING THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL

Annotation. The article outlines the main aspects of the fundamental theoretical model for studying the personality of a criminal. It is concluded that to compile the characteristics of the personality of criminals in criminology, a method has been developed for the structural classification of their individual characteristics, combined into groups, which mainly include socio-demographic, criminal law, socio-role, moral, psychological and physiological (psychophysiological). The study of the personality traits of the criminal included in these groups allows you to deeply and objectively understand the identity of the person committing a certain type of crime in order to develop optimal and effective measures for the subsequent prevention of the criminal activity of such persons.

Keywords: criminal, criminal personality, subject of crime, criminal personality study.

существует справедливая точка зрения о том, что признаки личности преступника не сводятся только к признакам субъекта преступления. Так, например, ряд биологических (физиологических) характеристик лица, совершившего преступление, не охватываются конструкцией состава преступления. Например, для понимания социальной природы многих преступлений не имеет значения пол виновного, его семейное положение, уровень образования, различные акцентуации характера, социальные установки, привычки и образ жизни. В то же время, для криминологии эти и другие признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление, являются весьма значимыми [3]. В связи с чем, стоит согласиться с точкой зрения тех ученых, которые отмечают, что выводы о характеристиках преступников только на основе материалов уголовных дел, уголовной статистики, не состоятельны, поскольку они не отражают многих важных моментов, связанных с характеристикой их личности [4].

Необходимо отметить, что в настоящее время в криминологии доминирует мнение о социально-биологических «корнях» личности преступника, которая получила большую поддержку и научную аргументацию в результате «борьбы» биологической и социальной теорий происхождения личности преступника. Как следствие, анализ существующих в современной криминологической науке различных точек зрения на понимание личности преступника позволяет сделать вывод о том, что она представляет собой определенную совокупность его деструктивных, специфических, (индивидуально-типологических) социально значимых и физиологически обусловленных свойств (качеств), связанных с негативным отношением к обществу или к отдельным его представителям, и способствующих совершению преступного деяния или предопределяющих криминальное поведение для удовлетворения личных потребностей или потребностей референтной группы под воздействием внешних условий, которые, при определенных ситуативных обстоятельствах (и даже помимо их), приводят к совершению преступления [1].

Личность преступника – это некий социальный тип личности, совершающий свои преступления под воздействием криминальных ситуаций, психологических и биологических аномалий индивида в силу личной выгоды, для достижения какой-либо преступной цели, а также – безнаказанности в силу приобретенных в процессе дефектов своего развития антиобщественных взглядов, установок и привычек. Преступникам свойственны антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям, удовлетворение своих потребностей общественно опасными способами или же – не проявление необходимой активности в предотвращении криминального результата [5].

Большинство криминологов говорят о том, что криминальная активность личности динамично возрастает от совершения менее тяжких преступлений к более тяжким в силу постепенного насыщения ее поведенческой активности все более общественно опасными деяниями. Именно поэтому в нормальных условиях человеческой жизнедеятельности практически не возможен «скачек» от социально одобряемого поведения к общественно опасному, поскольку криминальность личности формируется до момента совершения преступления [6]. Так, например, по данным выборочных исследований более 80 % лиц, совершивших умышленные убийства, ранее систематически совершали правонарушения или даже преступления [4].

Литература:

1. *Абельцев С.Н.* О личности преступника и практической значимости ее изучения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2000. № 3(19). С. 83–85.
2. *Глазырин Ф.В.* Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973.

Изучение личности субъекта преступления указывает на несостоятельность позиции некоторых криминологов, обращающих внимание на то, что о личности преступника можно говорить лишь применительно к весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступлений стало основной, ведущей или же устойчивой деятельностью [7]. В связи с этим, мы в большей степени согласны с мнением тех ученых, которые считают, что какой-то прирожденной преступной личности нет [8]. Именно поэтому характеристика личности любых преступников, независимо от оснований ее выделения, является весьма условной, формальной и, в достаточной степени, обобщенной категорией, вследствие чего, личность преступника в криминологии рассматривается как некий усредненный портрет, который отражает признаки определенной группы преступников [9], включающей в себя совокупность признаков, отражающих специфику такой личности как носителя наиболее общих, устойчивых и существенных социально-психологических черт и качеств, обусловленных определенными общественными отношениями, поскольку исчерпывающий перечень сведений о личности преступника, в силу индивидуальности каждого человека, составить невозможно [10].

В этой связи, можно сделать вывод о том, что отсутствие у некоторой части преступников признаков, свойственных общей массе лиц, совершивших подобные преступления, не исключает постановку вопроса о необходимости изучения этой группы преступников.

Как верно утверждают криминологи, изучение личности лиц, совершивших отдельные категории преступлений, оказывается результативной с практической и теоретической точек зрения в случае систематизации полученных знаний о них, поскольку эффективная борьба с преступностью не может ориентироваться на индивидуальную неповторимость каждого из этих лиц. Поэтому для составления характеристики личности преступника в криминологии выработан метод структурной классификации их отдельных признаков, объединенных в группы [4], к которым, в основном, относятся социально-демографические, уголовно-правовые, социально-ролевые, морально-нравственные, психологические и физиологические (психофизиологические). Изучение признаков личности преступника, входящих в эти группы, позволяет максимально глубоко и объективно понять личность субъекта, совершающего определенный вид преступлений, для выработки оптимальных и эффективных мер для последующей профилактики криминальной активности таких лиц.

Literature:

1. *Abeltsev S.N.* On the identity of the criminal and the practical significance of its study // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2000. № 3 (19). P. 83–85.
2. *Glazyrin F.V.* Studying the identity of the accused and tactics of investigative actions. Sverdlovsk, 1973.

3. *Кобец П.Н.* О комплексном изучении личности преступника в отечественной криминологии. Проблемы развития личности: мат-лы междуна-род. науч.-практич. конф. 15–16 ноября 2013 г. Прага, 2013. С. 93–95.
4. Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
5. *Антонян Ю.М.* Личность преступника. Крими-нологического-психологическое исследование / Ю.М. Ан-тонян, В.Е. Эминов. М., 2010.
6. Криминология / Под. ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
7. *Ведерников Н.Т.* О проблеме предела изуче-ния личности преступника в криминалистике // Вестник Томского государственного университе-та. 2014. № 385. С. 135–138.
8. *Кобец П.Н.* Изучение личности преступника – одно из условий правильного представления причин преступности // Социосфера. 2014. № 20. С. 40–42.
9. *Чуфаровский Ю.В.* Криминология в вопросах и ответах. М., 2007.
10. *Ведерников Н.Т.* О проблеме предела изуче-ния личности преступника в криминалистике // Вестник Томского государственного университе-та. 2014. № 385. С. 135–138.
3. *Kobets P.N.* On a comprehensive study of the identity of the criminal in Russian criminology. Prob-lems of personality development: materials interna-tional. scientific and practical conf. November 15–16, 2013. Prague, 2013. P. 93–95.
4. Criminology / under the general. ed. A.I. Dol-govoy. 4th ed., Revised. and add. M., 2010.
5. *Antonyan Yu.M.* The identity of the offender. Criminological and psychological research / Yu.M. Antonyan, V.E Eminov. M., 2010.
6. Criminology / under. ed. N.F. Kuznetsova, V.V. Luneeva. 2nd ed., Revised. and add. M., 2004.
7. *Vedernikov N.T.* About the problem of the limit of studying the personality of a criminal in forensics // Bulletin of Tomsk State University. 2014. № 385. P. 135–138.
8. *Kobets P.N.* The study of the identity of the crim-inal is one of the conditions for the correct presenta-tion of the causes of crime // Sociosphere. 2014. № 20. P. 40–42.
9. *Chufarovsky Yu.V.* Criminology in questions and answers. M., 2007.
10. *Vedernikov N.T.* About the problem of the limit of studying the personality of a criminal in forensics // Bulletin of Tomsk State University. 2014. № 385. P. 135–138.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ, САМОСТОЯТЕЛЬНО ЗАЩИЩАЮЩЕЙ СВОИ ПРАВА И СВОБОДЫ В СФЕРЕ УГОЛОВНО - ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО Внесудебном порядке посредством совершения преступных деяний

Аннотация. В статье представлена характеристика личности, самостоятельно защищающей свои права и свободы в сфере уголовно-правовых отношений во внесудебном порядке посредством совершения преступных деяний. Эта характеристика позволяет говорить о возможности выделения данной личности в качестве самостоятельного объекта криминологического исследования для последующей выработки эффективных мер профилактики совершения ею этих деяний.

Ключевые слова: личность преступника, криминальный самосуд, превышение пределов необходимой обороны, превышение пределов задержания лица, совершившего преступление.

Личность преступника является одним из центральных объектов криминологических исследований, поскольку ее изучение позволяет понять социально-правовую природу совершенного ею криминального деяния [1].

В настоящей статье изложена социально-демографическая характеристика личности, самостоятельно защищающей свои права и свободы в сфере уголовно-правовых отношений во внесудебном порядке посредством совершения преступных деяний. Эта защита происходит с помощью превышения нормативных пределов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 и ст. 114 уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)), криминального самосуда, а также самостоятельной защиты своих прав и свобод от нарушений путем совершения преступных деяний, не связанных с причинением вреда субъекту этих нарушений (например, деяний, квалифицируемых по статьям 158, 291, 316, 328, 337, 338 УК РФ).

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of NIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PERSONS, INDEPENDENTLY PROTECTING ITS RIGHTS AND FREEDOMS IN THE FIELD OF CRIMINAL LEGAL RELATIONS IN AN EXTRAORDINARY ORDER BY CRIMINAL COMMISSION

Annotation. The article presents the characteristics of a person who independently defends his rights and freedoms in the field of criminal law relations out of court through the commission of criminal acts. This characteristic allows us to talk about the possibility of distinguishing this person as an independent object of criminological research for the subsequent development of effective measures to prevent it from committing these acts.

Keywords: identity of the offender, criminal lynching, exceeding the limits of necessary defense, exceeding the limits of detention of the person who committed the crime.

Традиционно, к социально-демографическим признакам личности преступника относят пол, возраст, уровень образования, семейное и социальное положение и другие, т.е. те, которые характеризуют и предопределяют его социальное развитие.

Следует согласиться с криминологами в том, что социально-демографические свойства личности преступника сами по себе не криминогенны. Вместе с тем, они напрямую связаны с условиями формирования личности и ее жизнедеятельности, взаимодействуют с ними, предопределяют потребности и мотивацию личности, избираемые ею социальные роли. Именно поэтому эти свойства выступают в качестве существенных компонентов обобщенного представления о личности преступника и играют важную роль в выработке последующих мер профилактического воздействия на нее [3].

Согласно результатам нашего исследования, самосудные расправы криминального характера

в основном совершаются лицами мужского пола (81,6 %) в силу своих гендерных характеристик (маскулинность, деспотизм, повышенная агрессивность, стремление к доминированию, самостоятельности, независимости и т.п.). Превышение пределов необходимой обороны более свойственно женщинам (65,7 %), чем мужчинам (45,7 %), что вполне очевидно, поскольку, в силу своих гендерных характеристик, им приходится в большинстве случаев прибегать к такому превышению, поскольку только оно, вероятнее всего, защитит их от общественно опасного посягательства (например, от посягательства на половую свободу, чаще всего, может спасти только причинение тяжкого вреда здоровью или лишение жизни насильника). Превышение пределов задержания лица, совершившего преступление, согласно нашей выборке, инкриминировалось только мужчинам, что также вполне понятно, поскольку только они, чаще всего, находят в себе смелость и силы для задержания такого лица.

По возрасту субъектами самостоятельной защиты личностью своих прав и свобод в сфере уголовно-правовых отношений во внесудебном порядке посредством совершения преступных деяний, в основном, выступают лица в возрасте 26–30 лет (22 %), 22–25 лет (17 %) и 31–35 лет (15 %) (по иным возрастным категориям респонденты распределились следующим образом: 14–18 лет – 8 %; 19–21 год – 10,5 %; 35–40 лет – 12,5 %; 41–45 лет – 10,8 %; 46–50 лет – 5,7 %; свыше 50 лет – 3 %).

Уровень образования у таких лиц достаточно низкий: 25 % имели образование не более 9 классов общеобразовательной школы; 22 % – 10–11 классов общеобразовательной школы; 41 % – средне-специальное и 12 % – высшее образование).

Данный уровень образования и, в связи с этим, недостаточность интеллектуального развития стали причиной того, что большая часть из них (62 %) трудилась на рабочих специальностях или зарабатывали себе на жизнь низкоквалифицированным трудом (26 %).

Что касается семейного (родственного) положения, то нами установлено, что к осуществлению рассматриваемой защиты более предрасположены лица, находящиеся в брачных или близких отношениях с кем-либо. Это вполне объяснимо тем, что эти отношения, особенно, если они

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. М., 2010.
2. *Криминология* / Под. ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
3. *Смирнов А.М.* Народное правосудие в России. М., 2014.

очень тесные и эмоционально окрашены, достаточно часто снижают самоконтроль личности в случае причинения вреда его родственнику или близкому человеку. Вместе с тем, объектом данных расправ может стать кто-либо из этих лиц в случае проявления к ним негативных чувств, чаще всего, ревности, обиды или гнева. Именно поэтому большинство опрошенных нами субъектов криминальных самосудов были не согласны с привлечением их к уголовной ответственности, поскольку они «защищали свои права», «защищали честь своей девушки», «защищали члена своей семьи», «пытались наказать изменницу (изменника)» и т.д.

Осуществление криминальных самосудов чаще свойственно жителям сельской местности, горожанам – меньше (64,5 % и 35,5 %, соответственно). Это можно объяснить характерной для жителей данной местности стремлением к самостоятельности (скрытности от публичной власти) в разрешении различных конфликтных ситуаций. Кроме того, в сельской местности по объективным причинам достаточно проблематично оперативное прибытие сотрудников правоохранительных органов для оказания своевременной помощи в разрешении конфликтных ситуаций, поэтому их участникам, чаще всего, приходится надеяться только на себя.

Научный интерес для настоящего исследования имеет выявление частоты осуществления рассматриваемых форм защиты прав и свобод личности в состоянии алкогольного опьянения, поскольку нахождение лица в этом состоянии обостряет чувство справедливости и на фоне обусловленного этим состоянием существенного снижения сдерживающих императивов поведения провоцирует достижение данного социального блага любимыми способами, в том числе, криминального характера. Именно поэтому в состоянии алкогольного опьянения находилось 42 % лиц, осуществивших эти формы защиты [3].

Таким образом, представленная в настоящей статье характеристика личности, самостоятельно защищающей свои права и свободы в сфере уголовно-правовых отношений во внесудебном порядке посредством совершения преступных деяний, позволяет говорить о возможности ее выделения в качестве самостоятельного объекта криминологического исследования для последующей выработки эффективных мер профилактики совершения ею этих деяний.

Literature:

1. *Antonyan Yu.M.* The identity of the offender. Criminological and psychological research / Yu.M. Antonyan, V.E. Eminov. M., 2010.
2. *Criminology* / under. ed. N.F. Kuznetsova, V.V. Luneva. 2nd ed., Revised. and add. M., 2004.
3. *Smirnov A.M.* Public justice in Russia. M., 2014.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of NIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА – СУБЪЕКТА КРИМИНАЛЬНОГО САМОСУДА

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTIC OF FACE – SUBJECT OF CRIMINAL VESSEL

Аннотация. В статье приводятся основные аспекты уголовно-правовой характеристики лица, выступающего субъектом самосудных расправ криминального характера. Приводится перечень общественно опасных деяний, посредством которых могут быть реализованы данные расправы. Особенностью их осуществления является наличие «извинительных» мотивов и желание достигнуть социальной справедливости, которую не может обеспечить государство в случае публичного реагирования на причинителей вреда.

Ключевые слова: самосуд, криминальный самосуд, противоправность или аморальности поведения потерпевшего, социальная справедливость.

Annotation. The article describes the main aspects of the criminal law characteristics of a person acting as a subject of criminal punishment. A list of socially dangerous acts by which these reprisals can be implemented is provided, the peculiarity of which is the presence of «apologizing» motives and the desire to achieve social justice, which the state cannot provide in the event of a public response to the harm inflicted.

Keywords: lynching, criminal lynching, wrongfulness or immorality of the victim's behavior, social justice.

Самосудные расправы над причинителем вреда посредством осуществления в его отношении общественно опасных деяний являются серьезной социально-криминологической проблемой для России, актуальность которой не исчезает и по настоящее время, поскольку факты подобных расправ до сих пор имеют место быть в социальной практике (например, один из актуальных примеров этому желание жителей Саратова самостоятельно расправиться с насильником и убийцей несовершеннолетней девочки).

Анализ обстоятельств совершения криминальных самосудов позволяет сделать вывод о том, что, одной стороны, мотивы их совершения, чаще всего, имеют «извинительный» характер и поэтому, казалось бы, подобные самосудные расправы заслуживают понимания и прощения. Однако, с другой стороны, понимание того, что любое государство, в том числе и Россия, в современном мире должно быть правовым. Регулирование происходящих внутри него социальных процессов должно иметь цивилизованный характер. Это обстоятельство указывает на то, что рассматриваемые самосудные расправ нуждаются в своем осуждении, пресечении и профилактике, поскольку реанимируют архаичные механизмы регулирования этих процессов и, в

целом, способствуют росту преступности в стране, главным образом насильственной.

Именно поэтому настоящая статья посвящена уголовно-правовой характеристике лиц, выступающих субъектов самосудных расправ над причинителем вреда криминального характера, поскольку знание этой характеристики позволяет вырабатывать наиболее эффективные меры по профилактике рассматриваемого негативного социального явления.

Криминологи едины во мнении, что наиболее значимые отрицательные качества, характеризующие преступников, в большей степени проявляются в совершаемых ими преступлениях, что предопределяет важность данных качеств для криминологического исследования [1].

Анализ обстоятельств совершения криминальных самосудов позволил нам сделать вывод о том, что он может быть реализован посредством различных общественно опасных деяний, при совершении которых установлено смягчающее обстоятельство, изложенное в п. «з» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) – противоправность или аморальности поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления

Противоправное поведение потерпевшего заключается в совершении им преступления или иного правонарушения (административного, финансового, таможенного, налогового и т.д.). Аморальное поведение состоит в нарушении моральных норм и правил поведения в обществе, что спровоцировало совершение преступления [2].

Криминальный самосуд – это комплексное уголовно-правовое явление, которое может реализовываться посредством совершения преступлений против жизни и здоровья человека (Глава 16 УК РФ), свободы, чести и достоинства личности (Глава 17 УК РФ): половой неприкосновенности и половой свободы личности (Глава 18 УК РФ); конституционных прав и свобод человека и гражданина (Глава 19 УК РФ); интересов службы в коммерческих и иных организациях (Глава 23 УК РФ); общественной безопасности (Глава 24 УК РФ), основ конституционного строя и безопасности государства (Глава 29 УК РФ); государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (Глава 30 УК РФ), правосудия (Глава 31 УК РФ), порядка управления (Глава 32 УК РФ), военной службы (Глава 33 УК РФ).

Главным обстоятельством, позволяющим признать деяние самосудом или же говорить о том, что оно содержало признаки самочинной расправы над причинителем вреда, является элемент субъективной стороны – мотив мести (возмездия). Поэтому рассматриваемые самосуды могут быть направлены не только на отдельного человека, но и на учреждение или организацию, а также – государство в лице их представителей.

Исходя из анализа юридической природы самосудных расправ, можно с уверенностью говорить о том, что преступления, совершенные в порядке криминального самосуда, являются исключительно умышленными общественно опасными деяниями.

Для субъектов криминальных самосудов, в основном, характерен внезапно возникший умысел, реализовать который они стремились в момент его обнаружения. Вместе с тем, данные

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. М., 2010.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., исправ., допол. и переработ / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2011.
3. *Смирнов А.М.* Народное правосудие в России. М., 2014.

формы получали свою реализацию и после совершения противоправного посягательства. Катализаторами немедленного их осуществления являлись такие состояния, как аффект, испуг, фрустрация, стресс или гнев. Отложенное во времени осуществление данных форм было обусловлено, с одной стороны, необходимостью подготовки к эффективному их исполнению, с другой, изоляция от общества причинителя вреда на определенный срок (заключение под стражу, помещение в исправительное учреждение).

Криминальные самосудные расправы могут быть реализованы не только самими жертвами противоправных деяний или угроз их осуществления, но и их родственниками, близкими людьми, а также равнодушными очевидцами произошедшего. При этом фигурантами их реализации могут быть как субъекты, так и не субъекты преступных деяний.

Как известно, характер и степень общественной опасности любого преступления отражается в наказаниях, предусмотренных и назначенных за его совершение. Так, например, согласно результатам нашего исследования, субъектам самосудных расправ криминального характера, в основном, было назначено наказание в виде лишения свободы (76 %) в большинстве случаев (81 %) на длительный срок (более 5 лет). Краткосрочное лишение свободы (до 3 лет) или условное его отбывание назначалось только за превышение нормативных пределов необходимой обороны или причинение вреда лицу, совершившему преступление [3].

Проведенное нами исследование показало, что суд, в основном, не учитывает «извинительные» мотивы совершения криминальных самосудов и не смягчает, в связи с этим, наказание субъектам их осуществления. Это формирует негативное отношение общества к государству, представители которого, особенно из числа обычных граждан, придерживаются позиции оправдания субъектов данных самосудов, поскольку, по их мнению, это является, пожалуй, одним из наиболее эффективных способов достижения реальной социальной справедливости.

Literature:

1. *Antonyan Yu.M.* The identity of the offender. Criminological and psychological research / Yu.M. Antonyan, V.E. Eminov. M., 2010.
2. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized). 3rd ed., Rev., Ext. and recycling. / ed. A.I. Chuchaeva. M., 2011.
3. *Smirnov A.M.* Public justice in Russia. M., 2014.

Сорокина Юлия Александровна

аспирантка кафедры
гражданского права,
Российский государственный
университет правосудия
3389259@mail.ru

Yulia A. Sorokina

Graduate student
of Department Civil Law,
Russian State University of Justice,
Moscow
3389259@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ОТКАЗЕ КРЕДИТОРА
ОТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА
В РАМКАХ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА**

**CONCERNING THE CREDITOR'S
REFUSAL TO EXERCISE OF RIGHT
UNDER THE BANKRUPTCY**

Аннотация. В данной статье рассмотрена возможность кредитора отказаться от осуществления прав в рамках процедуры банкротства на конкретных примерах, исследована судебная практика и доктрина. По итогам исследования будет обоснован вывод о том, отказ от осуществления права не тождественен отказу от права. Соответственно, отказ кредитора от осуществления права само право не прекращает.

Annotation. This article will consider the possibility of refusal to exercise of right in the bankruptcy using specific examples. Judicial practice and doctrine will be investigated. According to the research results will be justified that the refusal to exercise of right is not identical to waiver. Respectively, the refusal to exercise of right. Accordingly, the refusal of the creditor to exercise the right does not terminate the right.

Ключевые слова: отказ от осуществления права, отказ от права, банкротство, кредитор, очередность удовлетворения требований, залог.

Keywords: waiver, bankruptcy, creditor, priority of claims, lien.

В практической деятельности отказ от права, отказ от осуществления права или смежные правовые механизмы часто используются в рамках процедуры банкротства, в том числе, при включении требований в реестр требований кредиторов. Между тем, определенность относительно последствий совершения отказа от права, отказа от осуществления права на сегодняшний день отсутствует, как и единое определение отказа от права и смежных ему понятий. Данные обстоятельства приводят к отсутствию единого подхода в судебной практике относительно допустимости отказа от права, отказа от осуществления права, в том числе, в рамках процедуры банкротства.

невозможности отказа от права [2]. Нерешенность вопроса соотношения двух упомянутых выше понятий в настоящее время обусловлена, в том числе, их смешением на законодательном уровне. В единственной на данный момент диссертации на данную тему Ю.В. Суханова приходит к следующему выводу: «Отказ от права представляет собой элемент содержания субъективного гражданского права, имманентно (внутренне) присутствует в нем и является универсальным основанием для его прекращения» за некоторыми предусмотренными законом изъятиями (например, таким изъятием является право на судебную защиту).

Отметим, что с 1 июня 2015 года в Гражданском кодексе РФ прямо обозначена возможность отказа от договорных прав (п. 6 ст. 450.1). Однако принятие данной нормы полностью не ликвидировало существующие в судебной практике и доктрине разногласия, касающиеся определения понятий «отказ от права» и «отказ от осуществления права», последствий совершения соответствующих действий (или последствий бездействия).

Напомним, ч. 2 ст. 9 ГК РФ устанавливает, что отказ управомоченного лица от осуществления принадлежащих ему прав не влечет прекращения этих прав, за исключением указанных в законе случаев. При этом, введенная Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ статья 450.1. ГК РФ, получила название «Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору», что и стало легальным основанием для формирования судебной практики, допускающей отказ от права. Пункт 6 указанной статьи устанавливает правило, в соответствии с которым, если осуществляющее предпринимательскую деятельность лицо при наступлении определенных законом, иными НПА или договором обстоятельств заявляет отказ от осуществления этого права, в последующем осуществление этого права не допускается, кроме случаев, когда аналогичные обстоятельства

Примечательно, что в цивилистической доктрине встречается мнение о том, что отказ от права не влечет юридических последствий со ссылкой на ч. 2 ст. 9 ГК РФ, при этом, отказ от права и отказ от осуществления права отождествляются [1]. Такая точка зрения соответствовала устоявшейся в правоприменительной практике позиции о

вновь наступили. Возникает следующий вопрос: следует ли п. 6 ст. 450.1 ГК РФ рассматривать как исключение, о котором говорит ч. 2 ст. 9 ГК РФ, где отказ от осуществления права ведет к прекращению такого права, или в данном случае речь идет об отказе от самого права?

В Решении Арбитражного суда г. Москвы от 07.03.2018 по делу № А40 227993/2017 указано следующее: «в соответствии с пунктом 6 статьи 450.1 ГК РФ отказ от осуществления права по договору влечет прекращение этого права. Следовательно, пункт 6 статьи 450.1 ГК РФ представляет собой исключение из общего правила, закрепленного в пункте 2 статьи 9 ГК РФ...»; и далее по тексту решения: «Учитывая, что отказ от права возможен в силу пункта 6 статьи 450.1 ГК РФ...». Таким образом, суд приравнял отказ от права к отказу от осуществления права, указав на возможность отказа от права (осуществления права), в том числе, со ссылкой на ч. 2 ст. 9 ГК РФ.

Тем не менее, большинство ученых рассматривает положение п. 6 ст. 450.1 ГК РФ как отказ от права [3], который не тождественен отказу от осуществления права, с чем стоит согласиться. Разграничение отказа от права и отказа от осуществления права заключается в следующем. Отказ от осуществления права предполагает пассивное поведение стороны договорного обязательства (неосуществление права) при возможности его осуществления; однозначно выраженное недвусмысленное волеизъявление лица, направленное на прекращение принадлежащего ему права, означает отказ от самого права [4; 5]. По справедливому замечанию Ю.В. Сухановой, отказ от права направлен на окончательное и полное его прекращение; то есть, соответствующее недвусмысленное волеизъявление ведет к прекращению данного права, в то время как отказ от осуществления права, по общему правилу, данное право не прекращает, как и указано в ч. 2 ст. 9 ГК РФ.

Так как центральное место настоящего исследования занимает отказ от осуществления права, нами не будет рассмотрено т.н. соглашение о реструктуризации задолженности, заключаемое между кредитором и должником, так как предметом данного соглашения, как правило, выступают новация долга (ст. 414 ГК РФ), погашение части долга путем передачи отступного (ст. 409 ГК РФ), частичное прощение долга, представляющее собой отказ от права требования (ст. 415 ГК РФ), а также – предоставление должнику отсрочки исполнения, которое, по мнению В.В. Кулакова, является временным отказом от права [6].

Рассматривая отказ от осуществления права, обратим внимание на пункт 1 ст. 309.1 ГК РФ, допускающий возможность заключения между кредиторами одного должника по однородным обязательствам соглашения о порядке удовлетворения их требований, в частности, об очередности их удовлетворения и о непропорциональности распределения исполнения. Стороны данного соглашения обязуются не совершать

действия, направленные на получение исполнения от должника, нарушающие условия данного соглашения. При этом данное соглашение не создает обязанностей для должника и третьих лиц, не являющихся сторонами соглашения, в связи с чем, должник может исполнить обязательство перед любым кредитором в нарушение условий соглашения между кредиторами (п. 2 ст. 309 ГК РФ). Однако исполнение, полученное кредитором в нарушение условий заключенного кредиторами соглашения, должно быть передано кредитору по другому обязательству в соответствии с условиями данного соглашения. К кредитору, передавшему исполнение от должника другому кредитору, переходит требование последнего к должнику в соответствующей части (п. 3 ст. 309 ГК РФ).

В случае банкротства должника требования кредиторов подлежат удовлетворению в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), на что указал Пленум ВС РФ в абз. 2 п. 4 Постановления от 22.11.2016 № 54. Законом о банкротстве предусмотрено, что кредиторы получают удовлетворение своих требований пропорционально (при включении их требований в реестр) или в календарной очередности (в случае, если требования являются текущими). Требования кредиторов, пропустивших срок на обращение с заявлением о включении в реестр требований кредиторов, подлежат удовлетворению за счет имущества, оставшегося после расчета с кредиторами как текущими, так и включенными в реестр. Однако в соглашении между кредиторами может быть указан иной порядок – долг кредитора, пропустившего срок обращения для включения в реестр, должен быть погашен ранее, чем текущему кредитору. Соответственно, согласно п. 2 ст. 309.1 ГК РФ, текущий кредитор, получив исполнение от должника в сроки, предусмотренные Законом о банкротстве, обязан передать это исполнение кредитору, чье требование должно быть исполнено в порядке установленной соглашением очередности, и занять его очередь [7].

Учитывая изложенное, предметом соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику является, в том числе, осуществление прав требования в ином порядке, чем установлено законом и (или) договором с должником и *отказ от осуществления прав, нарушающих условия соглашения* между кредиторами. Таким образом, кредитор отказывается от *осуществления права требования* к должнику в порядке, предусмотренном с ним договором. С другой стороны, как отмечается в доктрине, поскольку соглашение между кредиторами не влечет обязанностей для должника, кредитор, являющийся стороной такого соглашения, не имеет права требовать исполнения в порядке, нарушающем договор с должником [8]. При этом само право требования к должнику не прекращается.

Кроме того, в данном случае заключение данного соглашения не является заявлением об отка-

зе от права по смыслу п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 309.1 ГК РФ, основанием для отказа от осуществления права требования будет являться соглашение кредиторов, где должник не является стороной. Напротив, основанием для отказа от права по п. 6 ст. 450.1 ГК РФ служит заявление стороны договора, адресованное другой его стороне. Как уже было отмечено, соглашение не порождает и не изменяет обязанности для должника, а равно не освобождает его от погашения долга. Таким образом, по отношению к должнику действия кредитора, действительно, будут выражены в пассивном поведении, то есть в неосуществлении права требования.

Значимый вклад в формирование правоприменительного подхода, допускающего отказ от права, внесло Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 01.08.2016 № 308-ЭС15-6280(3) (далее – Определение от 01.08.2016). Судебная коллегия по экономическим спорам справедливо указала на возможность отказа от права даже при условии, что допустимость такого отказа законом прямо не предусмотрена. Примечательно, что в рассматриваемом определении обозначена возможность отказа от залогового обеспечения части прав требования в рамках процедуры банкротства на стадии конкурсного производства и внесения соответствующих изменений в реестр кредиторов со ссылкой на п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. В результате «залоговый» кредитор получил право преимущественного удовлетворения части своих требований и право голоса на общем собрании кредиторов в ходе конкурсного производства. Несмотря на спорное рассмотрение действий «залогового» кредитора как отказа от права, позиция судебной коллегии была воспринята другими судами, и в мотивировочной части судебных актов по аналогичным делам также присутствует п. 6 ст. 450.1 ГК РФ [9], [10].

В законодательстве отсутствует запрет для отказа от обеспечения части требований залогом на стадии конкурсного производства. Во-первых, в соответствии с п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ № 29 от 15.12.2004, реализация требования к должнику представляет собой одну из форм осуществления гражданского права, кредитор вправе отказаться от его реализации (п. 1 ст. 9 ГК РФ). Во-вторых, в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», было разъяснено, что после вынесения первоначального определения суда о включении требований кредитора в третью очередь заявление о признании за ним статуса залогового кредитора не является повторным и направлено на изменение правового положения данного кредитора. В-третьих, на стадиях финансового оздоровления и внешнего управления Закон о банкротстве прямо предусматривает возможность отказаться от реализации предмета залога путем подачи соответствующего заявления (п. 3 ст. 18.1 указанного Закона). То есть, изменение статуса кредитора после включения требований в реестр было правомерным и ранее. Однако до вынесения Определения от

01.08.2016 суды в большинстве случаев не признавали возможность отказаться от осуществления прав залогового кредитора в рамках конкурсного производства [11], [12].

Тем не менее, Определение от 01.08.2016 уже подвергалось критике со стороны ученых. Дело в том, что судебная коллегия расценила действия заявителя, обратившегося с заявлением о внесении изменений в реестр требований кредиторов в связи с частичным отказом от осуществления прав залогового кредитора, как частичный отказ от принадлежащих ему прав. В связи с чем, Е.Д. Суворов указывает на невозможность отказаться от части залогового права в виду его неделимости, кроме того, частичный отказ от вещного права, по мнению ученого, противоречит сути этого права. Ходатайство кредитора, по мнению Е.Д. Суворова, следует квалифицировать как отказ от осуществления права, а не отказ от самого права залога; такой отказ не влечет материальных последствий в силу ч. 2 ст. 9 ГК РФ, процессуальные последствия – невозможность повторного предъявления соответствующего требования (п. 8 пункте 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [4].

Действительно, в рассмотренном в Определении от 01.08.2016 споре право залога возникло на основании договора; кредитор отказывается не от самих требований, а от обеспечения части требований залогом; реализация данного права происходит в рамках процедуры банкротства, а значит, заявление имеет и процессуальные основания, а также ограничения (например, однократность волеизъявления относительно требований, включаемых в реестр; сроки, форма и порядок подачи заявления). Кроме того, в обсуждаемом определении Судебная коллегия также указала на изменение процессуального статуса кредитора, которое сочла правомерным.

Следует согласиться с Е.Д. Суворовым в том, что в данном случае корректнее говорить об отказе от осуществления права, который влечет именно процессуальные последствия, так как сам залог не прекращается (отсутствуют основания, перечисленные в ст. 352 ГК РФ). В результате данного волеизъявления изменяется размер обеспеченных залогом требований и прекращается право на преимущественное удовлетворение части требований из стоимости заложенного имущества в рамках процедуры банкротства. Заявление должника об отказе от обеспечения части требований залогом имеет процессуальные основания, последствия, поэтому не может быть заявлением, о котором идет речь в п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. Однако мнение судебной коллегии о допустимости отказа от права даже в отсутствие прямого указания на это в законе нами не оспаривается. Вывод же Е.Д. Суворова о том, что отказ от права залога представляет собой отказ от вещного права, является дискуссионным, тем не менее данный вопрос выходит за рамки нашего исследования.

Таким образом, отказ от осуществления прав залогового кредитора в рамках процедуры банкротства под действие п. 6 ст. 450.1 ГК РФ не падает, но в отсутствие специальной нормы расширенное применение п. 6 ст. 450.1 имеет положительный эффект – правоприменители допускают такой отказ кредитора от осуществления прав. Предметом соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику является, в том числе, отказ от осу-

ществления права. В связи с изложенным, отождествление отказа от права как недвусмысленного прямого волеизъявления (действия) управомоченного лица и отказа стороны договора от осуществления своего права, выражающегося в пассивном поведении, необоснованно. Разграничение данных понятий имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в том числе, при рассмотрении дел о банкротстве.

Литература:

1. *Седова Ж.И.* Принцип эстoppel и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации / Ж.И. Седова, Н.В. Зайцева // СПС «КонсультантПлюс». М. : Статут, 2014.
2. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.08.2014 по делу № А50-18705/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Суханова Ю.В.* Отказ от субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
4. *Суворов Е.Д.* К вопросу о содержании субъективного права залога и возможности частичного отказа от него или от его осуществления. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 01.08.2016 № 308-ЭС15-6280(3) // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Саркисян А.В.* Об отказе от права и его последствиях / А.В. Саркисян, Д.А. Новосельнов // «Вестник экономического правосудия Российской Федерации». 2017. № 4.
6. *Кулаков В.В.* Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России: монография. // СПС «КонсультантПлюс». М. : РГУП, 2015. 144 с.
7. *Светлова Т.* Соглашение кредиторов vs статья 309.1 ГК РФ // ЭЖ-Юрист. 2017. № 10.
8. *Витрянский В.В.* Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; Под ред. Д.А. Медведева. М. : Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.04.2017 по делу № А48-4521/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.04.2017 по делу № А25-851/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.01.2016 по делу № А32-29459/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2015 по делу № А32-29459/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Literature:

1. *Sedova Zh.I.* The principle of estoppel and the denial of the right in the commercial turnover of the Russian Federation. Moscow, 2014 / Zh.I. Sedova, N.V. Zaitseva // SPS Consultant Plus.
2. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of 08/26/2014 in case № А50-18705 / 2013 // SPS Consultant Plus.
3. *Suhanova Yu.V.* Refusal of the subjective civil rights : dis. ... cand. of juridical science dissertation. Samara, 2009.
4. *Suvorov E.D.* On the issue of the content of the subjective right of pledge and the possibility of partial refusal from it or from its implementation. Commentary on the Writ of the Judicial Collegium on Economic Disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated 01.08.2016 № 308-ЭС15-6280 (3) // SPS Consultant Plus.
5. *Sarkisyan A.V.* On the the waiver and its consequences / A.V. Sarkisyan, D.A. Novoselnov // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. № 4.
6. *Kulakov V.V.* Termination of Obligations under Russian Civil Law : monograph // SPS Consultant Plus M. : RSUJ, 2015. 144 p.
7. *Svetlova T.* Agreement of creditors vs article 309.1 of the Civil Code of the Russian Federation // SPS Consultant Plus.
8. *Vitryansky V.V.* Codification of Russian private law 2019 / V.V. Vitryansky, S.Yu. Golovina, B.M. Gongalo et al. ; under the editorship of D.A. Medvedev. M. : Statute, 2019 // SPS Consultant Plus.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Central District on 04/20/2017 in the case № А48-4521 / 2015 // SPS Consultant Plus,
10. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasian District of 04/12/2017 in the case № А25-851 / 2015 // SPS Consultant Plus.
11. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District on 01/27/2016 in the case № А32-29459 / 2012 // SPS Consultant Plus.
12. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 11/02/2015 in the case № А32-29459 / 2012 // SPS Consultant Plus.

Юрпалова Диана Николаевна
инженер-электроник
дежурной части отдела (Южный район),
Управление МВД России
по г. Новороссийску
Milena.555@mail.ru

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

Аннотация. Эффективное предупреждение преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, невозможно без установления актуального состояния данного вида преступлений. В результате анализа официальной статистической информации о лицах, осужденных по приговорам суда, установлены общие данные относительно уровня, динамики и структуры преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, а также – некоторые характеристики состояния исследуемых преступлений, относящиеся к личности осужденного. Обоснована целесообразность определения в качестве объекта криминологического исследования преступлений, совершаемых женщинами в сфере безопасности дорожного движения, прежде всего, связанных с нарушением правил дорожного движения.

Ключевые слова: преступления, совершаемые женщинами, безопасность дорожного движения, нарушение правил дорожного движения.

Хотя в реальной действительности преступность характеризуется как совокупность различных актов индивидуального поведения, совершаемых стихийно, по своей природе она является целостным образованием, которому присущи общие свойства, определенные системообразующие связи и закономерности. Преступность как системное, относительно массовое и устойчивое явление можно измерить с помощью различных статистических показателей [1, с. 35, 37; 2, с. 6–10]. Эффективное противодействие преступности требует наличие соответствующих достоверных данных о ее реальных масштабах и состоянии. Максимально полная и достоверная информация об уровне и состоянии преступности в стране позволяет выработать и реализовать эффективную криминологическую политику и минимизировать уровень преступности [3, с. 48].

В практической деятельности состояние преступности рассматривается как широкое, так и в узком смысле. В широком смысле под состоянием преступности понимается вся совокупность

Diana N. Yurpalova
Electronics engineer
Department duty station (Southern District),
Department of MVD of Russia
across Novorossiysk
Milena.555@mail.ru

STATE OF ROAD SAFETY CRIME COMMITTED BY WOMEN

Annotation. Effective prevention of crimes in the field of road safety committed by women is impossible without establishing the current status of this type of crime. As a result of the analysis of official statistical information about persons convicted of court verdicts, general data are established regarding the level, dynamics and structure of crimes in the field of road safety committed by women, as well as some characteristics of the state of the investigated crimes related to the personality of the convicted person. The expediency of defining as an object of criminological research, crimes committed by women in the field of road safety, primarily related to violation of traffic rules, is substantiated.

Keywords: crimes committed by women, road safety, violation of traffic rules.

ее количественно-качественных показателей. В узком смысле под состоянием преступности понимается зарегистрированная на определенной территории и за определенный период времени преступность [4, с. 75–114]. Исследование состояния преступности осуществляется на основании изучения данных статистического учета количества выявленных фактов совершения преступлений, а также – лиц их совершивших; изучения материалов судебно-следственной практики и иных эмпирических данных.

К сожалению, как отмечает А.Н. Игнатов, свойственные многим странам недостатки ведомственной системы учета преступности, прежде всего, органов внутренних дел, в значительной мере обусловленные несовершенством самих форм статистической отчетности (из-за недостатков архитектуры и несогласованности их различных форм и показателей между собой) и методики учета преступности, не позволяют надлежащим образом вести учет тех или иных проявлений преступности, анализировать криминологическую информацию и отображать

адекватную криминогенную «картину» [5, с. 6, 26].

Отсутствие в ведомственных статистических учетах показателей относительно преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, обуславливает необходимость обратиться к анализу официальной статистической информации о количественных показателях рассмотрения судами дел в порядке уголовного производства, прежде всего, данных о лицах, осужденных по приговорам суда по данному виду преступлений. Показатели судимости позволяют оценить как уровень криминализации общества и состояние преступности в нем, так и эффективность работы правоохранительной системы в части выявления, расследования и привлечения к ответственности виновных лиц по различными видам преступлений.

В отличие от статистической информации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, другие формы статистической отчетности (в частности, первичный статистический учет выявленных фактов преступлений, а также – лиц, их совершивших, осуществляемый МВД России и иные формы, формируемые на его основе) не дают возможности в полном объеме и на надлежащем уровне исследовать криминологическую характеристику преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, совершенных женщинами. Так, в соответствии с формой федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» [6] учет показателей по преступлениям в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств осуществляется с 2012 года (максимально доступные данные). При этом за 2012–2013 гг. доступна лишь общая информация о совершенных преступлениях по разделу 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». За период времени с 2014 по 2016 годы данная форма статистического наблюдения содержит сведения о количестве преступлений, совершенных по ч.ч. 1–2 ст. 264 УК РФ и отдельно по ч.ч. 3–6 ст. 264 УК РФ. В 2017–2018 гг. структура сведений, содержащихся в указанной форме, изменилась: помимо количества преступлений, предусмотренных ч.ч. 1–2 ст. 264 УК РФ и отдельно ч.ч. 3–6 ст. 264 УК РФ, в нее включены сведения о количестве совершенных преступлений по ст. 264.1 УК РФ. Также необходимо отметить, что Раздел 4 – «Сведения о преступлениях, совершенных отдельными категориями лиц» данной формы статистического наблюдения не содержит информации о количестве преступлений, совершенных женщинами.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [7] о числе осужденных по преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта позволил дать следующую оценку состояния преступлений в сфере безопасности дорожного движения, в том числе, совершаемых женщинами.

За период с 2009 по 2018 гг. за преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств осуждено 352342 человек, из них: за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ) – 236 человек; за нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ) – 9 человек; за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) – 118 804 человек; за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 232 526 человек; за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ) – 37 человек; за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ) – 7 человек; за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ) – 5 человек; за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ) – 718 человек.

Следует отметить, что наибольший показатель по количеству осужденных лиц – 232526 человек (66 % от всех лиц, осужденных по данной категории деяний) приходится на лиц, совершивших нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). При этом датой начала действия данной уголовной нормы является 01.07.2015 года, в связи с чем, корректным является определение показателей состояния преступлений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств за период с 2015 по 2018 гг.

Общее количество лиц, осужденных за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств за период с 2015 по 2018 гг. составляет 272268 чел. В структуре преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств следует выделить: нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), на долю которого приходится 85,4 % осужденных лиц; нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) – 14,5 %; нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ) – 0,04 %; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ) – 0,04 %; недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ) – 0,01 %; нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ) – 0,003 %; приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ) – 0,003 %; действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ) – 0,002 %.

Таким образом, за период с 2015 по 2018 гг. в структуре преступлений против безопасности

движения и эксплуатации транспортных средств существенно преобладают и при этом имеют тенденцию к росту такие преступления, как нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). На втором месте по доле в общей структуре находится нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), при этом наблюдается тенденция постепенного снижения уровня судимости за данное преступление. Последнее может свидетельствовать об эффективности профилактического воздействия введения уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ.

Кроме того, на протяжении анализируемого периода имеет место снижение уровня таких преступлений, как:

- нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ);
- нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ);
- недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ);
- нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ); приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ);
- действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ).

Хотя, исходя из уровня судимости, общая (суммарная) доля указанных деяний в структуре преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств составляет 0,098 %. Указанное свидетельствует о позитивных изменениях состояния преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств.

За период с 2013 по 2018 годы из общего количества лиц, осужденных за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, 9,9 % (11021 человек) составили женщины. При этом наибольшее количество женщин по отношению к мужчинам (50% от общего количества осужденных лиц) осуждено за нарушение требований в области транспортной безопасности, повлекшие, по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 263.1 УК РФ). Однако следует отметить, что столь высокий показатель обусловлен тем, что за данное преступление на протяжении указанного периода было осуждено всего два человека.

Исходя из анализа судебной статистики, за указанный период женщинами, преимущественно, совершались такие преступления, как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосто-

рожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264 УК РФ) и нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 268 УК РФ), за которые, соответственно, к ним были применены меры уголовно-правового воздействия. Так, осужденные по ч. 1 ст. 264 УК РФ женщины составляют 8,5 % от общего числа лиц, осужденных по данной категории преступлений; по ч. 3 ст. 268 УК РФ – 7,7 %. Следует также отметить, что доля женщин среди лиц, подвергнутых административному наказанию и совершивших нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, за 2013–2018 годы составляет 2,6 % общего числа лиц, осужденных по данной категории преступлений.

Довольно редко за указанный период женщины были осуждены:

- за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 263 УК РФ) – 2 % от общего количества лиц, осужденных по указанной статье;
- за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ) – 1,3 %;
- за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ) – 1,2 %;
- за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 268 УК РФ) – 1 % соответственно.

Наименьшее количество женщин осуждено за указанный период за совершение таких преступлений в сфере безопасности дорожного движения, как:

- нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 264 УК РФ) – 0,9 %;
- нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 0,5 %;
- нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ч. 1 ст. 268 УК РФ) – 0,4 %;

– нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 6 ст. 264 УК РФ) – 0,2 %.

Указанные показатели, а также тот факт, что по иным составам преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств не было осуждено ни одной женщины, на наш взгляд, обусловлен, прежде всего, гендерной спецификой сферы трудовой деятельности, связанной с обеспечением безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также – психофизиологическими особенностями женщин и обусловленной ими спецификой их криминальной активности.

Так, как утверждает Д.О. Кузьменко, преимущество среди лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, связанные с наездами на пешеходов, мужчин (97 %), обусловлена тем, что женщины в 50 раз меньше чем мужчины употребляют спиртные напитки, в 10 раз больше стремятся к порядку и соблюдению требования законов, в том числе, действующие в сфере безопасности дорожного движения [8, с. 14].

Исходя из анализа статистических данных за анализируемый период, структуру преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами, определяют такие группы преступных деяний, как:

- 1) нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 КУ РФ);
- 2) нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ);
- 3) нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ);
- 4) нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ);
- 5) нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ).

Количественный анализ позволяет сделать вывод о том, что в структуре преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами, преобладают такие деяния, как: нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 65,41 % и нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) – 34,21 %.

Доля же таких деяний, как:

– нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного,

морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 КУ РФ);

– нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ);

– нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ), незначительна и составляет в структуре преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами – 0,04 %, 0,01 % и 0,05 %, соответственно.

Очевидно, что ввиду малозначительных показателей доля указанных преступлений в структуре рассматриваемых преступлений мала и существенного влияния на общую их криминологическую характеристику не оказывает.

За период с 2013 по 2018 годы из общего количества лиц, осужденных за совершение преступлений в сфере безопасности дорожного движения, 9,9 % (11021 человек) составили женщины. Количественный анализ позволяет сделать вывод о том, что в структуре преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершаемых женщинами, преобладают такие деяния, как: нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 65,41 % и нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) – 34,21 %.

С учетом изложенного, целесообразно в качестве объекта криминологического исследования рассматривать, прежде всего, преступления совершаемые женщинами в сфере безопасности дорожного движения.

Непосредственно структуру преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, определяют следующие деяния:

- 1) нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 65,9 %;
- 2) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264 УК РФ) – 26,4 %;
- 3) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ) – 4,7 %;
- 4) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, совер-

шенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, или сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 2 ст. 264 УК РФ) – 1,5 %;

5) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ) – 0,7 %;

6) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, или сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 0,6 %;

7) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, или сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 6 ст. 264 УК РФ) – 0,04 %.

Таким образом, в структуре преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, преобладают такие преступные деяния, как управление транспортным средством:

а) лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

б) лицом имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой ст. 264 УК РФ, а также нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (реже смерть человека).

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта позволяет также определить некоторые характеристики состояния преступлений, совершаемых женщинами в сфере безопасности дорожного движения, относящиеся к личности осужденного.

В частности, за период с 2014 по 2018 годы из общего количества женщин, осужденных за совершение преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, 1,4 % (150) составили беременные женщины.

Относительно соотношения доли беременных женщин к общему числу осужденных женщин за конкретные составы преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, данное соотношение таково:

1) нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264 УК РФ) – 1,6 %;

2) нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 2 ст. 264 УК РФ) – 2,2 %;

3) нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 268 УК РФ) – 1,6 %;

4) нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 3,3 %;

5) нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 5 ст. 268 УК РФ) – 1,4 %;

6) нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 1,1 %.

Таким образом, беременные женщины совершают преступления, связанные, преимущественно, с нарушением правил дорожного движения. Так, беременные женщины составляют 1,6 % осужденных женщин по ст. 264 УК РФ (при этом наибольшая их доля приходится на деяния, связанные с причинением по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека – 2,2 %, а также смерти человеку – 3,3 %) и 1,1 % осужденных женщин по ст. 264.1 УК РФ.

За период с 2014 по 2018 годы из общего количества женщин, осужденных за совершение преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств 5,2 % (583) составили женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет.

При этом женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет, осуждено за:

1) нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264 УК РФ) – 5,4 %;

2) нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное лицом, нахо-

дящимся в состоянии опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 2 ст. 264 УК РФ) – 7,4 %;

3) нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 268 УК РФ) – 8,9 %;

4) нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 6,6 %;

5) нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 5 ст. 268 УК РФ) – 9,8 %;

6) нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) – 4,8 %.

Таким образом, женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет, совершают преступления, связанные преимущественно с нарушением правил дорожного движения: 7,4 % от общего числа осужденных женщин по ст. 264 УК РФ (при этом наибольшая их доля приходится на деяния, связанные с причинением по неосторожности смерти двум и более лицам – 9,8 %, а также смерти человеку – 8,9 %) и 4,81 % осужденных женщин по ст. 264.1 УК РФ.

Также, следует учитывать, что за период с 2014 по 2018 годы из общего количества женщин, осужденных за совершение преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств 0,2 % (21), составили несовершеннолетние лица. При этом наибольшее количество несовершеннолетних (25 %) осуждено за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть двух и более лиц, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения либо, сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 6 ст. 264 УК РФ). На втором месте среди совершаемых несовершеннолетними женщинами преступлений находится нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения (ч. 4 ст. 264 УК РФ) – 8,2 %. Также, имеет место незначительная доля несовершеннолетних женщин, осужденных за преступления, предусмотренные: ч. 2 ст. 264 УК РФ – 3,7 % несовершеннолетних женского пола из общего числа осужденных данной категории преступлений женщин; ч. 5 ст. 264 УК РФ – 1,4 %; ч. 3 ст. 264 УК РФ – 0,7 %; ч. 1 ст. 264 УК РФ – 0,1 %; ст. 264.1 УК РФ – 0,03 %.

Как можем видеть, доля преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершенных несовершеннолетними, в

структуре «женской преступности» данного вида незначительна, что объективно обусловлено, прежде всего, спецификой субъекта преступлений данной категории. Однако следует отметить, что при незначительной доле несовершеннолетних от общего числа женщин, осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (0,5 %), ими совершаются наиболее тяжкие преступления, повлекшие по неосторожности причинение смерти одному (ч. 4 ст. 264 УК РФ – 8,2 %) или нескольким лицам (ч. 6 ст. 264 УК РФ – 25 %), совершенные в состоянии опьянения, либо сопряженные с оставлением места его совершения преступления.

Следует отметить, что динамика преступлений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершенных рассмотренными категориями лиц женщин (беременными, имеющими детей в возрасте до 3 лет, а также несовершеннолетними), в целом, соответствует динамике преступлений данной категории, совершаемых женщинами.

Таким образом, осуществленный анализ позволяет сделать следующие выводы. Проблемы установления и ограниченность характеристик состояния преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, обусловлены несовершенством ведомственных и федеральных статистических учетов преступлений данного вида.

За период с 2009 по 2018 гг. за преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств осуждено 352342 человек. В структуре преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств существенно преобладают и при этом имеют тенденцию к росту такие преступления, как нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). На втором месте по доле в общей структуре находится нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), при этом наблюдается тенденция постепенного снижения уровня судимости за данное преступление. Последнее может свидетельствовать об эффективности профилактического воздействия введения уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ. Также, о позитивных изменениях состояния преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств свидетельствует, исходя из уровня судимости, стабильное снижение уровня иных видов преступлений, предусмотренных Главой 27 УК РФ, общая (суммарная) доля которых не превышает 0,3 %.

За период с 2013 по 2018 годы из общего количества лиц, осужденных за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, 9,9 % (11021 человек) составили женщины. При этом в структуре совершаемых ими преступлений преобладают такие деяния, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ –

65,41 % и ст. 264 УК РФ – 34,21 %. Указанное выше определяет целесообразность определения в качестве объекта криминологического исследования, прежде всего, преступлений, совершаемых женщинами в сфере безопасности дорожного движения.

Непосредственно структуру преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых женщинами, определяют следующие деяния, предусмотренные:

- 1) ст. 264.1 УК РФ – 65,9 %;
- 2) ч. 1 ст. 264 УК РФ – 26,4 %;
- 3) ч. 3 ст. 264 УК РФ – 4,7 %;
- 4) ч. 2 ст. 264 УК РФ – 1,5 %;
- 5) ч. 5 ст. 264 УК РФ – 0,7 %;
- 6) ч. 4 ст. 264 УК РФ – 0,6 %;
- 7) ч. 6 ст. 264 УК РФ – 0,04 %.

Литература:

1. Криминология : учебник для академического бакалавриата / Под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018.
2. *Игнатов А.Н.* Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39). С. 6–10.
3. *Игнатов А.Н.* Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (ч. 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 27. С. 48–59.
4. *Ольховик Н.В.* Оценка состояния преступности в томской области / Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов // В книге: Региональные проблемы общественной безопасности. Агibalов Г.П., Карелин Д.В., Ольховик Н.В., Прокументов Л.М., Рощина И.В. и др. Редактор: Л.М. Прокументов / Министерство образования и науки Российской Федерации, Томский государственный университет. Томск, 2013. С. 75–114.
5. *Игнатов А.Н.* Убийство: криминологическое статистическое исследование : монография. Симферополь : «Крымучпедгиз», 2012.
6. Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений. Форма федерального статистического наблюдения №4-ЕГС / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (2013–2018 гг.). Форма № 10-а. / Су-

Изменения в динамике преступлений в сфере безопасности движения, совершенных женщинами, соответствуют трендам, имеющим место в динамике преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, в целом.

Вызывает тревогу то обстоятельство, что каждое пятнадцатое преступление в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств совершается беременными женщинами (1,4 %) или женщинами, имеющими детей в возрасте до 3 лет (5,2 %). При этом ими, как и женщинами, в целом, ими совершаются преступления, связанные, преимущественно, с нарушением правил дорожного движения. При незначительной доле несовершеннолетних от общего числа женщин, осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (0,5 %), ими совершаются наиболее тяжкие преступления, повлекшие по неосторожности причинение смерти одному (ч. 4 ст. 264 УК РФ – 8,2 %) или нескольким лицам (ч. 6 ст. 264 УК РФ – 25 %), совершенные в состоянии опьянения, либо сопряженные с оставлением места его совершения преступления.

Literature:

1. Criminology : textbook for academic undergraduate / ed. V.I. Avdiyskogo, L.A. Bukaleroovoy. 2nd ed., Revised. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2018.
2. *Ignatov A.N.* The concept of common crime // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(39). P. 6–10.
3. *Ignatov A.N.* On the level of crime and the activities of law enforcement agencies (part 1) // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012. № 27. P. 48–59.
4. *Olkhovik N.V.* Assessment of the state of crime in the Tomsk region / N.V. Olkhovik, L.M. Prozumentov // In the book: Regional problems of public safety. Agibalov G.P., Karelin D.V., Olkhovik N.V., Prozumentov L.M., Roshchina I.V. et al. Editor: L.M. Prozumentov / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Tomsk State University. Tomsk, 2013. P. 75–114.
5. *Ignatov A.N.* Murder: Criminological and Statistical Research : monograph. Simferopol : Krymchpedgiz, 2012.
6. Information about the state of crime and the results of the investigation of crimes. Form of federal statistical observation № 4-EGS / Prosecutor General of the Russian Federation. The main organizational and analytical department. Office of legal statistics. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
7. Report on the number of convicted persons for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation (2013–2018). Form № 10-a. / Judicial De-

дебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru>

8. *Кузьменко Д.О.* Криминологический анализ дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов : дис. ...канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

partment at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru>

8. *Kuzmenko D.O.* Criminological analysis of traffic crimes related to pedestrian collisions : dis. ... cand. legal sciences. Tambov, 2009.

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
miss.oxenia@yandex.ru

Пономаренко Вера Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
veraponomarenko@yandex.ru

МЕСТО ПРАВОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. Основная особенность языка в юриспруденции – высокая степень абстрагирования юридических терминов. Статья посвящена мало разработанной, но, тем не менее, очень актуальной для современного юридического знания теме места юридической лингвистики в международном правовом пространстве. Как отмечают авторы, в настоящее время исследования в области правовой лингвистики сосредоточены, главным образом, на скорейшем создании всеобщих высочайших лингвистических стандартов в законодательной сфере с целью повсеместного однозначного толкования текстов законов. Перед юридической лингвистикой также стоит и проблема, связанная с процессом интерпретации законодательных текстов.

Ключевые слова: лингвистика, юридическая лингвистика, право, юриспруденция, правовая коммуникация, международное право.

С наступлением нового тысячелетия в российской правовой науке значительно возрос интерес к юридической лингвистике. В этом прослеживается определённая закономерность, так как качество принимаемых и вступающих в силу законов напрямую зависит от уровня их юридического совершенства.

Юридическая лингвистика – это довольно молодая отрасль языкознания, которая возникла на стыке двух самостоятельных наук: юриспруденции и лингвистики. Теперь же в её компетенции решение самых разнообразных лингвистических аспектов и проблем в рамках правового про-

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
Russian State University of Justice,
North Caucasus Branch
miss.oxenia@yandex.ru

Vera A. Ponomarenko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
Russian State University of Justice,
North Caucasian branch
veraponomarenko@yandex.ru

THE PLACE OF LEGAL LINGUISTICS IN THE STRUCTURE OF LEGAL THEORY AND PRACTICE

Annotation. The main feature of the language in jurisprudence is a high degree of legal terms abstractions. The article is devoted to the topic of the place of legal linguistics in the international legal space, which is poorly developed, but, nevertheless, very relevant for modern legal knowledge. As the authors note, research in the field of legal linguistics is now focused mainly on the early establishment of universal and highest linguistic standards in the legislative sphere with a view to universal unambiguous interpretation of the texts of laws. Legal linguistics also faces the challenge of interpreting legislative texts.

Keywords: linguistics, legal linguistics, law, jurisprudence, legal communication, international law.

странства. Это – и проведение лингвистической экспертизы всевозможных правовых документов, и предоставление различных рекомендаций, связанных с разработкой текстов законопроектов, и глубокие теоретические и практические исследования материалов юридического перевода и многое другое [1, с. 61].

Юридическая лингвистика призвана изучать язык в качестве объекта языковой политики государства, где важным элементом выступает обслуживание юридической сферы. Язык – это одна из важнейших составляющих, необходимых для успешного функционирования государства. Язык –

это своеобразный «посредник», стоящий между государством и правом, являющийся средством для составления, написания и толкования правовых нормативных документов. Язык – это по существу важнейший показатель уровня правовой государственной культуры.

Основная особенность языка в юриспруденции – высокая степень абстрагирования юридических терминов. Сам же язык выполняет функцию, как для выражения абстрактных понятий, так и для установления связей между этими понятиями. Несмотря на наличие единого общего юридического образования, имеются и существенные различия между правовыми институтами, поэтому на данный момент ещё не сложилось целостного единообразия юридического языка. По этой причине возникает целый ряд сложностей, как для самих юристов, так и для должностных лиц и государственных органов всех рангов, которые связаны с законотворческой деятельностью внутри страны и, тем более, на международной арене.

В настоящее время исследования в области правовой лингвистики сосредоточены, главным образом, на скорейшем создании всеобщих высочайших лингвистических стандартов в законодательной сфере с целью повсеместного однозначного толкования текстов законов [2].

Перед юридической лингвистикой также стоит и проблема, связанная с процессом интерпретации законотворческих текстов. Здесь следует различать техники: законодательную и юридическую. Первая лежит в основе написания текста закона. Вторая – в основе в основе искусства прочтения данного текста. В связи с этим, вопрос о правовой коммуникации является в правовой лингвистике очень важным [3].

Правовая коммуникация – это процесс, связанный с передачей правоприменителю правовой информации от органа правотворчества, происходящий в сфере правовой общественной жизни. Осуществляется она на двух уровнях: внутригосударственном и межгосударственном. Естественно, что второй уровень неразрывно связан с отношениями международными. Исходя из этого, мы имеем полное право говорить о юридической лингвистике как об арене международного сотрудничества.

Политическая наука понимает под международными отношениями совокупную систему экономических, политических, социальных, правовых, дипломатических, гуманитарных и военных отношений и связей между субъектами мирового сообщества. Такими субъектами будут выступать взаимодействующие между собой государства и народы, а также – общественные организации, силы и движения. Но именно государства – это важнейшие субъекты международных отношений.

Современным международным отношениям свойственна многоплановость проблем, которые призваны решаться в процессе их установления и развития.

Международные отношения – это основа основ мирового политического процесса, на ход развития и содержание которого влияет характер международных отношений. Международному праву отводится особая роль в системе современных международных отношений.

Международное и внутригосударственное право имеют целый ряд различий, связанных с субъектами, предметом регулирования, способами нормообразования и осуществления государственного принуждения. Международное право на современном этапе характеризуется системой общедемократических и общецивилизационных правовых норм [4, с. 16]. Современное международное право, базирующееся на прежних принципах международных отношений, развилось и наполнило новым демократическим содержанием. К ним мы, прежде всего, относим принципы:

- суверенного равенства государств;
- нерушимости их территориальной целостности и государственных границ;
- невмешательства одних государств во внутренние дела других;
- добросовестного безоговорочного выполнения всех международных обязательств;
- предоставления дипломатических привилегий.

Основная особенность международного права – это его тесная и неразрывная связь с политикой.

Национальные и социальные интересы государства всегда играли и играют важную роль в определении конкретной позиции по проблемам международных отношений, а также – в подборе средств, путей и методов их разрешения. Хотя, необходимо здесь же отметить, что в международном праве по-прежнему продолжает существовать проблема двойных стандартов. Сейчас, когда наблюдается переход к многополярной системе от биполярной системы международных отношений, характерной для второй половины двадцатого века, а в настоящее время – от однополярной системы под имперским лидерством США, сложившейся в начале 1990 гг., когда на мировую политику идеологические факторы стали оказывать всё меньшее влияние, когда количество глобальных проблем увеличилось, а их характер усложнился, то одновременно с этим, стали намечаться тенденции, связанные с возрастанием объективной роли международного права, представляющего собой слаженную систему в деле правового регулирования международных отношений и международного сотрудничества. Такая тенденция прослеживается не только в давно сложившихся областях межгосударственного взаимодействия, но она наблюдается и при взаимном сотрудничестве по совершенно новым направлениям. Это, в первую очередь, экология, освоение космоса, мирового океана, Арктики и пр.

Именно работа над глобальными проблемами, вставшими перед человечеством особо остро во

второй половине прошлого века, вызывает настоятельную необходимость совместного сотрудничества в области международных отношений в направлениях:

– преодоления экономической отсталости целого ряда стран, могущей повлечь за собой опасную дестабилизацию на мировой арене;

– обеспечения экологической безопасности в планетарном масштабе;

– снижения угрозы возможного масштабного ядерного конфликта, влекущей за собой уничтожение человечества [5, с. 10];

– борьбы с организованной преступностью, достигшей транснациональных масштабов;

– борьбы с религиозным и политическим терроризмом и условий, их порождающих.

Но полноценное сотрудничество будет попросту невозможно, если юридическая лингвистика не займёт прочных позиций на арене международного сотрудничества.

Наличие реальной взаимосвязи законов, действующих на всей территории РФ, и международных договоров диктует возрастающую необходимость их международно-правового регулирования. Следовательно, становятся насущными и новые исследования в сфере юридической лингвистики. Такая связь, главным образом, необходима при осуществлении контроля за соблюдением прав и свобод человека в ходе уголовного преследования с целью координации деятельности всех правоохранительных органов в деле борьбы с преступностью.

Реализация норм международного права в России ведётся по двум направлениям, где для юридической лингвистики имеется широкое поле деятельности:

– международно-правовое сотрудничество;

– правовая помощь.

Эти понятия между собой неоднозначны. Международно-правовое сотрудничество подразумевает постоянную совместную широкомасштабную, разнообразную по формам целенаправленную и хорошо согласованную деятельность компетентных правоохранительных органов, которая будет затрагивать общие интересы сотрудничающих между собой государств. Данная деятельность должна быть направлена на достижение общих единых целей по борьбе с мировой преступностью. Такое сотрудничество должно охватывать весь спектр оперативно-разыскных и процессуальных действий, включающих и те из них, что проводятся без соответствующего запроса, но, в той или иной мере, затрагивающие интересы другого государства, особенно при обнаружении признаков преступления и причастности к нему лиц. В частности, вести диалог о сотрудничестве можно в случае задержания конкретного лица на основе предусмотренных законодательством подозрений о совершении пре-

ступления на территории другой страны, влекущего за собой выдачу.

Правовая помощь – это выполнение конкретных, предусмотренных в межгосударственных соглашениях отдельных действий, призванных содействовать для решения локальных проблем, связанных с расследованием, рассмотрением в суде и ходом исполнения по конкретным уголовным делам.

Но правовая помощь – это не только действия процессуальные действия, которые осуществляются по просьбе иностранных правоохранительных органов. Юридическим основанием для правовой помощи является поручение от учреждений юстиции иностранных государств.

Сотрудничество в правовой сфере на международном уровне подразумевает взаимодействие должностных лиц и компетентных органов с соответствующими иностранными должностными лицами, органами и международными организациями на основе двухсторонних или многосторонних международных договоров [6, с. 38], работа с которыми в настоящее время попросту невозможна без знания юридической лингвистики.

Остановимся на основных направлениях международного юридического сотрудничества, таких, как:

– международная правовая помощь;

– подготовка международных договоров;

– подготовка и проведение конференций по международному праву;

– обмен опытом;

– участие в международных организациях и миротворческих операциях представителей правоохранительных органов.

Сотрудничество в юридической сфере на международном уровне можно рассматривать как правовой межотраслевой институт, где отношения между субъектами и объектами права регулируются на основе норм уголовного, уголовно-процессуального и международного права. И здесь особую роль призвана сыграть юридическая лингвистика. Ведь, рассчитывая на международную правовую помощь, необходимо составить такое обращение об оказании содействия от запрашивающей стороны об оказании содействия при расследовании и ведении судебных дел, которое имело бы под собой грамотную правовую основу.

Правовой основой для международного взаимодействия компетентных органов считаются:

– общепризнанные нормы и принципы международного права;

– международные договоры всех уровней.

Работа с соответствующими документами будет, фактически, невозможной без глубоких специ-

альных знаний в сфере юридической лингвистики.

В исследованиях на международные темы в юридической лингвистике внимание, в основном, уделяется проблемам письменной и устной юридической речи. Вопросы практической семантики, развитие взаимоотношений между языком, обществом и правом, проблемы работы с юридическими текстами, их толкованием и переводом, нормативы и лингвистические методы в суде и в криминалистике, вопросы лексикографии и дидактики – всё это приобретает на современном этапе особую важность [7, с. 58].

Лингвистические исследования, занимающиеся разработкой основных принципов составления юридических текстов, при условии, что они не ограничиваются лишь общезыковыми рекомендациями и аспектами, попадают в сферу юридической лингвистики. Здесь мы имеем в виду целевую юридическую направленность текста, отличающую его от норм бытового общепринятого языка. Таким текстам свойственна особая нормативность, содержащая принципиально новое качество по сравнению с нормативностью общезыковой.

Таким образом, правовой язык призван:

– во-первых, быть всеобщим и обеспечивать правовое системное единство;

– во-вторых, правовой язык должен применяться во всех областях юридической деятельности, в том числе и в сфере международных отношений.

Литература:

1. *Костромичева М.В.* Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права // Политика и право. 2011. № 3.
2. *Баранов В.М.* Риторика и право / В.М. Баранов, А.С. Александров, Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Иrbis. Сервер электронных публикаций ММЦ АГУ.
3. *Любимов Н.А.* К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Иrbis. Сервер электронных публикаций ММЦ АГУ.
4. *Гетьман-Павлова И.В.* Международное право / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. 3-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016.
5. *Меньшенина Н.Н.* Международное право. М.: Издательство Юрайт, 2019.
6. *Абашидзе А.Х.* Право внешних сношений / А.Х. Абашидзе, М.В. Федоров. М.: Международные отношения, 2012.

Мнения о возможном единстве языка права очень разнятся. Хотя, в пользу его единства говорит факт, что юристы (главные носители правового языка) изначально получают примерно равное образование, когда за основу берётся единый язык. Вполне естественно, что и вся юридическая практика базируется на едином языке закона. Аргумент против единства правового языка – возможность его структуризации. Отсюда, возможны различия между правовыми институтами, в которых язык права, хотя и является основным средством коммуникации, но не всегда и не везде используется в полном объёме, а соизмеримо различным уровням его знания и компетентности участников коммуникации [8].

Применение правового языка в сфере международных отношений влечёт за собой еще больше специфических особенностей, связанных с социокультурной спецификой и лингвистикой разных стран.

В связи с этим, в правовой сфере всё большую актуальность приобретают вопросы контрастивного анализа языков. Эта проблема тоже входит в компетенцию юридической лингвистики. Она тесно связана с методологией и техникой перевода юридических текстов. Данные изменения вызваны кардинальными изменениями, которые наблюдаются в последнее время в сфере международных отношений. Наиболее наглядно данные процессы можно отследить в государствах, образующих ЕС, а также – в англоязычных странах.

Literature:

1. *Kostromicheva M.V.* Legal linguistics: to the question of the relationship of language and law. Politics and law. 2011. № 3.
2. *Baranov V.M.* Rhetoric and the right / V.M. Baranov, A.S. Alexandrov, N.D. Golev // Yurislinguistics – 3: Problems of legal linguistics. Irbis. The server of electronic publications of the IMC ASU.
3. *Lyubimov N.A.* To the issue of legal communication in law-making // Yurislinguistics - 3: Problems of legal examination. Irbis. The server of electronic publications of the IMC ASU.
4. *Getman-Pavlova I.V.* International Law / I.V. Getman-Pavlova, E. V. Postnikova. 3rd ed., pen. And dop. M.: Uright Publishing House, 2016.
5. *Menshenina N.N.* International Law / N.N. Menshenina, E.V. Postnikova. M.: Uright Publishing, 2019.
6. *Abashidze A.H.* Law of External Relations / A.H. Abashidze, M.V. Fedorov. M.: International relations, 2012.

7. *Голев Н.Д.* Юридический аспект языка в юридическом освещении Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999 .

8. *Бринеv К.И.* О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах «сведение/мнение», «утверждение/предположение», «оценка/факт». Юрислингвистика 7: язык как феномен правовой коммуникации / К.И. Бринеv; под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2006.

7. *Golev N.D.* Legal aspect of the language in the legal coverage of Jurislinguistics-1: Problems and Perspectives. Barnaul, 1999.

8. *Brynev K.I.* On the presumptions of linguistic expertise: conflicting statements on the scales «information/opinion», «statement/assumption», «assessment/fact». Jurislinguistics 7: language as a phenomenon of legal communication / ed. D. Golev. Barnaul, 2006.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности
Российской академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru

Ляхов Виктор Павлович

доктор политических наук,
профессор,
исполнительный директор,
Ассоциация «Совет муниципальных
образований Ростовской области»
sovet_moro@mail.ru

Колимбет Павел Сергеевич

аспирант кафедры
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт
управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
pkolimbet@finbrigde.io

Тихонов Константин Михайлович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт
Управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
начальник управления торговли
и бытового обслуживания
администрации г. Ростова-на-Дону
rostow@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ
КОНСОЛИДИРОВАННОГО БЮДЖЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И БЮДЖЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается динамика социальных расходов консолидированного бюджета Российской Федерации. Авторами отмечается, что социальные расходы по всем разделам федерального бюджета за три года в абсолютных цифрах незначительно сокращаются. Уменьшается их доля в процентах в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и общем объеме расходов федерального бюджета. В то же время, увели-

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law and National Security
of the Russian Academy
of National Economy and State
Service under the President
of the Russian Federation
anaverin1947@mail.ru

Victor P. Lyakhov

Doctor of Political Science,
Professor,
Executive Director,
Association @Council of municipalities
of Rostov region@
sovet_moro@mail.ru

Pavel S. Kolimbet

Graduate student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation
pkolimbet@finbrigde.io

Konstantin M. Tikhonov

Undergraduate of faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation,
Head of the Department
of Trade and Domestic Services
city administration of Rostov-on-Don
rostow@yandex.ru

**SOCIAL ORIENTATION
OF THE CONSOLIDATED BUDGET
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE BUDGETS
OF STATE NON-BUDGET FUNDS**

■ ■ ■

Annotation. The article examines the dynamics of social expenditures of the consolidated budget of the Russian Federation. The authors note that social expenditures in all sections of the federal budget for three years in absolute figures are slightly reduced. Their percentage of projected gross domestic product and total federal expenditures are decreasing. At the same time, spending is increasing to finance social services and social security; budgets of public non-

чиваются расходы для финансирования социального обслуживания населения, его социального обеспечение; растут бюджеты государственных внебюджетных фондов и одновременно – уменьшаются или сохраняются на том же уровне доли расходов в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта.

Ключевые слова: бюджет государственного внебюджетного фонда, консолидированный бюджет, федеральный бюджет, социальная политика, национальные проекты, трансферты.

Для анализа социальной ориентации консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов рассмотрим динамику их расходов на социально-культурные мероприятия с 2014 по 2017 год. Социальные расходы в абсолютных цифрах увеличились с 15 трлн 154,2 млрд до 19 трлн 054,9 млрд рублей [1]. Вместе с тем, был незначительным рост доли в процентах в объеме валового внутреннего продукта – с 19,1 % до 20,7 %, общем объеме расходов – с 54,9 % до 58,8 %. Средства федерального бюджета увеличились с 4 трлн 870 млрд до 6 трлн 315,8 млрд руб. (с 6,1 % до 6,9 % в валовом внутреннем продукте), бюджетов государственных внебюджетных фондов – с 7 трлн 880,7 млрд до 10 трлн 509,7 млрд рублей, бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов – с 1 трлн 394,8 млрд до 1 трлн 723 млрд рублей. Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации выросли с 5 трлн 818 млрд до 6 трлн 453 млрд рублей, однако, доля в валовом внутреннем продукте снизилась с 7,3 % до 7 %. Преобладают расходы на финансирование социальной политики. Так, в 2018 году расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на социально-культурные мероприятия составили 19 трлн 978,9 млрд рублей [2]. Из них расходы на социальную политику составили 11 трлн 998,2 млрд рублей (60,1 % к итогу); на образование – 3 трлн 668,6 млрд рублей (18,4 %), на здравоохранение – 3 трлн 315,9 млрд рублей (16,6 %); на культуру, кинематографию – 528,2 млрд рублей (2,6 %); на физическую культуру и спорт – 331,5 млрд рублей (1,7 %); на средства массовой информации – 136,5 млрд рублей (0,7 %). А.Г. Аганбегян отмечает, что с 2008 года расходы на образование в валовом внутреннем продукте, по данным Росстата в системе национальных счетов, сократились на 10 %, по здравоохранению увеличились на 8 %. По данным Всемирного банка, в международных рейтингах расходов на образование наша страна занимает 98-е место в мире из 153 стран, по здравоохранению – 122-е место. Доля образования в валовом внутреннем продукте составляет 4,1 %. На нужды здравоохранения расходуется менее 4 % валового внутреннего продукта с учетом частных вложений и теневой оплаты населением врачам и медицинским работникам. Затраты в Западной Европе составляют 10,2 %, в США – 17 %. В России финанси-

budget funds are growing and at the same time, the share of expenditures in the projected gross domestic product is decreasing or maintained.

Keywords: budget of the state extra-budgetary fund, the consolidated budget, the federal budget, social policy, national projects, transfers.

рование здравоохранения в абсолютных суммах в расчете на душу населения в 3–4 раза меньше сравнительно с развитыми странами. [3, с. 88, 89, 123; 4]. В 2019 году расходы консолидированного бюджета на здравоохранение составили 2,7 трлн рублей (3,7 % валового внутреннего продукта), в 2020 году – 4,5 трлн рублей (4,1 %) [5].

Представляют несомненный интерес данные о социальных расходах федерального бюджета на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов, которые отражены в таблице 1 [6].

Таблица 1 свидетельствует о том, что социальные расходы по всем разделам федерального бюджета за три года в абсолютных цифрах незначительно сокращаются. Уменьшается их доля в процентах в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и в общем объеме расходов федерального бюджета.

Раздел «Социальная политика» содержит расходы в области пенсионного обеспечения, социального обслуживания населения, социального обеспечения населения, охраны семьи и детства. Данные о расходах представлены в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что увеличиваются расходы для финансирования социального обслуживания населения, социального обеспечение населения, сокращаются – для пенсионного обеспечения. В сфере охраны семьи и детства в 2021 году они увеличиваются, затем сокращаются.

В федеральном бюджете выделяются бюджетные ассигнования на исполнение публичных нормативных обязательств Российской Федерации. Средства на исполнение социальных публичных нормативных обязательств предусмотрены по государственным программам Российской Федерации: Социальная поддержка граждан – соответственно, 55 млрд 126 млн 707,9 тыс. рублей; 56 млрд 619 млн 837,1 тыс.; 58 млрд 489 млн 716,1 тыс. рублей. Развитие пенсионной системы – 760 млрд 748 млн. 381,6 тыс. рублей.; 790 млрд 938 млн 204,1 тыс. рублей.; 553 млрд 714 млн 331,9 млн рублей. Развитие образования – по 20 млн рублей на каждый год. Развитие культуры – по 90,5 млн рублей на каждый год. Развитие физической культуры и спорта – по 3 млрд 133 млн 632 тыс. рублей на каждый год.

За счет средств федерального бюджета финансируются восемь государственных программ в социальной сфере: Развитие здравоохранения. Развитие образования. Социальная поддержка

граждан. Доступная среда. Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации. Содействие занятости населения.

Таблица 1

Социальные расходы федерального бюджета на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов, тыс. рублей, %

	2020	2021	2022
Образование	887458180,4	927707577,6	886498097,2
% к ВВП	0,786	0,77	0,689
% к расходам бюджета	4,55	4,496	4,073
Культура и кинематография	144185191,5	133582905,2	124526684,1
% к ВВП	0,127	0,11	0,096
% к расходам бюджета	0,739	0,647	0,572
Здравоохранение	996114896,8	942458661,1	951743494,2
% к ВВП	0,882	0,783	0,74
% к расходам бюджета	5,107	4,567	4,373
Социальная политика	4490398387,7	5024567149,4	4809289698,7
% к ВВП	4,421	4,174	3,742
% к расходам бюджета	25,587	24,35	22,098
Физическая культура и спорт	74494411,1	63109146,9	64491289,2
% к ВВП	0,066	0,052	0,05
% к расходам бюджета	0,381	0,305	0,296
Всего	7092650977,5	7091425440,2	6836549263,4
% к ВВП	6,282	5,889	5,319
% к расходам бюджета	36,364	34,36	31,41

Таблица 2

Расходы федерального бюджета на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов для финансирования социальной политики, тыс. рублей

	2020	2021	2022
Пенсионное обеспечение	3249661254,7	3217724576,7	4809289698,7
Социальное обслуживание населения	19087524,3	20242396	21326811,6
Социальное обеспечение населения	1062813916,8	1102500014,1	1148592971,2
Охрана семьи и детства	635584837,1	663454451,1	651062246,4

Развитие культуры. За счет средств федерального бюджета финансируется федеральная программа «Развитие физической культуры и спорта на 2016–2020 годы» (9 млрд 930 млн 933,5 тыс. рублей). Следует иметь в виду, что из федерального бюджета выделяются средства на финансирование государственных и федеральных целевых программ по социально-экономическому развитию регионов, в которых предусмотрены средства на решение социальных вопросов. Финансируются государственные программы социально-экономического развития Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов, Арктической зоны Российской Федерации, Калининградской области, Республики Крым и г. Севастополя.

Выделены средства для финансирования федеральных целевых программ по социально-экономическому развитию Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы, Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года, на развитие Калининградской области на период до 2020 года, Республики Карелия на период до 2020 года. Предусмотрены средства для финан-

сирования 12 национальных проектов, в том числе, 4 проектов в социальной сфере. В 2020 году объем финансирования национального проекта по культуре сохранен на уровне 2019 года, по демографии – на 90 млрд больше, выделено 615 млрд рублей, по здравоохранению – увеличен с 160 млрд до 300 млрд рублей, по образованию – на 18 млрд рублей больше, выделено почти 126 млрд рублей [7].

Рассмотрим расходы бюджетов государственных внебюджетных фондов на 2020–2021 годы. По всем фондам предусмотрено в абсолютных цифрах увеличение расходов, соответственно по годам: 12 трлн 198 млрд 983 млн 823,3 тыс. рублей; 12 трлн 672 млрд 289 млн 062 тыс. рублей; 13 трлн 228 млрд 883 млн 614,4 тыс. рублей. Между тем, доля их расходов в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта сокращается на 10,8 %; 10,528 %; 10,294 %. Расходы бюджетов государственных внебюджетных фондов отражены в таблице 3 [8; 9; 10].

Таблица 3 свидетельствует об увеличении в абсолютных цифрах расходов бюджетов государ-

ственных внебюджетных фондов и одновременно об уменьшении или о сохранения на том же

уровне доли расходов в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта.

Таблица 3

**Расходы бюджетов государственных внебюджетных фондов на 2020 год
и на плановый период 2021 и 2022 годов, тыс. рублей, %**

	2020	2021	2022
Пенсионный фонд Российской Федерации			
Общие расходы	9042264593,7	9325024887,7	9702287585,3
% в ВВП	8,01	7,747	7,549
Из них:			
Пенсионное обеспечение	8021989961,5	8275141303,4	8662795233,4
Социальное обеспечение населения	554565353,9	561835550,4	582641064,4
Фонд социального страхования Российской Федерации			
Общие расходы	788108359,4	831396399,6	873961770,4
% в ВВП	0,698	0,69	0,68
Из них:			
Обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством	618747422	657584324,2	695384263,3
Обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний	108794178,4	112808613,8	117212162,3
Социальное обеспечение населения	760252574,3	802444843,2	844156792,5
Охрана семьи и детства	1640,5	1612,2	1612,2
Федеральный фонд обязательного медицинского страхования			
Общие расходы	2368610870,2	2515867774,7	2652635258,7
% в ВВП	2,09	2,09	2,064
Из них:			
Здравоохранение	2367573929,4	2514917676,3	2651693135,2

Рассмотренные объемы финансирования за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов не являются основой для их суммирования, поскольку выделяются межбюджетные трансферты из федерального бюджета и фондов. В федеральном бюджете предусмотрены межбюджетные трансферты Пенсионному фонду Российской Федерации на осуществление ежемесячных денежных выплат ветеранам, инвалидам, гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие радиационных аварий и ядерных испытаний. Из региональных бюджетов через органы службы занятости населения бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации получает межбюджетные трансферты на финансовое обеспечение выплаты назначенных досрочно пенсий для признанных безработных, социальных пособий на погребение умерших неработающих пенсионеров, досрочно оформивших пенсию, и оказания услуг на погребение. Федеральный бюджет выделяет Фонду социального страхования Российской Федерации межбюджетные трансферты на выплату пособия по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в размерах сверх размеров, установленным законодательством, гражданам, под-

вергшимся воздействию радиации. Межбюджетные трансферты из федерального бюджета передаются Фонду социального страхования Российской Федерации на расходы по предоставлению инвалидам технических средств реабилитации и услуг, обеспечению отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами, протезно-ортопедическими изделиями. Из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования передаются Фонду социального страхования Российской Федерации межбюджетные трансферты для обеспечения оплаты организациям, осуществляющим медицинскую деятельность по реализации общегосударственной и территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи. Оплачиваются услуги, оказываемые женщинам в период беременности, женщинам и новорожденным в родовой и послеродовой период, по проведению профилактических медицинских осмотров ребенка, поставленного на учет. Региональные бюджеты перечисляют суммы ежемесячного страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования.

Литература:

1. Финансы России 2018. Статистический сборник Статистический сборник. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b18_51/Main.htm

Literature:

1. Finance Of Russia 2018. Statistical collection Statistical collection. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b18_51/Main.htm

2. Россия в цифрах 2019. Статистический сборник. URL : <https://www.gks.ru/folder/210/document/12993>
3. *Аганбегян А.Г.* Финансы, бюджет и банки в новой России. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 400 с.
4. *Аганбегян А.* Выйти из стагнации // Российская газета. 2019. 15 мая.
5. *Герейханова А.* Рецепты здоровья // Российская газета. 2019. 1 ноября.
6. Федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 49 (часть I, II, III, IV). Ст. 6939.
7. *Исаев А.* Бюджет и национальные проекты // Российская газета. 2018. 27 ноября.
8. Федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 382-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019, № 49 (Ч. IV). Ст. 6941.
9. Федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 383-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019, № 49 (Ч. IV). Ст. 6942.
10. Федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 384-ФЗ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 49 (Ч. IV). Ст. 6943.
2. Russia in numbers 2019. Statistical collection. URL : <https://www.gks.ru/folder/210/document/12993>
3. *Aganbegyan A.G.* Finance, budget and banks in new Russia. M. : publishing house «Delo» Ranepa, 2018. 400 p.
4. *Aganbegyan A.* Выйти из стагнации // Rossiyskaya Gazeta. 2019. May 15.
5. *Gereikhanova A.* health Recipes // Russian newspaper. 2019. № 1.
6. Federal law № 380-FZ of December 2, 2019 «On the Federal budget for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2019. № 49 (part I, II, III, IV). Art. 6939.
7. *Isaev A.* Budget and national projects // Rossiyskaya Gazeta. 2018. № 27.
8. Federal law № 382-FZ of December 2, 2019 «On the budget of the Federal compulsory medical insurance Fund for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 49 (part IV). Art. 6941.
9. Federal law № 383-FZ of December 2, 2019 «On the budget of the Pension Fund of the Russian Federation for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 49 (part IV). Art. 6942.
10. Federal law № 384-FZ of December 2, 2019 «On the budget of the social insurance Fund of the Russian Federation for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 49 (part IV). Art. 6943.

Боташева Фатима Магометовна
ассистент кафедры бухгалтерского учета
и аудита факультета
экономики и менеджмента,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
b.fatima93@mail.ru

Казанский Александр Вячеславович
доцент кафедры теории кредита
и финансового менеджмента,
Петербургский
государственный университет
a.kazanskiy@spbu.ru

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ

■ ■ ■

Аннотация. С развитием рыночных отношений в экономике, ростом объемов хозяйственной деятельности, усложнением организационной структуры производства, расширением экономических связей и усилением процессов цифровизации усложняются задачи, стоящие перед контролем. Дальнейшее развитие контроля требует проведения исследований и разработки теоретических и методологических основ симбиоза внутреннего и внешнего контроля, которые обеспечивали бы надежность и устойчивость в социально-экономических связях. В трудах российских и зарубежных авторов представлены разработки по отдельным видам контроля, однако вопросам их согласования и взаимодействия уделяется недостаточно внимания.

Вопросы внутреннего и внешнего контроля еще не получили должного уровня развития, что обуславливает необходимость разработки единой концепции, целью которой является гармонизация отношений всех участвующих в процессе субъектов социально-экономической системы, удовлетворение их интересов. Недостаточная теоретическая разработанность проблемы формирования системы, необходимость дальнейшего развития теории и методологии, а также востребованность новых практических подходов к организации контроля обуславливают актуальность данного исследования, его цель и задачи.

Ключевые слова: социально-экономическая система, глобализация, макроуровень, субъективные интерпретации, мониторинг, интеграция, риски, цифровизация.

■ ■ ■

Fatima M. Botasheva
Assistant Department
of Accounting and Audit,
Faculty of Economics and Management,
Emperor Alexander I St. Petersburg
State Transport University
b.fatima93@mail.ru

Aleksandr V. Kazanskiy
Associated Professor Department
of Theory of Credit
and Financial Management,
St. Petersburg State University
a.kazanskiy@spbu.ru

INTEGRATED CONTROL AS A REGULATING INSTRUMENT IN SOCIO-ECONOMIC RELATIONS

■ ■ ■

Annotation. With the development of market relations in the economy, the growth in the volume of economic activity, the complexity of the organizational structure of production, the expansion of economic ties and the intensification of the digitalization of the economy, the challenges facing control are becoming more complicated. Further development of control requires research and development of theoretical and methodological foundations of the symbiosis of internal and external control, which would ensure reliability and stability in socio-economic relations. The works of Russian and foreign authors present developments on certain types of control, but insufficient attention is paid to issues of their coordination and interaction. The issues of internal and external control have not yet received the proper level of development, which necessitates the development of a single concept, the purpose of which is to harmonize the relations of all subjects of the socio-economic system involved in the process, and satisfy their interests. The insufficient theoretical elaboration of the problem of the formation of the system, the need for further development of theory and methodology, as well as the demand for new practical approaches to the organization of control, determine the relevance of this study, its purpose and objectives.

Keywords: socio-economic system, globalization, macro level, subjective interpretations, monitoring, integration, risks, digitalization.

■ ■ ■

Последствия и возможности, связанные с жизненным циклом социально-экономических систем могут быть самыми разнообразными и различными по своей природе. Раннее выявление потенциальных социально-экономических рисков в сочетании с комплексным планированием и эффективным осуществлением мер, позволяющих избежать, уменьшить или устранить эти риски, имеют основополагающее значение для стабильного функционирования таких систем. Эффективное управление и контролирование с точки зрения интеграции может помочь в регулирование социально-экономических связей на всех уровнях регуляции.

Тенденции развития современных процессов глобализации и цифровизации обусловлены отсутствием эффективных инструментов управления для планирования и контроля на масштабной арене социально-экономической системы, адекватных современным моделям управления, а также попытками решить проблемы современного управления традиционными методами и механизмами. Целью данной исследования было выявление специфических характеристик системы интегрированного контроля, изучение роли такого вида контроля в стратегическом управлении, разработка общих подходов к формированию эффективного интегрированного контроля.

Процесс интегрированного контроля можно рассматривать как систематически повторяющиеся этапы.

1. Идентификация желаемого состояния контролируемого объекта (желаемое состояние объекта определяется в процессе планирования; определение желаемого состояния является прерогативой функции планирования, но не контроля, на начальном этапе контроля определяются желаемое состояние объекта, параметры, стандарты по показателям и максимально допустимые отклонения от стандартов).
2. Определение фактического состояния контролируемого путем проведения необходимых и возможных процедур контроля.
3. Сравнение (противопоставление) фактического и желаемого состояний контролируемого объекта по заданным параметрам, выявление отклонений.
4. Сбор, составление, анализ и оценка отклонений.
5. Корректирующие действия, соответствующие указанным отклонениям, их последствиям и причинам; в этом случае корректирующие действия могут быть направлены на принятие управленческих решений и их реализацию, а также на изменение целей.

Основная концепция интегрированного контроля, напротив, состоит в том, чтобы помочь направить компанию к ее стратегическим целям и, в частности, сделать выбор в отношении создания экономической ценности. В этом смысле систему такого контроля следует рассматривать как

часть более далеко идущей системы управления, цель которой состоит в том, чтобы управлять субъектами социально-экономических систем и направлять их к выбранным стратегическим целям, тем самым сводя к минимуму риски. То есть, некий симбиоз внутреннего и внешнего контроля формирует объединенную систему уже на макроуровне. Наряду с этим должны браться в счет и другие составляющие элементы, также рассматриваемые как часть системы управления, которые позволяют заранее составить серию решений в отношении развития системы стратегического планирования и которые выполняют усиление действия в отношении достижения корпоративных целей.

Таким образом, для правильного понимания роли, которую система интегрированного контроля должна выполнять целесообразно провести четкое различие между контрольными действиями и инструментами, которые необходимы для их эффективного выполнения. Среди них делается ссылка на информационную систему исполнительной власти, которая должна включать хорошо сконструированную серию инструментов учета, если она хочет предоставить информацию, которая необходима в настоящее время для принятия эффективных исполнительных решений. Поэтому не случайно, что за последние годы инструментарий обработки данных был усовершенствован с помощью инновационных предложений, которые все в большей степени соответствуют изменившемуся конкурентному сценарию (инструменты динамических имитационных моделей, оценок на основе деятельности сбалансированных систем показателей). Классическая перспектива эффективности, наблюдаемая в отношении экономико-финансовых результатов, дополняется точкой зрения субъектов, от которых эти результаты напрямую зависят [1].

Более того, процедуры контроля обусловлены субъективными интерпретациями, меняющимися в течение многих лет, время от времени отдавая предпочтение решениям, нацеленным на удовлетворение условных эксплуатационных потребностей. Например, понимаемый в «традиционном» смысле, управленческий контроль подчеркивает результаты финансово-экономического характера и лишь частично учитывает две проблемы, возникающие в управлении: измерение и управление решающими факторами, лежащими в основе конкурентного преимущества и систематический мониторинг внешней среды [2].

Система интегрированного контроля, расширенная в отношении ее границ, может быть определена как структурированная и интегрированная система информации и процессов, используемая для поддержки деятельности по планированию и контролю в социально-экономических отношениях. Контроль, о котором идет речь, является также стратегическим типом контроля, который развивается в отношении «традиционной» модели, поэтому чтобы интерпретировать и управлять в своих интересах изменениями окружающей среды, предотвращать возникновение рис-

ков для компании и направлять поведение организации на постоянной основе в отношении преднамеренной стратегии. Другими словами, контроль становится стратегическим контролем, когда он систематически и заблаговременно обращает внимание контролирующих субъектов на стратегические последствия ежедневных операций [4]. Эта система должна позволять позиционировать субъекты экономических отношений в рамках временных рамок и конкурентного пространства, чтобы выявлять любые недостатки, которые могут нанести ущерб экономическим результатам.

Интегрированный контроль должен содержать три составляющих элемента:

- 1) ряд мероприятий по планированию и контролю, направленных на предварительное определение, а затем мониторинг результатов деятельности субъектов социально-экономических отношений;
- 2) набор инструментов учета, запланированных для обработки информации, поддерживающей процессы принятия решений, а также мероприятия по планированию и регуляции;

Литература:

1. *Ендовицкий Д.А.* Цель внутреннего контроля корпоративной устойчивости / Д.А. Ендовицкий, М.В. Панкратова. Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17. № 7(478). С. 1211–1226.
2. *Косоногова Е.С.* Понимание и интерпретация информации бухгалтерской отчетности как объект бухгалтерских исследований // Актуальные проблемы учета, экономического анализа и финансово-хозяйственного контроля деятельности организаций: материалы III Междунар. научно-практ. конф. 2010. С. 57–59.
3. *Косоногова Е.С.* Формирование отраслевых решений организации внутреннего контроля на основе моделирования и стандартизации / Е.С. Косоногова, И.А. Никитина, А.М. Малинин. Московский экономический журнал. 2017. № 4. С. 32.
4. *Орлов А.И.* Контроллинг явный и контроллинг скрытый. Контроллинг. 2018. № 69. С. 28–33.

3) информационная система, предназначенная для раскрытия информации, собранной и выборочно организованной, чтобы сконцентрировать информацию, предназначенную для руководителей, на решающих факторах корпоративной ценности. Каждый компонент представляет собой подсистему, каждая из которых является взаимодополняющей по отношению ко всем остальным, и единственное интегрированное рассмотрение которой позволяет идентифицировать систему управления.

Определив характеристики внешней среды, риски и факторы успеха, а также сформулировав и сообщив корпоративные стратегии, субъекты определяют параметры, подходящие для оценки достижения своих целей [3].

Таким образом, можно рассматривать идею концепции интегрированного контроля как структуру, нацеленную на удовлетворение информационных требований, которые в значительной степени зависят от критических процессов управления и от определения факторов стоимости, которые, в свою очередь, являются ключевым фактором успеха или риска отдельного субъекта.

Literature:

1. *Endovitsky D.A.* The purpose of internal control of corporate sustainability / D.A. Endovitsky, M.V. Pankratova. Economic analysis: theory and practice. 2018. T. 17. № 7(478). P. 1211–1226.
2. *Kosonogova E.S.* Understanding and interpretation of accounting information as an object of accounting research // Actual problems of accounting, economic analysis and financial and economic control of organizations: materials of the III Intern. scientific and practical. conf. 2010. P. 57–59.
3. *Kosonogova E.S.* Formation of industry decisions of the organization of internal control based on modeling and standardization / E.S.Kosonogova, I.A. Nikitina, A.M. Malinin. Moscow Economic Journal. 2017. № 4. P. 32.
4. *Orlov A.I.* Controlling explicit and controlling hidden. Controlling. 2018. № 69. P. 28–33.

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой
организации перевозок
и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна

старший преподаватель
кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**Пути оптимизации
ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ
ЗАТРАТ
ТОРГОВО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены пути оптимизации транспортно-логистических затрат торгово-производственных предприятий. Одной из актуальных проблем экономики предприятий остается проблема снижения себестоимости продукции при сохранении заданного уровня качества. Рассматриваются возможности снижения себестоимости путем оптимизации транспортно-логистических издержек на примере одного из крупных сетевых торгово-производственных центров.

Ключевые слова: логистика, расходы, логистические издержки, транспортно-логистические затраты, транспортные услуги.

Одной из актуальных проблем экономики предприятий остается проблема снижения себестоимости продукции при сохранении заданного уровня качества. Рассмотрим возможности снижения себестоимости путем оптимизации транспортно-логистических издержек на примере одного из крупных сетевых торгово-производственных центров (ТЦ), в котором имеется отдел доставки «Д», осуществляющий прием, обработку, сборку и доставку заказов клиентам, зарегистрированным как юридические лица.

Предметом исследования является логистическая система ТЦ и источники формирования издержек. В рассматриваемом ТЦ доставка осу-

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Manager of Department
of the Organization
of Transportations and Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior teacher
Departments of the Organization
of Transportations and Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

**WAYS TO OPTIMIZE TRANSPORT
AND LOGISTICS COSTS
OF TRADE AND
PRODUCTION ENTERPRISES**

Annotation. In this article, the authors consider ways to optimize transport and logistics costs of trade and production enterprises. One of the most pressing problems of the enterprise economy is the problem of reducing the cost of production while maintaining the specified level of quality. Let's consider the possibility of reducing the cost by optimizing transport and logistics costs on the example of one of the large network of trade and production centers.

Keywords: logistics, costs, logistic costs, logistic costs, transportation services.

ществляется не только по г. Краснодару, но и по всему Краснодарскому краю, кроме курортов черноморского побережья. Отдел доставки в ТЦ функционирует как отдельная организация, но тесно связанная и взаимодействующая с остальными отделами и службами [1]. Важным вопросом расчета транспортно-логистических издержек отдела доставки является формирование тарифа на перевозку в зависимости от длины маршрута. В настоящее время в ТЦ применяются тарифы в интервалах пробега от 50 до 100 км. Предлагается ввести промежуточные интервалы пробега только по 50 км. Рассмотрим долю транспортных расходов до изменения в системе тарифов и после (табл. 1).

Данную таблицу можно наглядно представить в виде диаграммы (рис. 1). На ней можно наглядно увидеть, за какой пробег транспортные расходы были выше всего, а по какому пробегу ТЦ не превысила норму. Можно отметить, что рейсы с пробегом 100–200 км имели самую низкую долю транспортных расходов в себестоимости, а рейс с пробегом до 600 км вышел самым «дорогим» для ТЦ.

Наглядно представим в одной диаграмме долю транспортных расходов до введения промежуточных пробегов и после (рис. 2).

Транспортные расходы в себестоимости продукции после изменений в тарифах представлены в таблице 2.

Проанализировав полученные данные, можно отметить, что доля транспортных расходов на каждый пройденный пробег после 300 км значительно изменилась [2], местами, даже увеличилась, но, несмотря на это, итоговый результат имеет положительный эффект. Добавление промежуточного пробега позволяет снизить транспортные расходы, оценить транспортные издержки более точно.

Таблица 1

Транспортные расходы в себестоимости продукции до изменений в тарифах

Пробег, км	Количество рейсов, шт	Сумма транспортных расходов без НДС, руб.	Сумма заказов без НДС, руб.	Доля, %
50	13	69173	1555309	4,45
100	60	375545	11298809	3,32
150	18	125010	4303445	2,90
200	5	38333	1076492	3,56
250	3	23597	358043	6,59
300	8	70450	1217142	5,8
400	24	260044	3829907	6,79
500	15	203986	2717902	7,51
600	1	12187	125497	9,71
Итого	147	1178325	26482546	4,45

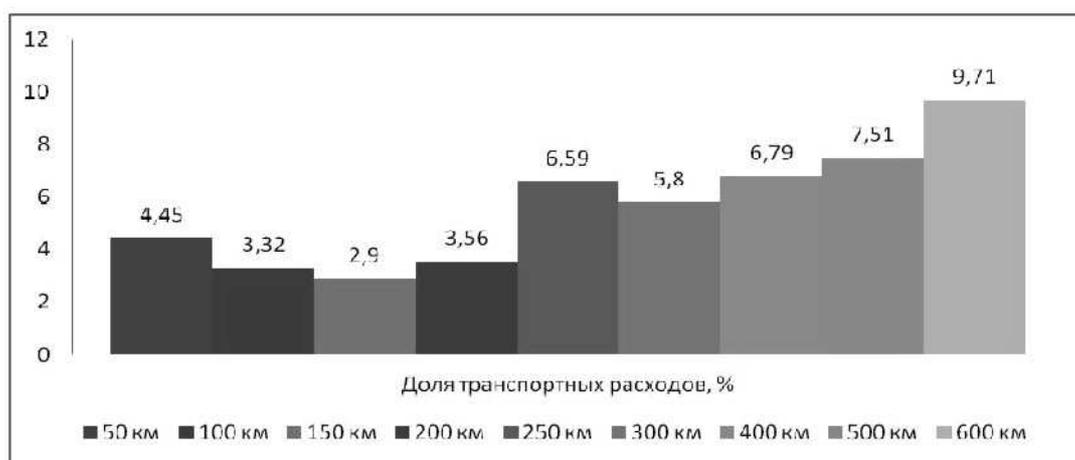

Рисунок 1 – Доля транспортных расходов до изменений в тарифах

Таблица 2

Транспортные расходы в себестоимости продукции после изменений в тарифах

Пробег, км	Количество рейсов, шт	Сумма транспортных расходов без НДС, руб.	Сумма заказов без НДС, руб.	Доля, %
50	13	69173	1555309	4,45
100	60	375545	11298809	3,32
150	18	125010	4303445	2,9
200	5	38333	1076492	3,56
250	3	23597	358043	6,59
300	8	70450	1217142	5,8
350	16	161656	2415798	6,69
400	8	86885	1414109	6,14
450	8	99475	1412662	7,48
500	7	98319	1305280	7,53
550	1	11558	125497	9,21
Итого	147	1160001	26482586	4,38

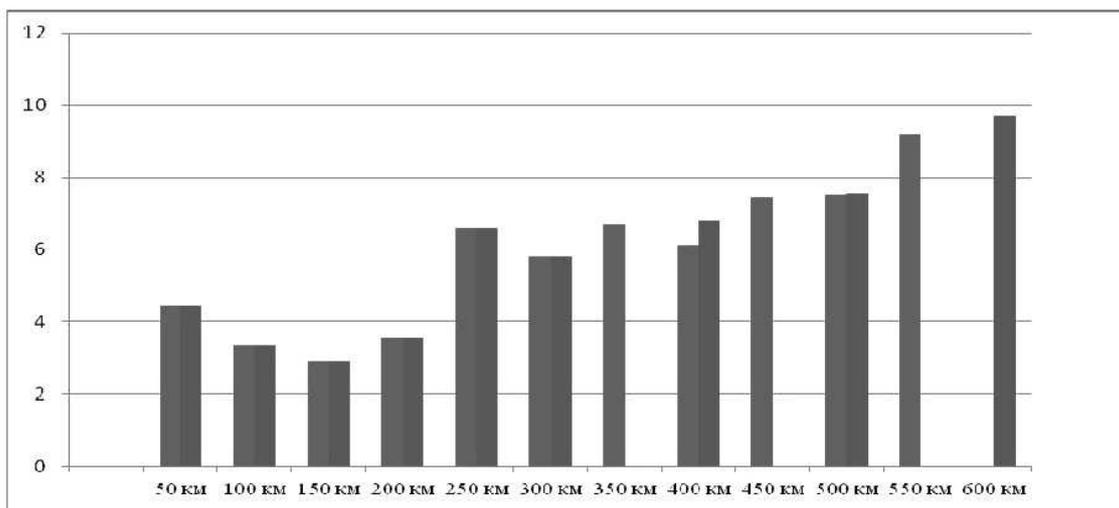

Рисунок 2 – Сравнение транспортных расходов, %

Если изначально сумма транспортных расходов составляла 1178325 рублей, то с добавлением тарифов сумма транспортных расходов составила 1160001 рубля, а доля транспортных расходов с 4,45 % снизилась до 4,38 %.

Внедрение изменений в тарифные ставки – процесс, легко реализуемый в рассматриваемом

Литература:

1. Коновалова Т.В. Основные направления оптимизации транспортно-логистических затрат предприятия торговли / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // В сборнике: Научно-технические аспекты развития автотранспортного комплекса Материалы V международной научно-практической конференции. Горловка, 2019. С. 286–289.

2. Коновалова Т.В. Методы снижения транспортно-логистических затрат предприятия торговли. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.А. Кузьмина. 2019. № 4. С. 217–220.

ТЦ. Внедрение новых промежуточных тарифных ставок позволит сократить транспортные издержки за доставку товара. Также, это позволит более точно оценивать ситуацию и, возможно, поможет найти новые способы по оптимизации логистических издержек в торгово-производственных предприятиях.

Literature:

1. Konovalova T.V. Main directions of optimization of transport and logistics costs of the trade enterprise / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan // In the collection: Scientific and technical aspects of the development of the transport complex Materials of the V international scientific and practical conference. Gorlovka, 2019. P. 286–289.

2. Konovalova T.V. Methods for reducing transport and logistics costs of a trade enterprise. Humanities, socio-economic and social Sciences / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan, M.A. Kuzmina 2019. № 4. P. 217–220.

Таранов Петр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
международной торговли
и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Диденко Надежда Петровна

кандидат экономических наук,
заместитель директора
Финансово-экономического колледжа
по учебной работе,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin@gmail.ru

**ДЕТЕРМИНАНТЫ ТОРМОЖЕНИЯ В
РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
(ПО ИТОГАМ 2019 г.)**

Аннотация. Актуальность предлагаемой авторами темы исследования связана с фактором торможения в общемировом экономическом развитии, ключевые детерминанты которого нуждаются в прояснении. В качестве ключевых детерминант рассматриваются: торговые войны и обострение торговых отношений, высокая степень глобальной и технологической неопределенности, риски нетрадиционной монетарной политики.

Ключевые слова: мировая экономика, детерминанты торможения, торговые войны, глобальная неопределенность, технологическая неопределенность, риски глобальной экономики.

На протяжении последних лет, и в особенности, в течение 2019 г. во всем мировом экономическом пространстве происходили существенные события, связанные с глобальной неопределенностью [1] и торговыми конфликтами между странами, что отразилось на темпах экономического роста развитых стран. В частности, это оказало влияние на мировую экономику: на данном этапе темпы экономического роста развитых стран значительно затормозились. Экс-

Petr V. Taranov

Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Head of the Department
of International Trade and Customs,
Rostov State Economic University
kmtitd@yandex.ru

Nadezhda P. Didenko

Candidate of Economic Sciences,
Deputy Director of the College of Finance
and Economics for Education,
Rostov State Economic University
kmtitd@yandex.ru

Sergei I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Department
of personnel Management and Sociology,
Rostov state economic university
samygin@gmail.ru

**DETERMINANTS OF BRAKING
IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD
ECONOMY (BY THE RESULTS OF 2019)**

Annotation. The relevance of the proposed research topic is related to the factor of inhibition in global economic development, the key determinants of which need to be clarified. The key determinants are: trade wars and the aggravation of trade relations, a high degree of global and technological uncertainty, risks and uncertainty of unconventional monetary policy.

Keywords: world economy, determinants of braking, trade wars, global uncertainty, technological uncertainty, risks of the global economy.

перты МВФ акцентировали внимание на том, что в последний раз рост мировой экономики был настолько медленным, как сейчас, в период прошедшего глобального экономического кризиса. Говоря о причинах, МВФ указывает на серьезные торговые противостояния и на риски геополитического характера [2].

В последние два десятилетия экономисты объясняют долговременную экономическую стагнацию (по определению «долговременная стагна-

ция», введенному в 2014 г. Л. Саммерсом) замедлением темпов роста производительности, которое получило свое начало еще в 1970-е годы. Распространено мнение, что в экономическом мировом пространстве происходят важные структурные изменения, когда на смену индустриальной стадии развития приходит инновационная стадия, связанная с кризисом производительности. Как подчеркивают отечественные экономисты Г.И. Идрисов, В.Н. Княгинин, А.Л. Кудрин и Е.С. Рожкова, «тенденция к снижению темпов роста производительности в большинстве индустриально развитых стран наиболее сильно проявилась в конце 2000-х – начале 2010-х годов; с 2011 г. темпы ее роста не превышают 1 % в год» (это практически более чем в два раза ниже по сравнению с 1990–2000 и 2000–2007 гг.) [3, с. 6]. По утверждению ученых, понижение темпов роста производительности труда в развитых странах «совпало с изменением основных параметров потребительского спроса, с переходом к потреблению глубоко кастомизированных или индивидуализированных продуктов. Даже в фазе восстановительного подъема после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. наблюдается относительно слабая экономическая динамика: темпы ежегодного прироста мирового ВВП в 2012–2016 гг. установились на среднем на уровне, который значительно (на 20–25 %) ниже значений предкризисного десятилетия 1998–2007 гг.» [3, с. 7].

Как показывает социально-экономический анализ мировой экономики и международных экономических отношений [4], детерминантами торможения темпов развития мировой экономики, являются следующие ключевые детерминанты:

Во-первых, торговые войны и обострение торговых отношений на международном рынке: в частности, торговая война между США и Китаем. Затяжной торговый конфликт между этими двумя крупнейшими экономиками мира распространился на технологическую отрасль и заставил компании переосмыслить цепочки поставок. Повысились пошлины на китайский импорт в США, что побудило многие китайские компании перенести производство из Китая в другие страны. Между тем, Китай продолжает поиски новых экспортных рынков [5].

Американский аналитик К. Рогофф, в рамках анализа рисков развития глобальной экономики, указывает на риски усиления напряженности в торговых отношениях и риски ухудшения функционирования финансовых рынков во время торговых международных войн. Более того, К. Рогофф полагает, что ослабление экономики Китая наряду с тенденцией к ужесточению монетарной политики в США заслуживают отдельного рассмотрения в числе ряда причин торможения в развитии глобальной экономики, при этом фактор ослабления экономики Китая он считает наиболее серьезным [6].

Во-вторых, высокая степень глобальной и технологической неопределенности, обусловленной неочевидными перспективами развития круп-

нейших мировых экономик, включая США, Китай, еврозону), с ситуацией на мировом рынке энергоносителей, геополитической напряженностью, снижением спроса на производственную и промышленную продукцию [7]. Так, например, спрос на продукцию немецкого производства на глобальном рынке оказался в первом полугодии 2019-го ниже, чем ожидали экономисты, а в следующем году этот показатель должен составить 1,2 %, что на 0,5 % ниже того уровня, который фигурировал в июльских прогнозах МВФ [2]. Кроме того, согласно подсчетам экономистов, приостановка производства лайнеров может сократить рост ВВП США в I квартале 2020 г. как минимум на половину процентного пункта [5].

По мнению зарубежного исследователя Д. Родрика, на развитие производства и промышленности стали сильно влиять падающая отдача от масштаба и избыточность основных фондов. Существенно сократился рост производительности в обрабатывающей промышленности, которая выступает системным заказчиком и потребителем продукции инновационно-технологических отраслей. Фактически речь идет о том, что традиционные технологии производства в большинстве секторов приблизились к пределу производительности, за которым отдача инвестиций резко падает. Эффективность традиционных технологий стала снижаться и в неиндустриальных секторах мировой экономики: сельском хозяйстве, транспорте, энергетике, здравоохранении, образовании и социальной сфере в целом [8].

В-третьих, еще одной ключевой детерминантой торможения в развитии мировой экономики являются риски повышения финансовой неопределенности (риски и неопределенность нетрадиционной монетарной политики). К рискам финансовой стабильности, возникающим вследствие реализации политики отрицательной процентной ставки, относятся: снижение доходности финансового сектора, а также увеличение спроса на высоко рискованные активы. Многие развитые страны оказались в ловушке ликвидности, возникающей, как правило, в условиях неработоспособности традиционных монетарных мер, нулевой или близкой к нулевому значению номинальной ставки процента. Подобного рода обстоятельства складывались на фоне повсеместного дефляционного кризиса. Ярким примером экономики, для которой характерны признаки ловушки ликвидности, является экономика Японии. Р.А. Амагаев отмечает, что в большинстве случаев в развитых странах проблема дефляции и низких номинальных ставок приводит к росту реальной ставки процента и, как следствие, к увеличению средней склонности к сбережению, что, в свою очередь, выступает фактором, тормозящим экономическое развитие [9].

Ослабление финансовых рынков в 2018–2019 гг., по мнению Е.Е. Луцкой, вызвано следующими факторами: тенденцией к снижению на развивающихся рынках, угрозой банкротства итальянских банков, а также т.н. правительственным «шатдауном» в США (который связан с прекращением работы части государственных учреждений США, финансируемых непосредственно

конгрессом по причине отсутствия согласованного бюджета на следующий финансовый год) [10].

Кроме того, деструктивным и дестабилизирующим событием, произошедшим в британской экономике, с последствиями, испытываемыми всем мировым экономическим сообществом, является Brexit. Несмотря на то, что Великобритания проголосовала за выход из ЕС еще на этапе 2016 г., страна остается в тупике Brexit, что по-прежнему является серьезным фактором неопределенности, отражающейся на мировой экономике. По всей вероятности, Brexit вновь станет источником мирового экономического беспокойства в конце следующего года, когда закончится переходный период после выхода Великобритании из Европейского союза [5]. По этому поводу, в частности, немецкий канцлер А. Меркель заявила, что нынешнее развитие конъюнктуры нельзя охарактеризовать иначе как «тревожное». Вероятный неурегулированный выход Британии из ЕС А. Меркель назвала при этом одним из факторов, оказавших непосредственное влияние на процессы торможения мировой экономики [2].

В-четвертых, по причине того, что страны ЕС еще никак не преодолели последствия мирового экономического кризиса, этот фактор сказывается на ограничении возможностей экспорта, который выступал важнейшим драйвером роста в рамках сырьевой модели развития [11, с. 110]. Ситуацию усугубила санкционная политика со стороны США и стран ЕС, особенно против энергетического, судоходного и финансового секторов: санкции привели к тому, что иностранные инвестиции прекратились, а экспорту нефти был нанесен удар. В результате в 2018 г. ВВП Ирана упал на 3,9 % согласно оценкам МВФ. А по данным Центробанка Южной Кореи, экономика Северной Кореи в 2018 г. сократилась второй год подряд, испытав самый резкий спад за 21 год под влиянием международных санкций [5]. В целом, мировые центральные банки столкнулись с проблемами применения «новых» мер монетарной политики, которые позволили бы им преодолеть последствия мирового экономического кризиса [12].

Что касается российской экономики, то основная причина замедления экономического роста сопряжена с исчерпанием резервов традиционного экспортно-ориентированного развития экономики России, а также – с проблемами вялотекущей инновационной трансформации. Согласно долгосрочным прогнозам института народнохозяйственного прогнозирования РАН в перспективе до 2030 г. при сложившейся структуре национальной экономики экономический рост

будет ограниченным с несколько понижающей тенденцией, как и мировой в целом [13, с. 120].

В-пятых, говоря о детерминантах торможения в развитии мировой экономики, следует отметить, что все экономические отношения в производственной деятельности следует искать во внеэкономических истоках, поскольку начинают зависеть от внутренних отношений высшей власти, (которые демонстрировали в своих компаниях Форд, Рокфеллер, Крайслер, Дюпон, Морган). Если отношения сконцентрировались вокруг власти, следовательно, глобальная экономическая жизнедеятельность по своей сути содержательно перестраивается на политический манер, соответствуя нормам не простой борьбы за финансовую прибыль, но в первую очередь – борьбу за глобальную власть.

В соответствии с прогнозами МВФ, темпы роста глобального ВВП в 2018 г. были на уровне 3,7 %, а в 2019 – уже 3,5 %. Такие цифры отражают долгосрочную тенденцию в направлении падения и торможения темпов роста экономик развитых стран: в 2018 г. – 2,3 %; 2019 г. – 2,0 %; в 2020г. – 1,7 %, а также – краткосрочное сокращение темпов роста стран с развивающейся экономикой (Турции, Аргентины, Китая) [14]. Что касается США, то в 2019 г. наблюдалось сокращение темпов роста ее экономики до 2,5 %, а в 2020 г. ожидается падение роста до 1,8 %. Е.Е. Луцкая объясняет этот факт «исчерпанием фискальных стимулов и постепенным повышением процентной ставки по федеральным обязательствам» [10, с. 38].

В целом, целесообразно рассматривать все ключевые детерминанты торможения в развитии мировой экономики во взаимосвязи. Окончание торговых войн, снижение технологической и финансовой неопределенностей в развитых странах, а также снижение рисков и неопределенности нетрадиционной монетарной политики – улучшит перспективы роста экономик развитых стран мирового сообщества. Эти факторы, в свою очередь, будут способствовать созданию благоприятных внешних условий для развития европейских стран, и снижать угрозу не только глобальной неопределенности, но также технологической, социально-политической и экономической неопределенности в мировом сообществе. Для восстановления развития мировой экономики актуальной является разработка международной инновационной модели экономического роста, в рамках которой необходимо расширение международного сотрудничества многих развивающихся стран: России, Германии, Франции, Китая, США и др.

Литература:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva,*

Literature:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva,*

V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev. 2019. Т. 8. № 2.1.

2. URL : <https://pronedra.ru/mvf-zhdet-poniz-heniya-tempov-rosta-mirovoj-ekonomiki-v-2020-godu-437238.html>

3. *Идрисов Г.И.* Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России / Г.И. Идрисов, В.Н. Княгинин, А.Л. Кудрин, Е.С. Рожкова // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.

4. *Таранов П.В.* Мировая экономика и особенности ее глобализации / П.В. Таранов, Л.Х. Попова, И.В. Куликова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 146–150.

5. URL : <https://www.vestifinance.ru/articles/130715>

6. *Rogoff K.* Risks to the Global Economy in 2019 // Project syndicate. 2019. URL : <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-economy-main-risks-in-2019-by-kenneth-rogoff-2019-01?barrier=accesspaylog>

7. URL : <https://popecon.ru/573-zamedlenie-ekonomicheskogo-rosta-v-razvityh-stranah-osnovnye-prichiny.html>

8. *Rodrik D.* Premature deindustrialization. Journal of Economic Growth. 2016. Vol. 21. № 1. P. 1–33.

9. *Амагаев Р.А.* Риски и неопределенность нетрадиционной монетарной политики в меняющихся экономических реалиях // Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы: Материалы научной конференции. М., 2019. С. 10–18.

10. *Луцкая Е.Е.* Основные риски глобальной экономики в кратко- и среднесрочной перспективе: прогнозы западных аналитиков // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 2, Экономика. 2019. С. 38–44.

11. *Лякин А.Н.* Причины стагнации российской экономики // Проблемы современной экономики. 2014. С. 110–112.

12. *Таранов П.В.* Мировой экономический кризис и его влияние на российскую экономику / П.В. Таранов, Л.Х. Попова, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7.

13. *Комков Н.И.* Проблемы экономического развития: факторы и детерминанты / Н.И. Комков, М.Н. Дудин, Н.В. Лясников // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 2(22). С. 116–128.

14. World economic outlook update: A weakening global expansion / IMF. 2019. URL : <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2-019/01/11/weo-update-january-2019>

V.V. Kasyanov, T.V. Bahutashyili, P.A. Ponomarev. 2019. Т. 8. № 2.1.

2. URL : <https://pronedra.ru/mvf-zhdet-poniz-heniya-tempov-rosta-mirovoj-ekonomiki-v-2020-godu-437238.html>

3. *Idrisov G.I.* New technological revolution: challenges and opportunities for Russia / V.N. Knyaginina, A.L. Kudrin, E.S. Rozhkova // Issues of Economics. 2018. № 4. P. 5–25.

4. *Taranov P.V.* The world economy and features of its globalization / P.V. Taranov, L.Kh. Popova, I.V. Kulikova // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 146–150.

5. URL : <https://www.vestifinance.ru/articles/130715>

6. *Rogoff K.* Risks to the Global Economy in 2019 // Project syndicate. 2019. URL : <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-economy-main-risks-in-2019-by-kenneth-rogoff-2019-01?barrier=accesspaylog>

7. URL : <https://popecon.ru/573-zamedlenie-ekonomicheskogo-rosta-v-razvityh-stranah-osnovnye-prichiny.html>

8. *Rodrik D.* Premature deindustrialization. Journal of Economic Growth. 2016. Vol. 21. № 1. P. 1–33.

9. *Amagayev R.A.* Risks and uncertainty of non-traditional monetary policy in changing economic realities / Russia in the global economy: new challenges and threats: Materials of a scientific conference. M., 2019. P. 10–18.

10. *Lutsкая E.E.* The main risks of the global economy in the short and medium term: forecasts of Western analysts // Social and Human Sciences. Ser. 2, Economics. 2019. P. 38–44.

11. *Lyakin A.N.* Reasons for the stagnation of the Russian economy // Problems of the modern economy. 2014. P. 110–112.

12. *Taranov P.V.* The global economic crisis and its impact on the Russian economy / P.V. Taranov, L.Kh. Popova, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 7.

13. *Komkov N.I.* Problems of economic development: factors and determinants / N.I. Komkov, M.N. Dudin, N.V. Lyasnikov // MIR (Modernization. Innovations. Development). 2015. № 2(22). P. 116–128.

14. World economic outlook update: A weakening global expansion / IMF. 2019. URL : <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2-019/01/11/weo-update-january-2019>

Федоренко Роман Владимирович

кандидат экономических наук,
кафедра мировой экономики,
Самарский государственный
экономический университет,
fedorenko083@yandex.ru

Тойменцева Ирина Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
кафедра маркетинга,
логистики и рекламы,
Самарский государственный
экономический университет
tia67@rambler.ru

Цегледи Тамаш

PhD,
Университет Шопрона,
Венгрия, Шопрон
czegledy.tamas@uni-sopron.hu

Roman V. Fedorenko

Candidate of Economic Sciences,
Department of World Economics
Samara State Economic University,
fedorenko083@yandex.ru

Irina A. Toymentseva

Doctor of Economics,
Professor,
Department of Marketing,
Logistics and Advertising
Samara State Economic University,
tia67@rambler.ru

Tsegledi Tamash

PhD,
University of Schopron,
Hungary, Schopron
czegledy.tamas@uni-sopron.hu

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ЛОГИСТИКИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ
ПЕРЕВОЗОК В РОССИИ
И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы по созданию логистических центров, развитию транспортной инфраструктуры, обеспечению интегрированного логистического обслуживания. Обозначена важность развития логистической инфраструктуры для успешной реализации выхода региональных компаний на международные рынки сбыта. Изучен опыт стран Европейского Союза в вопросах развития логистической инфраструктуры. Дана оценка транспортной системы страны, представлена динамика объемов экспорта и импорта продукции России, представлен индекс эффективности логистики. Проведено исследование современного состояния логистического сопровождения внешнеторговых перевозок в странах Европейского Союза.

Ключевые слова: транспорт, торговля, логистический центр, материальный поток, эффективность, услуги, интермодальные перевозки, прямое и смешанное сообщение.

Важную роль в экономике страны играет транспорт. Доля транспортной отрасли составляет 7 % в общей структуре валовой добавленной стоимости. Развитие транспортной инфраструктуры является основой развития как внешней, так и внутренней торговли, что способствует увеличению их объемов реализации. На

**CURRENT STATE OF LOGISTICS
OF FOREIGN TRADE TRANSPORT
IN RUSSIA AND EUROPEAN
UNION COUNTRIES**

Annotation. The authors research problems of logistics centers, transport infrastructure development, provision of integrated logistics services. The importance of developing the logistics infrastructure for the successful implementation of regional companies' entry into international sales markets is indicated. The experience of the European Union countries in the development of logistics infrastructure is studied. An assessment is made of the country's transport system, the dynamics of export and import volumes of Russian products are presented, and the logistics efficiency index is presented. A study of the current state of the logistics support of foreign trade in the countries of the European Union.

Keywords: transport, trade, logistics center, material flow, efficiency, services, intermodal transport.

региональном уровне успех включения в мировую хозяйственную систему определяется, во многом, уровнем развития логистической инфраструктуры. Важным элементом внешнеэкономической деятельности региона является развитие единой таможенно-логистической инфраструктуры [3].

Как показывает успешный зарубежный опыт, наилучшую экономическую эффективность в экономике страны обеспечивает интегрированное логистическое обслуживание. Оно позволяет отдельным участникам рынка предоставлять логистические услуги, которые способствуют интеграции и координации продвижения материального потока¹.

С этой целью создаются логистические центры (далее, ЛЦ), к основным функциям которых относятся грузообработка и хранение, таможенное оформление и информационные услуги. Основное назначение ЛЦ заключается в сокращении сроков поставок от поставщиков к потребителям с наименьшими затратами и с предоставлением сервисных услуг. В результате, повышается маневренность поставок и достигается оптимизация движения товарно-материального потока в сокращенной цепи поставок.

При объединении ЛЦ в логистические сети достигается эффект масштаба. Существуют также транспортно-логистические центры (ТЛЦ), которые для экспедиторских и транспортных компаний предоставляют свободные площади, в т.ч., и для грузового автотранспорта. В транспортно-логистических центрах может производиться техническое обслуживание автомобилей, а также – предоставляться брокерские и другие виды логистических услуг [1].

Создание ЛЦ позволяет решить, прежде всего, социальные проблемы (экологическая, вызванная автомобильным транспортом, поддержка стратегии развития национальных железных дорог), а также – проблему оказания помощи предприятиям малого и среднего бизнеса. При взаимодействии нескольких участников логистического рынка таких как: экспедиторские, страховые, таможенные компании, грузоотправители и поставщики разнообразных услуг с магистральной транспортной системой, образуются логистические центры. ЛЦ между собой взаимосвязаны, но также они взаимодействуют с морскими портами, объединенными регулярным железнодорожным сервисом, в связи, с чем ЛЦ рассматриваются как продолжение морской контейнерной системы в хинтерленд [1].

Для грузопереработки и перевалки больших объемов крупнотоннажных контейнеров ЛЦ оснащены современными автоматизированными погрузочно-разгрузочными механизмами, которые являются едиными для различных видов транспорта при осуществлении интермодальных/мультимодальных перевозок.

С усилением конкуренции товаропроизводители промышленно развитых стран стали все больше уделять внимания снижению конечной цены продукции, в частности уменьшению транспортных затрат [2].

В результате внедрения современных транспортно-логистических технологий в создаваемые

ЛЦ, доля затрат на транспортно-логистические операции снизилась от 10 до 30 %, и цена на конечный продукт, в целом, уменьшилась на 10–13 %, что позволило производителям вывести на рынок продукцию по привлекательной для конечных потребителей цене.

По оценкам экспертов, затраты на логистические услуги в Европейском Союзе (ЕС), в целом, составляют порядка 13,5 % от ВВП. Опыт зарубежных стран подчеркнул важность и необходимость развития ЛЦ, что положительно сказывается на формировании бюджета страны и снижении затрат клиентов. В Европейском Союзе логистическим услугам уделяется особое внимание, т.к. оборот рынка этих услуг достигает более 600 млрд. евро в год. Использование транспортно – логистических центров (ТЛЦ) в результате осуществления мультимодальных перевозок, по данным Европейской логистической ассоциации [4], позволяет снизить издержки клиентам на 12–15 % от стоимости доставки в прямом смешанном сообщении.

Несмотря на существующие различия между ЛЦ, в Европе отмечаются и общие черты, такие как:

– использование мультимодальности при доставке грузов;

– стимулирующие методы при замене одного вида транспортировки на другой;

– открытость и доступность информации для работы нейтральных операторов ЛЦ [1].

Эти характеристики являются основой успешной деятельности всех участников логистического рынка и позволяют ЛЦ быть гибкими при изменениях, происходящих во внешней среде.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, грузооборот российского транспорта на протяжении продолжительного периода времени растет. В 2018 г. он увеличился на 2,8 %, а объем перевезенных грузов – на 2,4 %; также растет объем перевалки грузов в морских портах: за последние 20 лет грузооборот увеличился в 6 раз и в 2018 г. он превысил 800 млн. т. В 2019 г. отмечается снижение темпов роста российской экономики по всем показателям, что связано со снижением добычи нефти согласно соглашению ОПЕК+ и с увеличением ставки НДС.

Так как основные грузоотправители находятся в центре страны, а значительная доля грузов идет на экспорт, то в России средняя дальность перевозок железнодорожным транспортом растет. Если сравнивать данный показатель с Индией и Китаем, то он в три раза выше.

Несмотря на значительную протяженность страны с запада на восток, перевозки автомобильным транспортом осуществляются, преимущественно, на короткие расстояния. Доля автомобильного транспорта в общей структуре перевозимых грузов в России, США и Китае составляет от 60 % до 75 %, но доля автомобильного транспорта в структуре грузооборота в России незначительна – всего 5 %, в США – 40 % и в Китае – 34 %.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-510-23001.

В России водный транспорт занимает малую долю в грузообороте (около 2 %), в США – 10 %, а в Китае он составляет 50 %.

Анализируя грузооборот морских портов, можно сделать вывод о том, что объем перевалки гру-

зов в Китае превышает российский показатель в 10 раз, США в три раза.

Сравнительная характеристика транспортной системы России с мировой представлена в таблице 1.

Таблица 1

Позиции транспортной системы России в мире

Вид транспорта	Место, занимаемое в мире	Значение
Протяженность железнодорожных линий, тыс. км	3	86
Протяженность автомобильных дорог, тыс. км	5	1529
Объем перевалки грузов (порт Новороссийск), млн т	3	155
Протяженность внутренних водных путей, тыс. км	2	101

В целом, структура грузооборота по видам транспорта с 2014 г. по 2018 г. практически не изменялась. Треть всех перевозок (более 90 % грузооборота) приходится на железнодорожный и трубопроводный транспорт, две трети объема перевозок осуществляется автомобильным транспортом (5 % грузооборота). Это связано с увеличением дальности железнодорожных перевозок, а также – с увеличением перевозок низкодоходных грузов[5].

Одним из основополагающих факторов развития транспортных систем является рост торговли, и в 2018 г. он оказался ниже запланированного 3 % против 3,9 % и ниже, чем в 2017 г (4,6 %). Всемирная торговая организация (ВТО) обосновывает это снижение с нестабильностью финансовых рынков и ужесточением денежно-кредитной политики в развитых странах. Оборот российской внешней торговли в 2018 г. увеличился на 18%, но не достиг результата 2017 г. (25 %).

Географическая структура внешней торговли России такова: доля стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) выросла на 11 % за 10 лет (с 20 % в 2008 г. до 31 % в 2018 г.), что сказалось на изменении направлений грузопотоков. Отмечается масштабное строительство портов и пограничных переходов на Дальнем Востоке и, в целом, развитие транспортной инфраструктуры.

Рост цен на нефть способствовал увеличению ее экспорта. Также, отмечается положительная динамика роста объемов экспорта пшеницы, угля, черных металлов. Прирост Российского экспорта составил 26 %, а импорта – 5 %. Сравнительная характеристика объемов экспортируемой продукции за 2016 г. – 2018 г. представлены на рисунке 1.

Также, отмечается увеличение физических объемов во внутренней торговле: в оптовой – на 3,8 %, а в розничной – на 2,8 %. Всемирный банк опубликовал индекс эффективности логистики (LPI) для 160 стран мира, в том числе, и для России (рис. 2).

Этот показатель основан на опросе операторов, т.е., глобальных экспедиторов, экспресс-перевозчиков, которые публикуют свои отзывы о работе в области логистики с теми странами, с кем они осуществляют торговлю. LPI позволяет определить проблемы и возможности страны в области торговой логистики. Этот индекс измеряет производительность всей цепи поставок страны и позволяет определить как внутренние, так и международные перспективы страны. В настоящий момент времени, лидерами по уровню развития логистики являются страны Западной Европы, в частности, Германия (LPI – 4,23 % из 5 % максимально возможных) и развитые азиатские регионы.

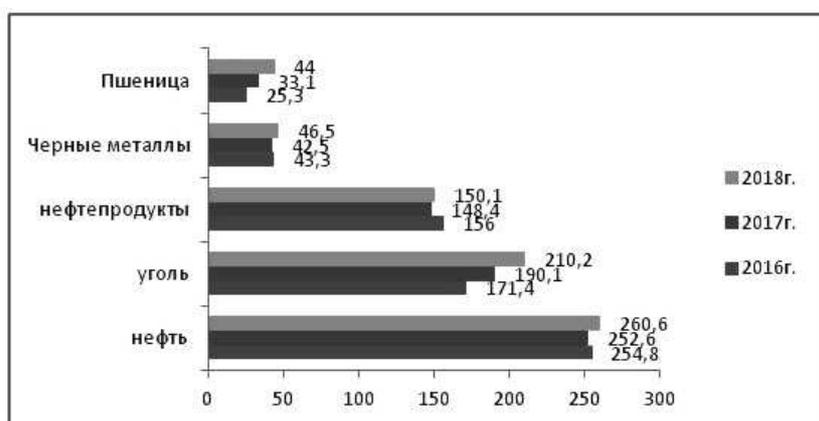

Рисунок 1 – Экспорт основных товаров в натуральном выражении, млн т [6]

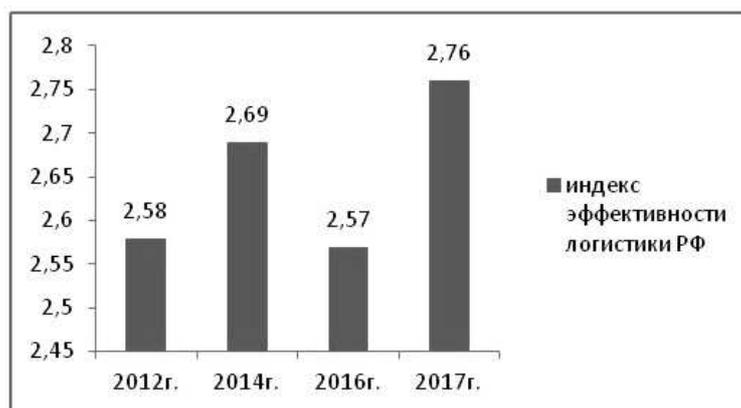

Рисунок 2 – Индекс эффективности логистики России [7]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо развивать логистику и наращивать мощность инфраструктуры ЛЦ, объединяя их единым информационным управлением материальными потоками и логистическими процессами. Совместное решение вопросов планирования и финансирования проектов по созданию автомобильных и железнодорожных сообщений, взаимодействующих непосредственно с водным

транспортом, требуют поддержки органов государственной власти. Разработка сетей ЛЦ позволит значительно сократить затраты по поставкам (экспортным и импортным), запасы в пути, время на оформление груза и его доставки от производителя до конечного потребителя, уменьшить количество и время простоя груза в пунктах таможенного контроля.

Литература:

1. *Сергеев В.И.* Общие тенденции развития логистических центров за рубежом // *Логистика и управление цепями поставок.* 2012. № 5(52). С. 7–18.

2. *Тойменцева И.А.* Создание транспортно-логистической системы как залог развития инфраструктуры региона / *И.А. Тойменцева, Е.В. Швецова* // *Вестник Самарского Государственного Экономического университета.* Самара, 2015. № 4. С. 15–17.

3. *Федоренко Р.В.* Логистизация таможенного обслуживания как фактор повышения эффективности работы участников ВЭД // *Управленец.* 2014. № 4(50). С. 64–67.

4. URL: <https://www.elalog.org>

5. URL: <https://www.ey.com>

6. URL: <https://www.gks.ru>.

7. URL: <https://lpi.worldbank.org>

Literature:

1. *Sergeev V.I.* O General trends in the development of logistics centers abroad // *Logistics and Supply Chain Management.* 2012. № 5(52). P. 7–18.

2. *Shvetsova E.V.* Development of transport-logistics system as collateral infrastructure development of the region / *I.A. Toimentseva, E.V. Shvetsova* // *Vestnik of Samara State University of Economics.* Samara, 2015. № 4. P. 15–17.

3. *Fedorenko R.V.* Customs Service Logistization as a Factor in Improving the Efficiency of Foreign Economic Activity Participants // *Upravlenets (The Manager).* 2014. № 4(50). P. 64–67.

4. URL: <https://www.elalog.org>

5. URL: <https://www.ey.com>

6. URL: <https://www.gks.ru>.

7. URL: <https://lpi.worldbank.org>

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 20.01.2020
Подписано в печать 23.01.2020
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,17
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 41

e-mail: id.yug2016@gmail.com